

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

РГГУ

11

2016

Серия «История. Филология.
Культурология. Востоковедение»

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 11 (20)

Academic Journal

Series
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 11 (20)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2016

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рачич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фольтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаплина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурново, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манин, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мешеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: П.Н. Лебедев, канд. ист. н. (РГГУ)

ISSN 2073-6355

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

<i>Е.В. Бульчева</i> Организация и финансирование праздников Афродиты в Афинах и Северном Причерноморье в V–IV вв. до н. э.	9
<i>Т.Б. Гвоздева</i> Панафинейский праздник в комедиях Аристофана	17
<i>Р.В. Зарапин</i> Между свободой и империей: греческий полис в эллинистическом Египте	28
<i>М.Ю. Биркин</i> Представления о деятельной и созерцательной жизни: от Платона к христианской патристике	38
<i>Д.В. Обрезкова</i> Эволюция статуса императорских чиновников в отражении кодекса Феодосия: на примере нотариев	47
<i>И.Е. Ермолова</i> Расселение варваров в Римской империи	56
<i>А.И. Черных</i> Политические противоречия внутри галло-римской элиты V в. н. э. в свете позднеантичных источников	65
<i>А.А. Новикова</i> Первый крестовый поход и его последствия для чешских евреев: по «Богемской хронике» Козьмы Пражского	76
<i>О.С. Силина</i> Монастыри миноритов в городском пространстве: на материале городов Англии XIII в.	85
<i>М.А. Лапшинов</i> Образ Ричарда Львиное Сердце в контексте представлений о рыцарском идеале XIII в.: на основе «Книги о рыцарском ордене» Рамона Льюля	93

Личность, общество и власть в XVI–XX вв.

<i>А.Н. Ларионова</i> «Движение за свободу и народные права» и первые проекты конституции Японии	101
<i>Е.К. Чернецкая</i> Практика чтения ежедневной прессы в вильгельмовской Германии: на примере анализа содержания газеты “Norddeutsche Allgemeine Zeitung”	110
<i>Н.В. Ростиславлева</i> Отто фон Бисмарк: трансформация культуры памяти	120
<i>Е.В. Королева</i> Весеннее наступление 1918 г. в воспоминаниях военной элиты Германской империи	130
<i>А.Д. Стрельцов</i> «Мы вернулись в положение августа 1914-го»: Рурский конфликт 1923 г. в восприятии премьер-министра ЮАС Яна Христиана Сметса	138
<i>А.Н. Комаров</i> О влиянии консерватизма, либерализма и социал-демократизма на общественно-политическое развитие Канады	148
Abstracts	154
Сведения об авторах	161

CONTENTS

The person and society in the civilizations of the Antiquity and the Middle Ages

---

<i>E. Bulycheva</i>	
The organising and financing Aphrodite festivals in Athens and the Northern Black Sea in the V–IV B.C.	9
<i>T. Gvozdeva</i>	
The Panathenaic festival in the comedies by Aristophanes	17
<i>R. Zarapin</i>	
Between freedom and empire. Greek polis in Hellenistic Egypt	28
<i>M. Birkin</i>	
Notion about active and contemplative life. From Plato to Christian patristics	38
<i>D. Obrezkova</i>	
The evolution of the status of imperial functionaries in the reflection of the Theodosian Code. By the example of notaries	47
<i>I. Ermolova</i>	
The Barbarian's settlements in the Roman Empire.	56
<i>A. Chernykh</i>	
The political contradictions within the Gallo-Roman elite of the V th century A. D. in view of late Antiquity sources.	65
<i>A. Novikova</i>	
First Crusade and its impact on Czech Jewry in Cosmas's "Chronicle of Bohemians"	76
<i>O. Silina</i>	
The minorities convents in the urban space. A case study of English towns in the 13 th century.	85
<i>M. Lapshinov</i>	
The image of Richard the Lionheart in the context of thinking of the chivalric ideal of the 13 th century. Based on "The Book of the Order of Chivalry" by Ramon Llull	93

The person, society and power in the XVI–XX centuries

<i>A. Larionova</i>	
“The Freedom and People’s Rights Movement” and the first draft constitutions of Japan	101
<i>C. Chernetskaya</i>	
Reading practice in Wilhelmine Germany. Based on content analysis of the newspaper “Norddeutsche Allgemeine Zeitung”	110
<i>N. Rostislavleva</i>	
Otto von Bismarck. The transformation of memory culture	120
<i>E. Koroleva</i>	
The 1918 spring offensive in the memoirs of the German Empire military elite	130
<i>A. Streltsov</i>	
“We are back in the position of August 1914”. Occupation of the Ruhr 1923 in the perception of the prime minister of South African Union Jan Christian Smuts	138
<i>A. Komarov</i>	
About the influence of conservatism, liberalism and social democracy on the political development of Canada	148
Abstracts	154
General data about the authors	163

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

Е.В. Булычева

Организация и финансирование праздников Афродиты в Афинах и Северном Причерноморье в V–IV вв. до н. э.

Цель статьи – рассмотреть систему организации и финансирования праздников в честь богини Афродиты в Афинах и Северном Причерноморье в V–IV в. до н. э. Основным источником является эпиграфический материал. Изучение содержания надписей дает представление о том, как были организованы празднества, из каких средств происходило их финансирование. Праздники играли важную социальную роль, они способствовали консолидации граждан, их ответственности перед полисом.

Ключевые слова: надписи, Афины, Северное Причерноморье, празднества, Афродита, полис, граждане.

Праздники являются одной из важнейших форм общественной жизни и культуры каждого народа. В эпоху Античности в Древней Греции и Риме празднества, как правило, справлялись в честь богов и героев. Современные ученые полагают, что изучение организации праздника и отношение к нему разных членов общества является очень важным для понимания характера народа¹. Жизнь граждан в Древней Греции состояла из череды будней и праздников. О значении последних неоднократно писали античные авторы. Страбон замечает, что праздничный отдых является весьма полезным, особенно в сочетании с проведением священных обрядов (X. 3.9). Он также полагает, что отдых отвлекает ум от человеческих занятий и способствует обращению подлинно свободного ума к божественному (X. 3. 10).

В отечественном антиковедении существует немного работ, посвященных вопросам организации и проведения праздников

в Древней Греции. Самым крупным исследованием по данной теме, появившемся в последнее время, следует назвать монографию М.В. Скржинской². Более ранними работами по этому вопросу являются труды отечественных и зарубежных авторов, в которых особенно подробно освещены проблемы, связанные с системой проведения празднеств в греческом мире в эллинистическое время, а также труды, посвященные наиболее известным мероприятиям – Олимпийским и Панафинейским играм³. Как правило, ученые уделяют особое внимание изучению вопросов, связанных с проведением крупных праздников в древнегреческом мире, в частности Элевсинским мистериям и Панафинейским играм. В то же время практически отсутствуют исследования, в которых рассматриваются проблемы организации локальных празднеств в греческом полисе. В связи с этим целью настоящей статьи является рассмотрение вопросов, связанных с организацией и финансированием праздников в честь Афродиты, которые справляли на территории Афин и Северного Причерноморья. Основным источником изучения является эпиграфический материал, надписи, посвященные организации праздников, а также отдельные договоры об организации аренды священных земель, в которых есть сведения о предоставлении средств на мероприятия в честь богини. Кроме того, будут использованы сведения античных авторов, касающиеся вопросов организации и проведения празднеств.

Впервые праздники в честь Афродиты начали отмечать в Северном Причерноморье в VII в. до н. э. Рожденная из морской пены богиня считалась покровительницей мореходов, а со временем стала почитаться как покровительница любви и красоты. В честь нее начиная с VII в. до н. э. стали возводиться храмы, первые из которых появились в боспорских городах Ките и Нимфее⁴. М.В. Скржинская отмечает, что сейчас благодаря археологическим раскопкам известны места, где справляли праздники в честь Афродиты на Боспоре, в Борисфене и Ольвии⁵. Археологический и эпиграфический материал с территории Северного Причерноморья предоставляет нам возможность довольно подробно ознакомиться с организацией церемоний в честь богини⁶. Одним из самых распространенных в классический период становится праздник Апатурий, который справляется в разных полисах в честь различных богов – Зевса, Афины и Афродиты. Данные, которые есть в нашем распоряжении в отношении организации праздника, связаны с сообщениями Геродота, Платона, Страбона и Павсания. Геродот отмечает, что Апатурии праздновали во многих областях Греции (Hist. I. 147). Он сообщает, что его празднуют афиняне и почти все

ионийцы, кроме жителей Эфеса и Колофона, которые не отмечают Апатурии. В честь Афродиты Апатурии справляли прежде всего на территории Афин и Северного Причерноморья.

Название праздника «Апатурии» первоначально, по-видимому, означало «совместный праздник отцов фратрии»⁷. Как известно, с архаического периода существовало деление греческого полиса на демы, филы и фратрии. Фратрии представляли собой древнейшие родовые и религиозные объединения, которые входили в состав административных подразделений полиса⁸. В классический период фратрии стали утрачивать свое политическое значение, но сохраняли роль организации граждан по родовому и религиозному принципу. В связи с этим Апатурии были религиозно-родовым празднеством. Воссоздать картину празднования Апатурий в честь Афродиты мы постараемся благодаря некоторым надписям, посвященным этому мероприятию, а также используя описание древнегреческих авторов.

Апатурии справляли осенью, в месяце пианепсионе в течение трех дней. В первый день члены фратрии собирались на совместную трапезу. Второй день посвящался организации жертвоприношений. Последний день был связан с детьми и подростками. В этот день, как сообщает Платон (Tim. 21 b), отцы представляли фратрии своих родившихся детей (мальчиков) и приносили жертвы в честь Афродиты. При этом Платон отмечает, что в каждой фратрии были свои правила для принесения жертвоприношений. В одних фратриях в качестве жертвы приносили овцу, в других козу (Tim. 21 b). После жертвоприношения происходила важная процедура внесения имени ребенка в особые списки, они служили основанием для принятия мальчика в равноправные члены братства после достижения им совершеннолетия. Платон также сообщает, что были случаи, когда кто-нибудь из фратрии оспаривал происхождение ребенка, протестовал против принятия его во фратрию. В таком случае проводилось голосование и принималось заключительное решение (Tim. 21 b). Третий день афинских Апатурий включал в себя определенную культурную программу, которая сопровождалась различными мусическими состязаниями. Мальчики должны были наизусть декламировать поэмы Гомера, а также читать стихи разных греческих поэтов. Это был конкурс, на котором следовало проявить себя лучшим декламатором, чтобы получить специальную награду (Tim. 21 b). В этот же день происходил очень важный обряд посвящения в будущие воины, когда подростки переходили из положения детей в разряд эфэбов, юношей, которые должны были служить в ополчении, защищая свою родину. Страбон в «Ге-

ографии» отмечает, что они должны были в процессе этого посвящения подносить Гераклу сосуд с вином и отрезанный локон своих волос (XI. 2. 10). Такое подношение, по-видимому, символизировало переход из детства во взрослую жизнь⁹. Интересно отметить, что подобная процедура происходила не только во время Апатурий, но и при проведении празднеств в честь других богов в разных областях греческого мира. В Милете такое приношение осуществлялось в честь Зевса, в Северном Причерноморье во славу Дионису и Афине¹⁰. В этот же день выступали поэты и драматурги, представлявшие на суд зрителей свои поэтические произведения. При этом в основе этих работ, по-видимому, должен был присутствовать определенный миф; Страбон полагает, что, возможно, граждане Афин, как и жители Северного Причерноморья, вспоминали мифический сюжет об обмане, который принес победу афинскому царю Меланфу в поединке с беотийцем Ксанфом (XI. 2. 10). Согласно преданию, когда на Афродите напали гиганты, она позвала на помощь Геракла и спрятала его в одной из пещер. Затем она стала принимать гигантов по одному и отдавала их Гераклу, чтобы он убивал ее врагов. Кроме того, Страбон сообщает, что для создания драмы в Северном Причерноморье, прежде всего на территории Боспора, поэты использовали еще один миф, посвященный Афродите и Гераклу. Согласно этому повествованию, в роли хтонического начала выступают гиганты, а уничтожившие их Афродита и Геракл утверждают право эллинов на земли у Боспора Киммерийского. Известно, что на других празднествах в честь богов сочинителям также предлагалось создавать произведения на мифологические сюжеты, связанные с историей возникновения праздника¹¹. Можно предположить, что организаторы празднества делали это специально, чтобы граждане помнили о традициях основания праздника.

Другим известным празднеством в честь богини Афродиты были Афродисии. Сведения о них можно почерпнуть из сообщений Афиней, а также благодаря тексту надписей. Афиней в своем сочинении «Пир софистов» сообщает, что этот праздник начали справлять в V в. до н. э. в Афинах (XIII. 590f). Мнение этого автора подтверждает надпись середины V в. до н. э., посвященная сдаче в аренду земельного участка дема Плотейцев (IG. II². 1172, lin. 8–10). Афиней также отмечает, что со временем, возможно в IV в. до н. э., этот праздник стали организовывать на Эгине и других островах, находящихся недалеко от Афин (XIII. 590f). Афродисии устраивали в месяце таргелионе. Праздник проходил в течение одного дня с утра до поздней ночи. Как и другие празднества, Афродисии начинались с жертвоприношения в честь богини (IG. II². 1172, lin. 10).

Основной частью праздника являлись песни и танцы в исполнении красивых девушек полиса. При этом Афинея отмечает, что со временем эти выступления стали наполняться неким эротизмом, к исполнению привлекались гетеры (например, знаменитая Фрина, муза скульптора Праксителя), что вызывало недовольство полисных властей (XIII. 590 f).

С течением времени стал меняться образ богини, что, по-видимому, влияло на проведение празднеств в ее честь. В конце IV в. до н. э. Афродиту стали представлять как покровительницу мореплавания. В связи с этим в Ольвии и на территории афинского полиса появляется празднество в честь Афродиты Понтии (т. е. морской). Подробности организации и проведения этого торжества нам неизвестны. Сведения надписей (НО. 68. IPE. P². 168) предоставляют некоторую информацию об этом мероприятии. Праздник длился один день. Вначале проходили жертвоприношения у статуи богини, причем в ряде случаев могла проводиться установка самой статуи (НО. 68). Далее следовали выступления танцовщиц и артистов. Праздник завершался на берегу моря, что, по-видимому, свидетельствовало о его назначении.

Как мы видим, все празднества требовали определенной организации и финансирования. В связи с этим постараемся выяснить, кто отвечал за порядок проведения празднеств и какими средствами пользовались их устроители.

За организацией мероприятий на древнегреческих праздниках следили специальные лица. Как свидетельствуют тексты надписей и сообщения античных авторов, чаще всего это были жрецы, поскольку празднества носили религиозный характер. Например, на территории Херсонеса жрецы были главными уполномоченными лицами при организации празднеств, справляемых в честь богини Артемиды (НЭПХ. 111, 112). Павсаний в «Описании Эллады» сообщает, что жреческая администрация также должна была следить за исполнением всех таинств в честь богини Деметры. Кроме жреческого персонала, в организации празднеств активно участвовали и религиозные сообщества – оргеоны и фиасы¹². В отношении Апатурий, проводившихся в Афинах, у нас нет подробной информации об организаторах этого праздника, но, опираясь на отрывочные сведения источников и данные из Северного Причерноморья, постараемся сделать некоторые предположения. Как уже выше говорилось, основным устроителем являлись фратрии. Можно предположить, что определенные обязанности по организации Апатурий брал на себя глава фратрии – фратриарх. Именно эти должностные лица проводили тщательную проверку списков, в которые вносились имена новых членов объеди-

нения¹³. Они могли совершать эти действия по собственной инициативе или по распоряжению народного собрания полиса. Кроме того, фратриархи следили за финансированием мероприятий. В частности, в текстах надписей о сдаче в аренду священных земель сказано, что именно фратриархи должны наблюдать за поступлением средств от аренды на организацию различных празднеств и религиозных церемоний (IG. II². 1242. line. 16–17). Данные Северного Причерноморья представляют информацию о том, что в Пантикапее существовали почитатели Афродиты, которые объединялись в религиозные союзы-фиасы и активно участвовали в организации праздника Апатурий (КБН. 971, 972). По предположению В.П. Яйленко, фиас, проводивший Апатурии, появился на Боспоре в конце IV в. до н. э.¹⁴ и продолжал активно существовать в эллинистическое время, получая поддержку местной монархической власти.

Праздники сопровождались жертвоприношениями, что требовало немалых затрат. В связи с этим возникает вопрос о том, как финансировались эти мероприятия, какие средства использовались для их организации. Некоторые сведения об этом нам предоставляет эпиграфический материал. На рубеже V–IV в. до н. э. появляется документ о сдаче в аренду земельного участка плотейцев. В самом начале этого договора (IG. II². 1172, lin. 2–4) перечисляются разные суммы, полученные от сдачи в аренду земель, которые должны быть потрачены на организацию религиозных церемоний, открывавших крупнейшие праздники в афинском полисе. В первую очередь говорится о том, что дему следует потратить на празднества в честь Афродиты 1200 драхм (сумма по тем временам немалая). В договоре об аренде земель родовой организацией Саламиниев (*Greek historical inscriptions. 37*) также сказано о доходах от сдачи земельных угодий в аренду, которые должны быть отправлены на финансирование празднеств в честь богов и героев. В частности говорится, что на праздники в честь Афродиты Саламинии жертвуют овец и коз (*Greek historical inscriptions. 37, lin. 81–83*). Кроме того, в конце документа указана общая сумма затрат, из которых организация предоставляет денежные средства на все празднества (lin. 94–95). Таким образом, на основании этих данных мы можем сделать вывод о том, что различные полисные сообщества активно участвовали в организации празднеств в честь Афродиты. Праздники в честь богини могли финансироваться из средств, полученных от сдачи в аренду земельных участков. Судя по данным эпиграфики и археологических раскопок, кроме коллективов, в финансировании мероприятий в честь богини принимали участие частные лица. Во время Афродисий в Северном Причерноморье местные жители приносили

в дар богине раковины, устрицы, мидии и убивали во время жертвоприношений морских чаек (КБН. 30).

Интересно, что в некоторых случаях не только местные жители, но и приезжие приносили пожертвования в честь богини. Так, В.П. Яйленко указывает несколько надписей, в которых идет речь о том, что вино для жертвоприношений во время Афродисий приносили не только местные граждане, но и пришедшие из других мест¹⁵. Известно также, что со временем финансированием праздников стали заниматься жрецы храмов Афродиты, которые на собственные средства устанавливали статуи в честь богини и приносили ей праздничные дары¹⁶.

На основании всего вышесказанного постараемся сделать некоторые выводы.

Праздники в честь Афродиты проходили в Северном Причерноморье и Афинах. При этом характер празднования был практически схожим, что свидетельствует о социальной общности разных полисов. Празднества объединяли граждан. В их организации и финансировании принимали участие как целые коллективы, так и отдельные граждане. По-видимому, это было связано с определенными религиозными представлениями. Греки верили, что боги незримо присутствуют на празднествах, которые устраивают в их честь. В связи с этим благосклонное отношение небожителей к людям зависит от правильно сделанных жертвоприношений, а также от качества художественного мастерства, с которым граждане исполняют музыкальные произведения или танцы¹⁷. Последнее особенно могло быть важно для Афродиты, которая наряду с Аполлоном была покровительницей искусства. Поэтому хорошо организованный праздник оказывался залогом доброго отношения богини к тем, кто его устраивал и принимал в нем непосредственное участие.

Принятые сокращения

КБН – Корпус боспорских надписей. М.: Наука, 1965.

НО – Надписи Ольвии. Л.: Наука, 1968.

IG – Inscriptiones Graecae. Consilio et auctoritate academiae litterarum Borussica. Vol. I–III. Berlin: Walter de Gruyter, 1956.

Примечания

¹ *Маринович Л.П.* Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М.: Наука, 1998. С. 295.

² *Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетей, 2010.

- ³ См., например: *Simon E. Festivals of Attica*. Madison: University of Wisconsin Press, 1983; *The Panathenaic Festival in Ancient Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1992; *Русяева А.С.* Религиозные празднества // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 555–570; *Гвоздева Т.Б.* Великие Панафинеи в тени Олимпийских игр // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. М., 2011. № 2. С. 36–47.
- ⁴ *Молева Н.В.* О культе Афродиты в Китейском святилище // *Молева Н.В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002. С. 101–103.
- ⁵ *Скржинская М.В.* Указ. соч. С. 78.
- ⁶ *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992. С. 103; *Сокольский Н.И.* Культ Афродиты в Керах // Вестник древней истории. 1973. № 4. С. 91.
- ⁷ *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. СПб.: Наука, 1992. С. 134.
- ⁸ *Меланченко И.В.* Афинская демократия. М.: КРАФТ, 2007. С. 181–183.
- ⁹ *Скржинская М.В.* Указ. соч. С. 86.
- ¹⁰ *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 96.
- ¹¹ *Кошеленко Г.А.* Боспорский вариант мифа о гибели титанов // Боспорский сборник. М., 1992. С. 154.
- ¹² *Булычева Е.В.* Финансирование празднеств в Древней Греции (на примере Аттики) // Восток и Запад: приоритеты эпох. Олимпийские игры: история и современность. М.: РУДН, 2012. С. 112–113.
- ¹³ *Меланченко И.В.* Указ. соч. С. 182.
- ¹⁴ *Яйленко В.П.* Женщина, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М.: Наука, 1995. С. 236.
- ¹⁵ Там же. С. 259, 260.
- ¹⁶ В надписи из Ольвии III в. до н. э. сообщается, что жрец Афродиты Понтин Агрот поставил мраморный алтарь и посвятил дары во время празднования в честь Афродиты (НО. 68).
- ¹⁷ *Нилльсон М.* Греческая народная религия. СПб.: Алетейя, 1998. С. 7.

Панафинейский праздник в комедиях Аристофана

В данной статье речь идет о Панафинейском празднике, который являлся главным праздником афинского полиса. И хотя комедии Аристофана не посвящены непосредственно описанию Панафиней, в них оказались отражены основные элементы праздника (процессия, пеплос, жертвоприношение) и Панафинейских игр.

Ключевые слова: Великие Панафинеи, Панафинейские игры, Аристофан, пирриха, факельный бег, панафинейский пеплос.

Панафинейский праздник был самым важным государственным праздником афинского полиса. Он был посвящен Афине Полиаде и проводился в начале года, в 20-х числах гекатомбеона. В Афинах проводились как ежегодные Малые Панафинеи¹, так и более торжественно четырехлетние Великие Панафинеи². Великие Панафинеи включали в себя большую агональную программу, которая состояла из так называемых «больших» и «малых» агон³. «Большие» агоны состояли из мусических, гимнических и конных состязаний, а «малые» агоны, в которых могли участвовать только афинские граждане, включали в себя пирриху (военный танец), эвандрию (состязание в мужской красоте), лампадедромию (факельная эстафета), апобатию (попеременный бег и скачка на колесницах) и состязание кораблей. Наградой атлету на Панафинейях была уникальная призовая панафинейская амфора (*Arist. Ath. Pol.* 60. 1). Однако кульминацией Великих Панафиней было 28 гекатомбеона — это был день рождения Афины Полиады. Он начинался ночным шествием (*СИА II 163*) афинской молодежи с танцами и песнями (*Heliod. Aeph. I. 10*)⁴. С восходом солнца в городе формировалась большая панафинейская процессия. В ней

афиняне несли Афине в дар праздничный панафинейский пеплос. На Акрополе совершалось жертвоприношение, которое заканчивалось роскошным пиром для всех афинских граждан (*Ps-Xen. Ath. Pol.* II. 9). Великие Панафиней хотя и не достигли панэллинского уровня Олимпийских игр, но, несомненно, по уровню были выше обычного городского праздника. Кроме того, после 454 г. до н. э. Великие Панафиней стали главным праздником Афинского Морского союза⁵ и его проведение требовало немало средств⁶.

Одним из интересных источников по истории панафинейского праздника являются произведения греческих классических драматургов. Особенно это можно отнести к «древней» комедии, которая была наполнена событиями из политической и общественной жизни и своеобразно отражала реалии современного времени. И конечно, в первую очередь это относится к комедиям Аристофана, который часто высмеивал не только стратегов и архонтов, философов и драматургов, но и самих олимпийских богов (например, Диониса в комедии «Лягушки» или Плутоса в комедии «Богатство»). Афина, как покровительница полиса, заслужила от Аристофана ряд лестных эпитетов, таких как «владычица» (*Equ.* 763; *Nub.* 1265; *Ecc.* 476) или «достойная дочь Зевса» (*Rax.* 736). Но кроме самой Афины, Аристофан часто упоминает посвященные ей праздники, и здесь его талант комедиографа раскрывается в полном блеске.

Чаще всего у Аристофана мы встречаем упоминания о главном празднике Афин – о Панафинейских играх («Облака», «Лягушки», «Осы», «Богатство 1-е»). Так, в комедии «Мир» Панафиней названы важнейшим афинским праздником (*Rax.* 418).

Во многих комедиях Аристофана можно найти ссылки на различные состязания Панафинейских игр.

Чаще других соревнований Аристофан упоминает факельный бег (лампадедриому), который был очень популярен в Афинах. Он был включен в программу праздников богов – покровителей ремесел – Панафиней, Гефестий, Прометей. Состязание относилось к «малым» агонам Панафинейских игр и было связано с мифом об Эрихтонии – основателе Панафиней. Именно факельный бег проводился в ночь с 27 на 28 гекатомбеона и открывал главный день панафинейского праздника. За ним следовали ночное шествие (паннюхис), торжественная процессия, жертвоприношение и пир⁷.

На греческих праздниках были известны разные виды факельного бега. На Панафинейях проводилась факельная эстафета. 40 эфэбов от каждой команды, сформированных по филам, стояли друг от друга на расстоянии 25 м. Факелы были восковые и легко могли

погаснуть, поэтому перед бегуном стояла трудная задача – быстро пробежать свой отрезок трассы и не загасить при этом свой факел. Трасса факельного бега Панафиней пролегла через северо-западный сектор Афин и брала свое начало на алтаре Прометея в Академии (*Paus.* I. 30. 1–2) или алтаре Эрота (*Plut.* Sol. 1). Путь атлетов проходил через внешний Керамик и завершался на Акрополе. Победитель получал право зажечь огонь на алтаре Афины (*schol. Plat.* Phaed. 231e). Награда вручалась всем членам команды – 1 гидрия стоимостью в 30 драхм (*IG II².* 2311, lin. 77).

Именно факельный бег дал возможность Аристофану в полной мере показать свой талант комедиографа. Так, в комедии «Лягушки» он буквально в нескольких строфах создал комичный образ неудачливого спортсмена, толстяка, который с трудом («с *сопением и кряхтением*») пытался преодолеть свой участок факельной эстафеты, а в результате был освистан и избит недовольными зрителями (*Ran.* 1089–1098). Аристофан подробно описывает, как, встретив «горе-бегуна» у ворот Керамика, толпа награждает его пинками и щелчками, а также ударами палок (*Ran.* 1089–1098). Комические побои неудачливого бегуна-факелоносца также можно увидеть в комедии «Богатство 1-е» (фр. 459). Тема факельного бега дала возможность Аристофану посмеяться не только над горе-спортсменом, но и над слишком яркими болельщиками. Образ спортивного «фаната», залезшего на высокий столб, чтобы иметь возможность увидеть всю трассу эстафеты и громкими криками подбодрить факелоносцев, выведен Аристофаном в комедии «Лягушки» (*Ran.* 129–133). Следует отметить, что Аристофан высмеивает только участников этого состязания, а не сам факельный бег. Этот древний сакральный агон, имеющий важное для афинян значение, вызывает у комедиографа уважение. В комедии «Осы» Мстиклеон призывает Клеонослава воскресить в своей памяти что-либо достойное и как пример называет факельный бег (*Vesp.* 1204–1207). Победители в панафинейской лампадедромии получали в награду быка и 100 драхм (*IG II².* 2311, lin. 77).

Из «малых» агонев Панафинейских игр у Аристофана в комедии «Облака» упомянуты также пирриха, военный танец, посвященный Афине (*Nub.* 984–990)⁸. Согласно традиции, танец впервые исполнила сама Афина в честь победы олимпийских богов над гигантами/титанами (*Plat. Leg.* VII, 796 b–c; *Athen.* IV, 184 F; *Luc.* D. Deog. 8) или после своего рождения из головы Зевса (*Luc.* Salt. 39, 44). Платон писал, что афинская пирриха воспроизводит военный танец (*Plat. Leg.* VII. 815). Известно изображение танцора пиррихи на чернофигурном пелике – он в коротком хитоне, в шлеме и

со щитом (Athens, N.M. 455). Танец исполнялся под аккомпанемент авлоса. Пирриха была командным состязанием, т. е. в ней участвовали группы танцоров, сформированные по филам. Кроме того, все спортсмены разделялись по возрасту. На Панафинеях в конце V в. до н. э. уже известны состязания пиррихистов в двух старших возрастных группах – «мужчины и «безбородые», т. е. юноши (*Lys.* XXI. 1, 4). В призовом панафинеийском списке, который датируется серединой IV в. до н. э., упомянуты уже три возрастные группы, причем каждая группа награждалась отдельно от другой быком и 100 драхмами (IG II². 2311, lin. 72–74). Так что в «Облаках» речь идет о пиррихистах в подгруппе «юноши». В агоне комедии «Облака» Правда обвиняет Кривду в развращении современных молодых людей, которым далеко до знаменитого поколения «марафонских бойцов». Этот тезис Правда иллюстрирует слишком резкими движениями эфебов, исполняющих пирриху (Nub. 984–990).

В комедии «Ось» Аристофан упоминает таллофора (*Vesp.* 540–542). Институт таллофор был установлен Эрихтонием (schol. *Aristoph.* *Vesp.* 544). Таллофоры, так называемые «прекрасные старцы», несли ветки маслины в панафинеийской праздничной процессии. Вероятно, они являлись «ветеранами» состязания в красоте среди мужчин (эвандрия), и в числе самых лучших граждан афинского полиса занимали почетные места в торжественной процессии. Это состязание, так же как и пирриха, проводилось между командами, которые были сформированы по филам (*Xen. Symp.* IV. 17; schol. *Aristoph.* *Vesp.* 544)⁹. Эвандрия сопровождалась некими военными движениями или военными танцами и имела тот же тип награды, что и пирриха (IG II². 2311, lin. 75–76). Правда, Аристотель отмечал, что победители в эвандрии получали щиты (*Aristot.* *Ath. Pol.* 60. 3). По аналогии с пиррихой можно предположить, что участники эвандрии разделялись на три возрастные группы – мальчишки, юноши и мужчины. Такое разделение было характерно для многих гимнических соревнований.

Кроме «малых» агонов Панафинеийских игр, у Аристофана можно встретить также ссылки на атлетические состязания, принятые на панэллинских играх. В комедии «Ось» Аристофан упоминает панкратиаста, олимпийца 424 г. до н. э. Эфудиона (*Vesp.* 1190–1194). Панкратион по праву считался самым сложным состязанием гимнического агона. Так называемая «борьба без правил» сочетала в себе элементы борьбы и кулачного боя (*Xen. Symp.* I. 2). Время борьбы в панкратионе не было ограничено и поединок длился до тех пор, пока один из участников не признавал себя побежденным. Панкратиастам разрешалось выкручивать друг другу руки, ломать

пальцы, но запрещалось кусаться и бить противника по глазам. Самые ранние панафинейские призовые амфоры с изображением панкратиастов относятся к концу VI в. до н. э. Среди афинских борцов популярность этого вида спорта была высока, чему в немалой степени способствовали заслуги легендарных афинских тренеров Мелесия и Менандра¹⁰.

Различные приемы панкратиона и кулачного боя часто использовались Аристофаном в качестве метафоры (Ran. 541–550; 618–622; 663; Pax. 236–237; Equ. 704–707). Кулачный бой (*pygme*) по праву являлся одним из самых древних видов спорта. Руки спортсменов для силы удара по локоть обматывались кожаными ремнями, к которым позднее стали добавлять металлические шарики. Удары наносились в основном по голове и верхней части тела, поэтому голову атлета покрывала бронзовая шапочка¹¹. Не менее тяжелым видом состязаний была борьба, которая требовала от атлетов большого напряжения (*pale*). Борцы состязались на усыпанной песком площадке (*скамме*). Тела атлетов натирались маслом, что существенно затрудняло борьбу. В этом виде спорта кроме силы особенно ценились ловкость и изящество. Победенным признавался тот, кто трижды коснулся телом земли. Это правило борьбы Аристофан использует в своей комедии «Всадники», прославляя поколение «марафонских бойцов», которые трижды падали на землю, но потом как ни в чем не бывало поднимались с новыми силами (Equ. 571–573). Именно борьба наиболее часто используется Аристофаном в качестве эротической или политической метафоры. Так, в комедии «Мир» Аристофан перечисляет разные приемы борьбы, сравнивая их с «любственными позами» в постели (Pax. 894–899).

Из легкоатлетических состязаний наиболее древним являлся бег. Именно с него начинается отсчет Олимпиад. Первые афинские олимпийники были именно бегунами. В VII в. до н. э. славу победителя на Олимпийских играх снискал легендарный Пантакл, который на 21 Олимпиаде (696 г. до н. э.) победил в «коротком беге»; позднее он же одержал «двойную» победу на 22 Олимпиаде (692 г. до н. э.), победив в «коротком» и в «двойном» беге (Moretti, № 25–27). В панафинейской состязательной программе присутствовали все известные виды бега – «короткий» (1 аттический стадий равнялся 177,6 м), «двойной», «длинный» и гоплитодромос. Аристофан в комедиях «Ахарняне» (Ach. 215) и «Осы» (Vesp. 1206) упоминает имя знаменитого бегуна Фаилла из Кротона, который прославился своими победами на Пифийских и на Панафинейских играх. Бегуны состязались обнаженными, и этот момент Аристофан использовал в качестве эротической метафоры в комедии «Лисистрата»

(Lys. 1102–1105). Одним из наиболее тяжелых видов бега был бег вооруженных гоплитов (*goplithodromos*). В нем соревновались только взрослые бегуны. Известно, что на Панафинейских играх бег гоплитов был на два стадия (*schol. Aristoph. Av. 291–292*). Участники бега гоплитов состязались в шлемах и со щитом (или копьем) в руках. В комедии «Птицы» Аристофан уподобил бегунов птицам, у которых на головах развиваются гребни, как султаны на шлемах гоплитодромов (*Av. 290–292*).

Однако самым престижным видом состязаний на всех греческих праздниках были конные состязания – ристания колесниц и скачки на лошадях. Гонки на колесницах подробно были описаны еще в «Илиаде» Гомера. Участвовать в этом «дорогостоящем» виде спорта могли только богатые аристократы. Демосфен отмечал, что в конных состязаниях могут принимать участие только лучшие из граждан (*Dem. LXI. 24*). Диоген Лаэртский писал, что разведение коней – благородное занятие, которое свидетельствует о знатности рода (*Diog. Laert. VIII. 2. 51*). Именно конные состязания стали темой конфликта в комедии Аристофана «Облака». Главный герой комедии крестьянин Стрепсиад никак не хочет одобрить увлечение своего сына Фидиппида конными состязаниями (*Nub. 1399–1407*). Жалуясь зрителям на свои беды, он обвиняет в них сына, который разорил его «дорогостоящими» развлечениями (*Nub. 14–15*).

Для конных состязаний как в Олимпии, так и в других полисах позднее выстроили специальное здание – гипподром (*hippodromos*) – овальную беговую площадку. Все колесницы выстраивались в один ряд на стартовой линии, а жребий определял их место. Дистанция на олимпийском гипподроме равнялась 770 м и предполагала 12 поворотов. На Панафинейских играх для конных состязаний также был выстроен гипподром в Эхелиде, деме в Элевсине. Фидиппид в «Облаках» видит себя во сне колесничим, который совершает несколько кругов на гипподроме (*Nub. 25–29*). Момент поворота был самым опасным, здесь сталкивались друг с другом колесницы, что приводило к серьезным травмам и гибели как лошадей, так и самих колесничих. Эту специфическую черту использует Аристофан в качестве риторической метафоры в комедии «Лягушки» и «Плутос» (*Ran. 875–878, 894–992; Plut. 485–486*). Самым престижным конным агоном были ристания колесниц, запряженных четверкой лошадей. Стрепсиад в «Облаках» обещает своему сыну, что, повзрослев, он будет управлять такой колесницей (*Aristoph. Nub. 68–69*). Особый интерес представляет упоминание в комедии «Облака» так называемых «новых» конных состязаний на Панафинейских играх, в частности о состязаниях «военных

колесниц» (Nub. 28). В сер. IV в. до н. э. в рамках конного агона Панафиней появляются новые «военные» состязания, которых не было в программе Олимпийских игр: скачки на военных лошадях, состязания военных колесниц, запряженных двумя лошадьми, состязание профессиональных колесниц, также запряженных двумя лошадьми, и метание копья с лошади (IG II². 2311, lin. 58–72).

Также различные элементы конных ристаний и скачек на лошадях упоминаются в комедиях «Птицы» (Av. 1118–1121; 1440–1445), «Осы» (Vesp. 1427–1432).

Однако главный день панафинейского праздника был посвящен торжественной процессии. Традиции знаменитой панафинейской процессии начали складываться еще при Писистратидах. К 550-м годам до н. э. относится много сосудов с изображением шествия, которое включало в себя канефор, жертвенных животных, авлетов и кифаристов, гоплитов, всадников, магистратов (или таллофор)¹².

В комедиях «Птицы» (414 г. до н. э.) и «Лисистрата» (411 г. до н. э.) Аристофан впервые обратился к теме панафинейской процессии – упомянул в комическом контексте две «сакральные» фигуры шествия: канефору (Lys. 641–643) и скиадефору (Av. 1550–1552). И наконец, в комедии «Женщины в Народном Собрании», поставленной в 393/392 гг. до н. э., Аристофан представил великолепную пародию на панафинейское шествие, причем именно на главную ее часть, которая включала в себя парад «сакральных» фигур. Один из персонажей, Хремет, произносит монолог, в котором сравнивает героев панафинейской процессии с предметами домашнего быта (Ecc1. 730–743)¹³.

В комическом шествии Аристофана первой идет канефора. В роли канефоры обычно выступали молодые девушки из аристократических семей, тщательно выбираемые магистратами для панафинейского парада. Когда Лисистрата из одноименной комедии Аристофана говорит о том, что девушка должна быть красивой, речь идет о канефоре (Lys. 646–647). Канефоры в панафинейском шествии несли на головах корзины со священными предметами и бескровными жертвами (*Thuc.* VI. 56. 1; *Arist.* Ath. Pol. 18. 1) и играли роль Кекропид, юных помощниц Афины¹⁴. Однако в шествии Аристофана канефора превратилась в сито для муки! Это можно объяснить тем, что в качестве бескровных жертв Афине канефоры могли нести лепешки (Ecc1. 728).

Следующие фигуры, упомянутые Аристофаном – это дифрофоры и скиадефоры, которых он именует сковородкой и метелкой (Ecc1. 734). Дифрофоры и скиадефоры, роли которых выполняли юные дочери метеков, имели в панафинейской процессии служеб-

ное значение. Скиадефоры несли за канефорами зонты, имеющие сакральное значение, о чем упоминает Аристофан в комедии «Птицы» (Av. 1508; 1550–1552). Дифрофоры несли за канефорами скамейки (Av. 1559, schol; *Aristoph. Eccl.* 734). Зонты и скамейки нужны для того, чтобы канефоры могли отдохнуть сидя под зонтом во время гекатомбы на Акрополе. Л. Дойбнер считал, что дифрофоры и скиадефоры имели подчиненное положение при канефорах¹⁵. В «Птицах» Прометей пытается спрятаться под зонтиком, подобно девушке из панафинейского шествия (Av. 1549–1551). В этом ему помогает метек, сопровождающий в праздничном шествии канефору, для которой он также несет скамейку. В схолии к этому фрагменту комедии говорится, что в Панафинях дочери метеков несли зонты и скамейки за афинскими канефорами (schol. *Aristoph. Av.* 1549–1551).

Четвертый персонаж в шествии Аристофана – это гидрофора (Eccl. 738). В ролях гидрофор обычно выступали жены метеков, которые несли сосуды (гидрии) с водой¹⁶. Следующим Аристофан вызывает кифариста (Eccl. 739). Несомненно, речь идет о музыкантах, которые сопровождали шествие. Однако в реальной панафинейской процессии музыкантов было гораздо больше, так на фризе Парфенона изображена целая группа музыкантов (4 кифариста, 4 флейтиста) (п. 20–27; 102–104).

Далее Хремил упоминает корыто и требует немедленно принести медовых сот (Eccl. 738). Так Аристофан представил скафедоров, роль которых исполняли мужчины-метеки. Они несли в процессии золотые и серебряные прямоугольные лотки (скафы), полные пчелиных сот, печенья и лепешек (*Poll.* III. 55). Важность этой ноши заключалась в том, что эти жертвы предназначались для Эрихтония¹⁷.

Список Аристофана завершается упоминанием о ветвях оливы, которые несли в руках таллофоры – «красивые старцы» из знатных аристократических родов (*Xen. Symp.* IV, 17; schol. *Aristoph. Vesp.* 544). Таким образом, именно маслина, великий дар Афины городу, завершала ряд «сакральных» фигур в основной части панафинейской процессии.

Аристофан в этом монологе перечислил далеко не всех участников панафинейского шествия. Например, он не упомянул об аррефорах и эргастинах – афинских гражданках, в обязанности которых входила подготовка панафинейского пеплоса¹⁸.

Пеплос для Великих Панафиней был украшен сценами из титано- или гигантомахии. Сюжет рисунка пеплоса мог быть различным. Схолиаст Аристофана к комедии «Птицы» указывает, что

на пеплосе изображали Афины, побеждающую гиганта Энкелада (schol. *Aristoph.* Av. 566), тогда как схолиаст к «Панафинейской речи» Элия Аристида утверждает, что темой пеплоса была смерть гиганта Астера от копья богини (schol. *Aristid. Panath*, p. 189). Интерес представляет фрагмент из комедии «Лисистрата», где хор женщин перечисляет сакральные обязанности, которые они выполняли с детских лет (Lys. 638–648). В числе прочих речь идет и о юных аррефорах (Lys. 641–642), в обязанности которых входило помогать жрице Афины ткать праздничный пеплос для богини. Пеплос также упоминается в комедиях «Птицы» (827–828) и «Всадники» (566).

Не менее комично Аристофан представил и панафинейский пир, следовавший за жертвоприношением. На Великих Панафинях, как правило, совершали гекатомбу, и мясо от этой жертвы отдавали всем афинским гражданам в качестве угощения. Образ обжоры, переевшего «отварных рубцов» на панафинейской пирушке и страдающего утром от «бурчания в животе», показан в комедии «Облака» (Nub. 385–387). Схолиаст Аристофана отмечает, что для панафинейского жертвоприношения все аттические полисы и колонии Афин должны были посылать по одному быку (schol. *Aristoph.* Nub. 385).

Интересно отметить, что только две из сохранившихся комедий Аристофана, дата постановки которых известна – это год проведения 4-летнего панафинейского праздника. Это комедии «Осы» (422 г. до н. э.) и «Птицы» (414 г. до н. э.). В них упомянуты «сакральные» фигуры панафинейского шествия (таллофоры, скиадефоры, дифрофоры) и праздничный пеплос. Ни в одной из этих комедий панафинейский праздник напрямую не назван. Очевидно, Великие Панафины отмечались столь масштабно, что упоминать его специально через 5 (на Ленеях, проводившихся в месяце Гамелион) или 7 (на Великих Дионисиях в месяце Элафеболион) месяцев спустя не имело особого смысла. Зрители, заполнившие театр Диониса, хорошо понимали, о каком событии идет речь.

Подводя итоги, можно сказать, что хотя ни в одной из упомянутых комедий Аристофана панафинейский праздник не является основной темой, но косвенно практически все его элементы получили в них отражение. Причем в равной степени великий комедиограф затронул тему спортивной программы Панафинейских игр («малые» и «большие» агоны), так и основной части праздника, состоящей из торжественной процессии, подношения нового пеплоса, жертвоприношения и пира.

- ¹ *Гвоздева Т.Б.* Малые Панафинеи // Перспективы «модернизации» России: Ценности истинные и мнимые: проблема выбора – от Добролюбова до наших дней. Н. Новгород: ННГУ, 2012. С. 144.
- ² *Гвоздева Т.Б.* Великие Панафинеи: в тени Олимпийских игр // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». М., 2011. № 2. С. 36–37.
- ³ О программе праздника см.: *Mommsen A.* Feste der Stadt Athen im Altertum. Leipzig: B.G. Teubner, 1898. S. 61–106.
- ⁴ *Гвоздева Т.Б.* Ночное шествие на Панафинеях // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». М., 2016. № 1. С. 39–42.
- ⁵ *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород: НГПИ, 1991. С. 132; *Гвоздева Т.Б.* Великие Панафинеи – праздник Афинской Архэ // Олимпийские игры в политике и культуре. М., 2013. С. 64–65.
- ⁶ *Бульчева Е.В.* Аренда храмовых земель и финансирование религиозных церемоний в Аттике в IV в. до н. э. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2015. № 9. С. 11–12.
- ⁷ О факельном беге на Панафинеях см.: *Mommsen A.* Op. cit. S. 103–106; *Brelich A.* Paides e parthenos. Roma, 1969. P. 326–337; *Гвоздева Т.Б.* Культ огня на Великих Панафинеях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 5. С. 112–127.
- ⁸ О пиррихе на панафинеином празднике см.: *Mommsen A.* Op. cit. S. 41; *Delavaud-Roux M.-N.* Les danses armées en Grèce attique. Aix-de-Provence, 1993. P. 71–73; *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. 2. СПб., 1899. С. 97; *Гвоздева Т.Б.* Пирриха на панафинеином празднике // Древний Восток и античный мир. М., 2001. Вып. 4. С. 67–72. *Она же.* Военные аспекты панафинеиного праздника // Antiquitas Aeterna. Саратов, 2007. Вып. 2. С. 222–225.
- ⁹ Об эвандрии см.: *Mommsen A.* Op. cit. S. 101–103; *Crowther N.B.* “Maly Beauty” Contests in Greece: The Euandria and Euexia // L’Antiquite Classique. 1985. 54. P. 285–291; *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 133; *Гвоздева Т.Б.* К истории конкурса мужской красоты в Древней Греции // Вопросы истории. М., 2001. № 1. С. 148–150; *Она же.* Военные аспекты панафинеиного праздника... С. 225–227.
- ¹⁰ *Гвоздева Т.Б.* Герои панафинеиного стадиона // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2009. № 6. С. 19.
- ¹¹ Там же. С. 16.
- ¹² *Simon E.* Festivals of Attica. An archaeological commentary. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1983. P. 63. Pl. 16.2; 17.2; *Bérard C.A* City of Images: Iconography and Society in Ancient Greece. Princeton: Princeton Univ. Press, 1989. P. 111. Fig. 152.
- ¹³ О панафинеиной процессии см.: *Гвоздева Т.Б.* Панафинеиная процессия в комедиях Аристофана и на панафинеином фризе // Альманах славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Н. Новгород, 2009. Вып. 2. С. 76–81; *Она же.* Процессия Великих Панафинеи на фризе Парфенона

и в комедиях Аристофана // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. 4. М., 2011. С. 174–185.

¹⁴ *Гвоздева Т.Б.* Мотив Кекропид в Аррефориях и Панафинях // Древний Восток и античный мир. М., 1998. Вып. 1. С. 114–137.

¹⁵ *Deubner L.* Attische Feste. Berlin: Akademie Verlag, 1956. S. 49.

¹⁶ *Ibid.* S. 28.

¹⁷ *Ibid.* S. 25; *Simon E.* Op. cit. P. 60.

¹⁸ *Гвоздева Т.Б.* Панафинейский пеплос на фризе Парфенона // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». М., 2014. № 2. С. 71–73.

Между свободой и империей: греческий полис в эллинистическом Египте

Статья посвящена эволюции греческого полиса в эпоху эллинизма. На материале государства Птолемеев и государства Селевкидов автор рассматривает основные изменения, произошедшие в полисном устройстве в III–I вв. до н. э. По мнению автора, выбор модели полисного устройства в разных эллинистических государствах зависел от сложившихся традиций и функций, которые были возложены на самоуправляющиеся общины.

Ключевые слова: эллинизм, Птолеми, Птолемеевский Египет, государство Селевкидов, полис, самоуправление.

В отечественной историографии принята точка зрения, в соответствии с которой после включения Египта в состав державы Александра Македонского там образовались две на первых порах слабо связанные между собой структуры – полисы и хора, в процессе взаимодействия которых и сложился эллинистический тип государства¹. Эта теория хорошо коррелируется с высказанным Э. Бикерманом предположением о делении государства Селевкидов на две части по аналогичному принципу: на «союз» (*summahia*) свободных городов и народов и *хога* (хора) – области, подчиненные общему режиму². Однако структура государства Птолемеев значительно сложнее; в нем необходимо выделять собственно Египет и «заморские области», которые имели пусть не до конца ясную, но собственную структуру управления, строившуюся по модели, отличной от египетской³. Собственно, Египет действительно в административном отношении состоял из трех полисов, обладавших известной автономией, и хоры, занимавшей всю остальную территорию страны.

Принято считать, что в эллинистическом Египте было три полиса. Критерием их определения известный историк египетского права эллинистической и римской эпохи Рафаэль Таубеншлаг предложил считать наличие булэ. По его мнению, этот общественный институт присутствовал лишь в общественном строе Александрии, Птолемаиды и Навкратиса, а в римское время к этим полисам добавляется Антинополис⁴. Из трех указанных полисов собственно Птолемеями был основан только один – Птолемаида; Навкратис был основан в VII в. до н. э. как греческий эмпорий и в течение нескольких веков, так же как Мемфис, Элефантина, Дафна, служил местом дислокации греческих наемников, а Александрию, как всем известно, основал лично Александр Македонский. Недостаток источников привел к установлению определенного стереотипа: Птолемеи основали только один полис, поскольку не нуждались в новых опорных пунктах, ибо Египет и без них представлял собой достаточно централизованное государство с существовавшей много веков и четко функционировавшей системой управления. Это, по мнению многих историков, означало отказ Птолемеев от характерной для остальных эллинистических правителей модели колонизации и давало основания говорить о специфике полисной системы в Египте.

Это положение не совсем верно. Список основанных Птолемеями городов вовсе не исчерпывается единственным наименованием. Непосредственно в Египте появилось не менее десяти городов. В Фаюме возникли Каранис, Филотерис и Теадельфия; на левом берегу Нила между Мемфисом и Гераклеополисом строятся Филладельфия и Птолемаида Гормос; южнее второго порога при Птолемеи VI некий Боетус, сын Никострата, закладывает до сих пор не обнаруженные города Клеопатра и Филометорис (SB, 111). Переоснованию подвергся город Крокодилополис, получивший название Арсиноя. Точные данные о числе основанных греками в Египте поселений отсутствуют как вследствие общей высокой плотности населения в эллинистическом Египте, так и в связи с тем, что различные регионы страны изучены крайне неравномерно: Нижний Египет (Фаюм, Дельта, окрестности Мемфиса) представлен в источниках неизмеримо лучше, чем юг страны⁵. Масштабы градостроительства демонстрирует тот факт, что при Птолемеи I в Египте насчитывалось 30 тысяч важных деревень и городов против 18 тысяч в древности (*Diod.*, I, 31, 7).

Регионом активного градостроительства стал район Красного моря. Неподалеку от современного Большого Горького озера возникла Береника Гормос, в районе современного Суэца – Арсиноя

Клеопатрис (*Strabo*, XVII, 1, 25), в западной части залива Акаба – Береника, на аравийском побережье – Ампелона, а в Суэцком заливе – сразу три порта: Филотера, Арсиноя и Миос Гормос. Несколько опорных пунктов Птолемеями было сооружено на западном побережье Красного моря – Береника, Птолемаида Ферон, Береника Золотая, Арсиноя и Береника Эпидурес. Основание этих городов относится к III в. до н. э., а конкретно – к эпохе правления Птолемея II и Птолемея III⁶. Хотя традиция относит организацию первого плавания египтян в Индию лишь к середине II в. до н. э. – недолгой эпохе правления Птолемея VII (*Per. Erythr.*, 57 : 19. 5–7), Береника была основана Птолемеем II и названа в честь его матери.

Колонизация идет и во внешних владениях Птолемеев. В дополнение к уже существовавшим в Киренаике греческим полисам Кирене, Аполлонии и Барке Птолемеи строят Птолемаиду (Птолемаиду Киренскую), а также переосновывают еще два города в западной части района – Арсиною Теухейра и Беренику (бывшие Эвгеспериды). В южной части Сирии, к юго-востоку от Тивериадского озера, строится город Гадара. В этом же районе переосновывается целый ряд старых городов: палестинский Раббат-Аммон (Филадельфия), ливанская Акра (Птолемаида), Тир, Дамаск, Газа, Рафия. В Греции переоснованию как Арсинои подверглись Метана (в Арголиде) и Патара (в Ликии); в Киликии, по мнению В. Тарна, именно в это время были основаны Арсиноя и Филадельфия⁷. Напомним, что почти все эти территории во II в. до н. э. уже не являются частями государства Птолемеев, а значит, основание или переоснование указанных городов относится именно к эпохе становления государства, т. е. к периоду раннего эллинизма.

Эллинистический полис весьма специфичен. Примеры широкого самоуправления, в частности случай крупнейшего города державы Селевкидов Селевкии-на-Тигре, где существовали герусия – совет трехсот (*Athen.*, XI, 466a) – и народное собрание (*Plut. Crass.*, 32; *Tac. Ann.*, VI, 42), являются скорее исключением, чем правилом. Это подтверждает пример Александрии Египетской, первого города, построенного на Востоке по приказу Александра. Создавался город по старому колонизационному канону греков – море – город – сельскохозяйственная округа и в демографическом отношении состоял из греков и местного населения, собранного путем синойкизма. Уже это выдает в Александрии классический эллинистический полис: пестрое население города позволяет Полибию называть александрийцев эллинами, которые смешались с другими народностями (*Polyb.*, XXXIV, 14, 4–5).

С формальной стороны Александрия выглядела как настоящий полис – со стенами (*Tac. Hist.*, IV, 83, 1), синедрионом и конституцией⁸, традиционным делением на три филы и 48 дем. Однако система ее управления выдавала полную подконтрольность центральной власти. Пока не доказано существование в городе булэ⁹; занимавшийся всеми делами градоначальник Александрии (*Polyb.*, V, 39, 3) находился на службе у царя; нужно отметить и существование экзегета (*Strabo*, XVII, 1, 12) – специального чиновника, занимающегося снабжением города. Особую проблему представляет собой существование и механизм функционирования политевм – объединений жителей города по этническому принципу. Если допустить предположение Рафаэля Таубеншлага о несовпадении в Александрии понятий «полис» и «община граждан»¹⁰, получится, что в городе существовало сразу несколько самоуправляющихся общин – *politeumata* (греческой, македонской, беотийской, киликийской, кипрской и др.), члены которых считались равноправными *politai* города.

В то же время Александрия выгодно отличается от Навкратиса; она, по крайней мере, имеет собственную хору, отмеченную в источниках как «*Alexandriae regio*» (*Plin. N.H.*, V, 49) и сохраняющуюся даже при римлянах (Р.Оху., 1462 (83/4 г. н. э.)), да еще со внутренним делением на *guoi* (BGU, 1132 (16 г. до н. э.)), в то время как старейший греческий город Египта не только не обладает собственной хорой, но в административном плане входит в Саисский ном, что уже не предполагает широкой автономии.

Птолемаида – «самый большой из городов Фиваиды» (*Strabo*, XVII, 1, 42) – был основан как ее неформальная столица, облегчавшая управление довольно беспокойным южным регионом. Как Александрия традиционно рассматривается в качестве антипода Мемфиса, Птолемаида постоянно противопоставляется Фивам¹¹. Именно там, на менее эллинизированном юге, в III–II вв. до н. э. были особенно сильны центробежные устремления, подогреваемые сильным египетским жречеством, опирающимся на крупные храмовые хозяйства. Значение Птолемаиды как административного центра региона выражалось и в том, что в самом городе или его окрестностях располагался один из двух военных лагерей района (другой находился в Крокодилополисе). Очевидно, эти лагеря были местами сосредоточения войск в Фиваиде, откуда солдат посылали в разные районы страны. Роль Птолемаиды особенно повысилась после потери Египтом всех малоазийских владений и Сирии и приобретения огромного значения южным торговым путем. Птолемаида становится важнейшим перевалочным пунктом, и

военные компетенции стратега Фиваиды несколько расширяются (теперь в круг его обязанностей входит и забота о безопасности караванного пути).

Полисный характер Птолемаиды не подлежит никакому сомнению – там существуют народное собрание, избираются булэ и коллегия шести пританов; есть свои городские *dikastria*; жители делятся на восемь демов. Из должностных лиц известны фесмофилаки и гимнасиарх. В городе были свой архив, театр и пританей. Существовал даже такой формальный атрибут полиса, как городская стена. Однако модель взаимоотношений нового центра Фиваиды с царем и центральной властью на протяжении трех веков существования эллинистического Египта существенно менялась.

Формально, как самоуправляющаяся единица, Птолемаида подчинялась не чиновникам Фиваиды – ее стратегу и эпистратегу, – а непосредственно центру. Прямая связь центра и города налаживалась через царских поверенных лиц, которых в Птолемаиде, стремясь подчеркнуть свою лояльность к власти, осыпали почестями. Такие посланцы царя (в документе III в. до н. э. (OGIS, 49) зафиксирован царский посланец Антифил), скорее всего, в эпоху раннего эллинизма выполняли в большей степени канцелярскую работу, поскольку царь общался с полисами фактически напрямую; аналогичная система зафиксирована и в государстве Селевкидов – сохранились свидетельства прямого общения царей с городом Баргиля (SEG, 426) и с Илионом (RC, 13), а в Селевкии-на-Эвлее (Сузах) институт царских посланцев зафиксирован даже в раннепарфянское время¹². А. Ейне, анализируя раннеэллинистические документы, предположил, что в Египте царские распоряжения проходили через городской совет и народное собрание и после одобрения становились народными постановлениями (*psefismata*)¹³. Таким образом, формально менялся источник этих постановлений – царская инициатива получала санкцию общины горожан. Даже в том случае, если инициатива изначально исходила от города, она должна была получить официальную санкцию. Так, папирус 238/7 г. до н. э. из Дублинского собрания (SB, 7403) содержит прошение (*enteuksis*) о рассмотрении законности права гражданства города Птолемаиды для некоего лица. Оно направляется царю, а городу возвращается в переписанном виде. Тем самым следует установить существование двух источников права – полиса и самого царя.

Такое положение вещей следует признать типичным для многих эллинистических государств. Многочисленные документы свидетельствуют о такой же системе управления городами в дер-

жаве Селевкидов, с той поправкой, что там не царь направлял своего посланника в город, а сами города направляли посольства царю (OGIS, 219; 222; 223; 231; 232). Египетское право в этом отношении, пожалуй, было честнее. Там прямо заявлялось, что ни греческое право, ни египетское не являются обязательными. В сложившейся иерархии правовых систем первое место занимали царские постановления. Широко цитируемый текст 226 г. до н. э. (P. Gurob., 2) свидетельствует, что решение следовало принимать в соответствии с *diagrammata* царя Птолемея; при отсутствии в них нужных разделов рекомендовалось исходить из *politikoi nomoi*, а если и там не окажется соответствующего указания, то надо было решать руководствуясь «наисправедливейшим мнением» (*gnomei kai dikaiotatei*). Не менее известно письмо Птолемея II своему дикойкту Аполлонию, написанное в 258 г. до н. э. (P. Amherst, 33), в котором принцип вмешательства царской власти в судебные дела практически сформулирован.

Но вернемся к административному устройству Птолемаиды. С самого момента основания города руководящую роль в нем играли пританы, которые созывали народное собрание (*ekklesia*) и председательствовали на нем, вносили в экклесию предложения и предварительно их обсуждали (OGIS, 728), зачисляли новых членов в дем и филу (OGIS, 49), следили за поведением граждан и карали их в соответствии с законами (OGIS, 48). Секретарь совета (*grammateus tes boules*) нес ответственность за запись декретов (OGIS, 49) и стоял во главе управления городским архивом (*demosion*). Формально институт пританов являлся сугубо демократическим, его функции не менялись, однако менялся сам состав пританов. Точнее, начиная со II в. до н. э. либо пританы получают официальные посты в царской администрации, либо, наоборот, представители администрации (или армии) включаются в состав руководящих выборных органов полиса (OGIS, 47; SIG, 4925). Некий Лисимах, сын Птолемея из дома Состратеев, одновременно является секретарем городского совета (OGIS, 728), гиппархом и *prutanis dia dion* (OGIS, 51); Деметрий – «родственником» царя, эпистратегом, стратегом Фиваиды и *grammateusom boule*, а в 118/7 г. до н. э. на острове Филэ он посвящает алтарь *rani Eudo* и богу Сотеру (SB, 3448); эпистратег и стратег Фиваиды Каллимах одновременно являлся председателем коллегии пританов и гимнасиархом (SB, 2264; OGIS, 190). Последние данные относятся уже к концу эпохи Птолемеев и демонстрируют последнюю стадию установления официального контроля над полисом.

Как минимум в I в. до н. э. в Птолемаиде официально находился царский стратег (OGIS, 743), изначально несовместимый

с полисными магистратами. Дополнительным свидетельством установления царем полной власти над Птолемаидой является перечисление заслуг некоего Никомеда (OGIS, 47): его заслуги перед царем называются ранее его заслуг по отношению к Птолемаиде. Царь издает соответствующие постановления: так, к 76/5 г. до н. э. относится акт дарования Птолемеем XII асии (права убежища) и ателии (податного иммунитета) храму, воздвигнутому стратегом Каллимахом (в OGIS, 186, 190 и SB, 2264, 4084 – стратег и эпистратег) в честь богини Исиды¹⁴. Оставив в стороне тот факт, что царь распоряжается судьбой полисного святилища, отметим, что храм был построен не кем-нибудь, а государственным чиновником, к тому же высшим должностным лицом этого региона. Городской культ Theos Soter является лишь дополнительной иллюстрацией полного подчинения Птолемаиды. В государстве Селевкидов он имеет параллель в виде объявления правящего царя «другом» рода (RC, 22; OGIS, 212; 229).

В какой же степени общественный строй полисов Египта соответствует городам, основанным в это же время Селевкидами или Атталидами? Для ответа на этот вопрос нужно выяснить, что же представляет собой эллинистический полис; несмотря на кажущееся обилие исследований, этот вопрос остается одним из наиболее актуальных в современной историографии¹⁵. Активное градостроительство, проводившееся как Александром, так и его наследниками, приводит к возникновению на Востоке десятков городов¹⁶. Новые города называются именами своих строителей и хозяев или именами их родственников и династий; много городов с названиями, перенесенными из Греции или Македонии. Общим местом в историографии стало утверждение, что эллинистические полисы создавались почти исключительно методом синойкизма (слияния нескольких городов и поселений в один полис; напр.: Amm. Marc., XIV, 8, 5) или симполии (административного объединения городов)¹⁷. Сам метод возник в Малой Азии еще в первой половине IV в. до н. э. (его появление связывается с переносом Мавсолом Карийским своей столицы в Галикарнас в 367 г. до н. э.¹⁸), но в Египте доказан только применительно к Александрии: Навкратис к моменту прихода Александра существовал уже триста лет, а об обстоятельствах заселения Птолемаиды, а тем более городов побережья Красного моря мы не имеем сведений. Однако при таком видении проблемы из поля зрения исследователей ускользает еще один способ основания городов, являвшийся в эпоху раннего эллинизма безусловно приоритетным.

Подсчеты показали, что только в Малой Азии Селевкидами в III в. до н. э. было основано как минимум сорок пять греко-маке-

донских военных поселений¹⁹; одним из первых была военная колония Селевка I в Тиатире. Возможно, не все они с самого начала были полисами и не всем катекиям со временем был предоставлен автономный статус²⁰, однако от размещавшихся в городах во время военных действий *fulakai* их отличал постоянный характер дислокации. Тот же тип колонизации мы видим и в Египте еще в середине I тыс. до н. э., не говоря уже о государстве Птолемеев. Первые греческие наемники появляются в Египте при фараоне Псаметтихе I (664–609 гг. до н. э.); он не только воссоздает египетские армию и флот, но восстанавливает военные форпосты на границах страны, разрушенные в ходе ассирийского завоевания. Для охраны границ Псаметтих I начинает пользоваться услугами ионийских и карийских наемников (*Herod.*, II, 147, 151–157; *Diod.*, I, 66, 12; *Polyaen. Strat.*, VII, 3). Если интерпретация терминов «каласирии» и «гермотибии», применявшихся к двум группам воинов, верна, то греки (гермотибии) размещались египетскими фараонами преимущественно в западной и центральной части Дельты (*Herod.*, II, 141, 165–166; *Diod.*, I, 73–74), что, во-первых, предполагает создание гарнизонов на внутренних территориях, а во-вторых, объясняет, почему греческие купцы, активно проникающие в Египет уже при фараоне Нехо (609–594 гг. до н. э.), селятся именно в этой части Дельты, в том числе в Навкратисе, который располагается в непосредственной близости от египетской столицы тех времен – Саиса.

Греко-македонские гарнизоны, располагавшиеся в стране со времен Александра Македонского и Птолемея I (*Diod.*, XVIII, 33, 3) от побережья до египетских форпостов в Эфиопии, почти наверняка не являлись полисами, но правовое положение жителей гарнизона вряд ли сильно отличалось от положения александрийца, поскольку полисная автономия быстро стала фикцией, и степень подчинения царской власти постепенно становилась одинаковой для всех. По аналогии с Пергамом, мы можем предположить, что главное административное отличие военных поселений от полисов заключалось в том, что первые не имели эпонимных магистратов и вели счет лет по годам правления царя. Такой способ колонизации позволял рассредоточивать воинские подразделения по всей стране, изолируя или помещая в необходимое окружение части, не слишком лояльные власти.

Роль, которую полисы играли в структуре эллинистических монархий, не была одинаковой в разных государствах и в большой степени зависела от сложившихся традиций. В Малой Азии в эпоху предэллинизма возникли гражданско-храмовые общины; они продолжают существовать и после завоеваний Александра. Довольно

многочисленные полисы, входившие в состав Пергамского царства, в течение веков проводили самостоятельную политику, да и после вхождения в состав державы Атталидов сохранили гораздо больше элементов самоуправления, чем города Передней Азии. Специфика египетских полисов, напротив, определялась их значительной зависимостью от царской власти и небольшим количеством египетских городов, обладавших автономией. Это полностью соответствует многовековым традициям развития египетской государственности. Египет, видимо, был единственной цивилизацией древности, где отсутствовало гражданское общество, поскольку община изначально была полностью разрушена рано появившимся государством. Египетское общество, по сути, не знало общины и свойственного ей самоуправления; это предопределило крайне малое распространение этой формы организации населения в египетской части державы Птолемеев, в то время как во внеегипетских территориях создание и развитие полисов продолжалось.

Примечания

- ¹ Павловская А.И. Эволюция социально-политических основ власти Птолемеев в III–I вв. до н. э. // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 66–67.
- ² Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985. С. 132.
- ³ Ehrenberd V. The Greek State. L.: Routledge, 1969. P. 180–184.
- ⁴ Taubenschlag R. The Law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri, 332 B.C.–640 A.D. Vol. 2: Political and administrative law. Warsaw: Polish Philological Society, 1948. P. 574–578.
- ⁵ Литвиненко Ю.Н. О «колониальном» сельском хозяйстве в птолемеевском Египте // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 22. Примеч. 30.
- ⁶ Casson L. Preface // The Periplus Maris Erythraei. Princeton: Princeton Univ. Press, 1989. P. 36.
- ⁷ Тарн В.В. Эллинистическая цивилизация. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. С. 169.
- ⁸ Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Oxford: Clarendon Press, 1972. Vol. 2. P. 188. Note 77; Vol. 3. P. 173. Note 3.
- ⁹ См.: Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М.: Наука, 1980. С. 381.
- ¹⁰ Taubenschlag R. Op. cit. Vol. 2. P. 11–15.
- ¹¹ Эйне А. Полис Птолемаида в системе общегосударственного управления эллинистического Египта // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1970. № 4. С. 79.
- ¹² Кошеленко Г.А., Новиков С.В. Манумиссии Селевкии-на-Эвлее // Вестник древней истории. 1979. № 2. С. 41–42.

- ¹³ *Эйне А.* Указ. соч. С. 81.
- ¹⁴ *Придик Е.М.* Греческие надписи из коллекции В.С. Голенищева // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 1. С. 1–21.
- ¹⁵ Проблемы методологии изучения античного мира // Вестник древней истории. 1994. № 1. С. 41.
- ¹⁶ Наиболее полные списки, включающие до 180 названий, см.: *Tscherikower V.* Die hellenistischen Stadtgründungen von Alexander dem Großen bis auf die Römerzeit. Leipzig: Dieterich, 1927; *Cohen G.M.* The Hellenistic settlements in Europe, the Islands and Asia Minor. Berkeley: Univ. of California Press, 1995; *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. С. 80–180.
- ¹⁷ *Свенцицкая И.С.* Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии // Вестник древней истории. 1960. № 3. С. 90.
- ¹⁸ *Пельман Р. фон.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб.: Алетей, 1999. С. 342.
- ¹⁹ *Var-Kochva B.* The Seleucid army. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976. P. 20–47.
- ²⁰ *Свенцицкая И.С.* Указ. соч. С. 91.

Представления о деятельной и созерцательной жизни: от Платона к христианской патристике

В статье делается попытка определить содержание и основные направления эволюции двух ключевых понятий – *vita activa* и *vita contemplativa*; под первым подразумевалась активная деятельная жизнь, под вторым – созерцательная. Основы этих понятий были сформулированы в философии Платона и Аристотеля под влиянием основополагающих гражданских (полисных) ценностей. В дальнейшем они претерпели определенную эволюцию в римской культуре, в сочинениях Цицерона, Сенеки Младшего и некоторых других авторов. Однако прямые аналоги греческих βίος πρακτικός и βίος θεωρητικός в римской традиции отсутствовали до эпохи патристики. Августин определил их новое содержание, определявшееся христианской картиной мира.

Ключевые слова: βίος πρακτικός, βίος θεωρητικός, *vita activa*, *vita contemplativa*, полис, *civitas*, патристика, христианство, Августин.

Вопрос взаимоотношения двух основополагающих моделей образа жизни – *vita activa* (деятельной) и *vita contemplativa* (созерцательной) является одним из важнейших для всей христианской культуры¹. Концепция деятельной и созерцательной жизни, беря начало в классической Греции, в основном сложилась благодаря трудам Отцов Церкви в поздней античности², когда в условиях глубинной трансформации общества и государства представления, основанные на полисных ценностях, подверглись коренному переосмыслению. Вместе с тем, несмотря на все изменения, они сохранили свою основу, что и будет показано ниже.

© Биркин М.Ю., 2016

Статья написана в рамках исследовательского проекта Православного Свято-Тихоновского богословского института «Современные проблемы богословия священства».

Предыстория

Истоки особого восприятия форм *vita activa* и *vita contemplativa* связаны с греческой философией классического периода, в рамках которой в качестве особых были выделены категории созерцания (θεωρία)³, действия (πράξις) и непосредственно связанные с ними явления, впоследствии ставшие прообразами моделей деятельной и созерцательной жизни. основополагающие представления, ставшие исходной точкой для их интерпретации христианами авторами, были сформированы, прежде всего, Платоном и Аристотелем⁴.

Согласно Платону, философский образ жизни является лучшим из возможных, так как способствует достижению высшего для человека блага – осуществления своего назначения посредством самоутверждения своей личности как духовного существа⁵. В платоновских рассуждениях, как замечает Эрнест Баркер, политическая и философская жизнь выступают как единое целое⁶. И, как известно, лишь философ может быть у Платона подлинным политиком⁷.

Дальнейшее развитие проблема получила в трудах Аристотеля. Как считается, именно он провел четкое различие между практической (βίος πρακτικός) и теоретической (βίος θεωρητικός) сторонами жизни и ясно определил область осознанной и свободно выбранной человеческой деятельности – *praxis* (πράξις), смысл которой содержится в ней самой и ее удовлетворительном исполнении⁸. Праксис уступает созерцанию, не имеющему никакой цели, кроме самой себя оно есть активное размышление об объяснении первопричин всего в мире, видение соответствий и понимание, почему мироздание таково, каково оно есть⁹.

Полагая, что человеческим предназначением является счастье (εὐδαιμονία), греческий философ, как показывает Ф.Х. Кессиди, рассматривал образы жизни, избираемые ради самих себя: жизнь в удовольствии (βίος ἀπολαυστικός), политическую жизнь (βίος πολιτικός) и жизнь созерцательную (βίος θεωρητικός)¹⁰. При этом политическая жизнь оказывается синонимичной *практической* (βίος πρακτικός), под которой Аристотель, по замечанию современных комментаторов, подразумевает активную жизнь гражданина в сообществе, проявляющего свои нравственные добродетели¹¹. Вместе с тем Ричард Краут отмечает, что политическая жизнь, по Аристотелю, предполагает в первую очередь участие в управлении полисом: ведь именно в государственных делах человеческие добродетели проявляются наиболее ярко¹². Список добродетелей, перечисляемых Аристотелем (мужество, справедливость, щедрость, дружба), объясняет, что стоит за понятием *praxis*, а именно – публичная

практика свободного коммуникативного взаимодействия¹³. В отличие от теоретической жизни жизнь политическая была направлена в том числе и на счастье всего полиса в целом¹⁴.

Пьер Адо и другие ученые утверждают, что, по Аристотелю, самой счастливой была созерцательная жизнь: она оказывается самодостаточной, наименее утомительной и развивает бессмертный ум (*νοῦς*), имеющий дело с неизменными и божественными вещами, к которым приближается теоретик¹⁵. Впоследствии эта идея о божественности созерцания повлияла на неоплатоников¹⁶, а через них – на христианство. Два образа жизни стали прототипами для соответствующих представлений будущих христиан, причем первый трактовался как связанный с божественным, а второй – с человеческим.

Деление на практическую и созерцательную жизнь дополняет важнейшая для древних греков оппозиция понятий «досуг» (*σχολή*) и «дело, занятие» (*ἄσχολία*)¹⁷; в римской культуре ее аналогом являлась дихотомия *otium* – *negotium*. Термины же *βίος πρακτικός* и *βίος θεωρητικός* не имели параллелей в латинском языке, вплоть до эпохи патристики.

В Риме рецепция рассмотренных выше идей началась, по сути, только в трудах Марка Туллия Цицерона, соединившего греческую и римскую культуру¹⁸. Кроме того, этика Цицерона частично составила основу христианского учения о морали (Лактанций, Амвросий, Августин)¹⁹. Цицерон выделяет четыре стиля жизни: государственную деятельность, науку и познание, наслаждение и, наконец, торговлю²⁰. Главенство же он оставляет за созерцательной и государственной жизнью²¹, исходя, как и Аристотель, из представлений о предназначении человека, рожденного для мышления и действия²².

По Цицерону, политическая жизнь ценнее, чем жизнь, посвященная науке²³. Высшая добродетель – мудрость (*sapientia/sophia*), которая, являясь познанием дел божественных и человеческих, отвечает за общность людей; поэтому обязанности, вытекающие из этой общности, – высшие²⁴, а соответствующие действия (*actio*) лучше созерцания²⁵. Обязанности по поддержанию единства общества и управлению государством вытекают из двуединой добродетели справедливости и благотворительности (*officia iustitiae*)²⁶.

Но подлинным идеалом для Цицерона было сочетание двух типов жизни²⁷, ведь удаление от практической деятельности считалось нарушением гражданского долга. Поэтому он рассматривал философию только как *otium* и утешение во время вынужденной политической бездеятельности²⁸.

Итак, в Риме периода Поздней Республики вопрос о соотношении двух образов жизни сводился, в основном, к соотношению до-

суга и деятельности (*otium – negotium*). За норму полагали *negotium*, содержание которого полностью обуславливалось обязанностями добропорядочного гражданина (*vir bonus*) по отношению к государству (*res publica*). В понятие *negotium* входило, в первую очередь, исполнение различных магистратур, деятельность полководцев и ораторов. Деятельность, не связанная с общественно-политической сферой, относилась к области *otium*. В целом такое понимание указанных терминов сохранялось как минимум до конца V в. н. э.²⁹

Сказанное соответствовало идеям стоицизма, распространившегося в Риме: совершенство мудреца выражалось в действии³⁰. Однако в эпоху империи стоицизм стал ассоциироваться с созерцательной жизнью, легитимируя уход из политической³¹. Это изменение приоритетов иллюстрируют сочинения Сенеки Младшего. Как отмечает М. Гриффин, из текстов философа хорошо видно, что занятия и покой постепенно становились культурным идеалом³², который, впрочем, организовывался представлениями о *negotium*. Ведь общественная сфера по-прежнему считалась важнейшей областью человеческой деятельности, в том числе мыслителей³³. Подобное смещение акцента во многом было связано со своеобразной эллинизацией римской культуры.

Глубоко эллинистические корни имел и неоплатонизм, коренным образом изменивший соотношение созерцательной и практической деятельности (по крайней мере, на теоретическом уровне). Философия Плотина, ставшая ответом на позднеантичный кризис человеческой личности³⁴, организуется идеей созерцания, благодаря которому, по замечанию Эмиля Брейе, существует все мироздание³⁵. Хотя, по утверждению Д.В. Бугая, Плотина мало интересовала классификация добродетелей как таковая и в строго терминологическом отношении философ говорит только о политических (практических) добродетелях³⁶, однако ряд исследователей находят в его построениях и очистительные добродетели³⁷. Позже неоплатоники разработали изощренное деление добродетелей³⁸, но практически неизменно считались самыми низшими³⁹, а сфера праксиса – максимально внешней по отношению к человеку⁴⁰. Поэтому в списке образов жизни фактически оставалась только одна философская жизнь.

Вместе с тем у Плотина и его последователей гражданская деятельность оказывается включенной в философский образ жизни, о чем пишет Доминик О'Мира⁴¹. Поэтому, подчеркивают исследователи, де-факто неоплатоники, в том числе Плотин, занимались практическими делами и активно участвовали в жизни общины⁴². Таким образом, даже самое созерцательное учение античности не исключало социально-политической составляющей.

Деятельная и созерцательная жизнь в греческой и латинской патристике

Христианская концепция деятельной и созерцательной жизни появилась в тех же условиях, что и неоплатонизм, и на первых этапах своего развития складывалась под сильным его влиянием. По утверждению У. Кинг, Климент Александрийский первый среди христианских мыслителей обратил внимание на значение созерцания и деятельности и заложил экзегетические основания этой темы⁴³.

В дальнейшем эту тему развивали такие видные христианские писатели, как Ориген, Евагрий Понтийский, Иоанн Кассиан⁴⁴. Общую идею, пожалуй, наиболее последовательно выразил Евагрий, согласно которому развитие духовной жизни возможно, главным образом, в монашеском подвиге. Вместе с тем в патристической традиции понимание практической жизни все еще сохраняло связь с античными представлениями. В частности, друг Евагрия Григорий Богослов понимал βίος πρακτικός как жизнь в миру и общине (в противовес созерцанию и пустынножительству)⁴⁵.

Переломный момент в развитии этих представлений следует связать с творчеством Иоанна Кассиана, ставшего транслятором важнейших идей, рожденных в недрах восточного монашества. Согласно Кассиану, деятельная и созерцательная жизнь могли сменяться и дополнять друг друга. Для обозначения деятельной жизни в его текстах появляется адекватный латинский термин *vita actualis*. Второй же образ жизни автор передавал понятиями *contemplatio* и *theoria*.

Он подчеркивал, что каждый образ жизни соотносится с видом знания, к которому он ведет. Таковых видов выделялось два: практическое (деятельное), способствующее улучшению нравов и очищению от пороков, и теоретическое (созерцательное), обращенное к божественным вещам⁴⁶. В своем конкретном проявлении деятельная жизнь состоит в аскетических подвигах (например, безмолвие), в наставлении братьев и вообще в заботе об общежитии, а также в странноприимстве, попечении о больных, заступничестве за угнетенных, учении, раздаче милостыни и проч.⁴⁷ Теоретическое же знание у Кассиана – это, в первую очередь, чтение Священного Писания и размышление над ним⁴⁸.

Но наибольшее влияние на формирование христианского понимания *vita activa* и *vita contemplativa* оказал Аврелий Августин⁴⁹. Созерцательная и деятельная жизнь им обозначается терминами, близкими латинскому менталитету: первая – традиционным словосочетанием *otiosa vita*, вторая – логичным антонимом *negotiosa/actuosa vita*, нехарактерным, впрочем, для классической латыни⁵⁰.

И традиционные римские представления в его концепции совершенно естественны. Следуя античной схеме, Августин подчеркивал, что в равной мере можно избрать досужую жизнь, посвященную научным занятиям, или жизнь деятельную для государственного управления и ведения человеческих дел, или смешанный образ жизни⁵¹. Первый образ жизни подразумевает созерцание и отыскание истины, являясь, по сути, ученым досугом. Второй же состоит в предписаниях земной жизни⁵² и приравняется к публичной деятельности (*negotium publicum*)⁵³.

Таким образом, у Августина деятельная и созерцательная жизнь еще соотносилась с древнегреческими βίος πολιτικός / πρακτικός и βίος θεωρητικός, однако их понимание уже подверглось значительной христианизации: блаженство в загробном мире достижимо при любом из названных образов жизни, но важен их выбор из-за любви к истине или долга любви (*officium caritatis*)⁵⁴. И если ранее деятельная жизнь воспринималась как долг члена гражданской общины (*officium civitatis*), то теперь – как члена общины церковной (*officium caritatis*)⁵⁵.

Поэтому из понятия деятельной жизни исчезла ключевая античная ценность *honor*, на основе которой выстраивалась вся остальная шкала оценок⁵⁶: по Августину, предметом любви должно быть само дело, а не почет или власть⁵⁷. Это означало умножение социальных ролей: человек оказывался одновременно связанным и с гражданской общиной, и с церковной организацией, которые пока еще не совпадали. Важнейшие гражданские ценности, связанные с полисными представлениями⁵⁸, теперь реализовывались и в рамках церковной общины, наполняясь новым смыслом. Появление двух моделей действия подтверждает и образ двух градов – земного и Небесного. Таким образом, можно уверенно констатировать факт столкновения и вместе с тем взаимопроникновения христианских и традиционных полисных ценностей.

Христианская мысль Средневековья, отталкиваясь от этого представления, выработала собственное понимание сути *vita activa* и *vita contemplativa*. Однако разговор об этом выходит за рамки настоящей статьи.

Принятые сокращения

Att. – Cicero. Epistulae ad Atticum // Cicero. The letters to Atticus / with an English translation by E.O. Winstedt. Vol. 1. L., 1912.

Coll. – Joannis Cassiani Abbatis Massiliensis Collationum XXIV Collectio in tres Partes Divisa // PL. Vol. 49. Paris, 1846. Col. 0477–1328C.

- De amicitia – Cicero. De amicitia // Cicero. De senectute, De amicitia, De divinatione / With an English translation by William Armistead Falconer. (Loeb Classical Library No. 154). L.; Cambridge, 1923.
- De civ. Dei – S. Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi De Civitate Dei Contra Paganos // PL. Vol. 41. Paris, 1841. Col. 0013–0804.
- De Consensu – S. Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi De Consensu Evangelistarum Libri Quatuor // PL. Vol. 34. Paris, 1841. Col. 1041–1230.
- De fin. – Cicero. De finibus Bonorum et Malorum / with an English translation by H. Rackham (Loeb Classical Library No. 40). L.; N. Y., 1914.
- De off. – Cicero. De Officiis / with an English translation by Walter Miller (Loeb Classical Library No. 30). London–Cambridge, 1913.
- De Trin. – S. Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi De Trinitate // PL. Vol. 42. P., 1841. Col. 0819–1098.
- Rep. – Cicero. De re publica / Ed. K. Ziegler. Lipsiae, 1958.

 Примечания

- ¹ *Mieth D.* Aktion und Kontemplation // Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg: Herder, 1993. S. 304–306.
- ² *Ruh K.* Geschichte der abendländischen Mystik: 4 Bde. München: Beck, 1990. Bd. 1: Die Grundlegung durch die Kirchenväter und die Mönchstheologie des 12 Jahrhunderts. S. 157–159.
- ³ *Lobkowicz N.* On the History of Theory and Praxis // Political Theory and Praxis: New Perspectives / Ed. by T. Ball. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977. P. 14, 20.
- ⁴ *Ruh K.* Op. cit. S. 157.
- ⁵ *Кессиду Ф.Х.* Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 13–14.
- ⁶ *Barker E.* Greek Political Theory: Plato and his Predecessors. L.: Methuen, 1964. P. 235.
- ⁷ *Lobkowicz N.* Op. cit. P. 15.
- ⁸ *Bien G.* Praxis, praktisch. I. Antike // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 7. Basel: Schwabe, 1989. Sp. 1278–1285.
- ⁹ *Hughes G.J.* Aristotle on Ethics. L.: Routledge, 2001. P. 46.
- ¹⁰ *Кессиду Ф.Х.* Указ. соч. С. 22, 30.
- ¹¹ *Aristotle.* The Nicomachean Ethics / Trans. by D. Ross, revised with an introduction and notes by L. Brown. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. P. 205.
- ¹² *Kraut R.* Aristotle on the Human Good. Princeton: Princeton Univ. Press, 1989. P. 345.
- ¹³ *Wannenwetsch B.* Political Worship: Ethics for Christian Citizens / Transl. by M. Kohl. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. P. 189.
- ¹⁴ *Ball T.* Plato and Aristotle: The Unity versus the Autonomy of Theory and Practice // Political Theory and Praxis... P. 64.

- ¹⁵ *Адо П.* Что такое античная философия? / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. С. 90–91; *Adkins A.W.H.* Theoria versus Praxis in the Nicomachean Ethics and the Republic // *Classical Philology*. Vol. 73(4). 297–313; *Rorty A.O.* The Place of Contemplation in Aristotle's Nicomachean Ethics // *Essays on Aristotle's Ethics* / Ed. by A.O. Rorty. Berkeley: Univ. of California Press, 1980. P. 377–394; *Kraut R.* Op. cit. P. 220, n° 1 и др.
- ¹⁶ *O'Meara D.J.* Platonopolis: Platonic Political Philosophy in Late Antiquity. Oxford: Clarendon Press, 2005. P. 32–33.
- ¹⁷ *Фролов Э.Д.* Феномен досуга в античном мире // *Феномен досуга в античном мире* / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Гуманитарная академия, 2013. С. 12–18.
- ¹⁸ См.: *Гринцер Н.П.* Римский профиль греческой философии // Марк Туллий Цицерон. О пределах блага и зла: Парадоксы стоиков. М.: РГГУ, 2000. С. 9–38.
- ¹⁹ *Майоров Г.Г.* Цицерон как философ // Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 5.
- ²⁰ De amicitia. XXIII.86.
- ²¹ De fin. V.58.
- ²² Ibid. II.40.
- ²³ *Wood N.* Cicero's Social and Political Thought. Berkeley: Univ. of California Press, 1988. P. 122.
- ²⁴ De off. I.153.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ *Утченко С.Л.* Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 169.
- ²⁷ См., например: Rep. III.5; Att. II.16.3.
- ²⁸ *Утченко С.Л.* Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 68.
- ²⁹ *Мамина О.Н.* Понятия «negotium» и «otium» в сочинениях Сидония Аполлинария // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1984. Вып. 21: Античная и средневековая идеология. С. 67, 77.
- ³⁰ *Brown E.* False Idles: The Politics of the “Quiet Life” // *A Companion to Greek and Roman Political Thought* / Ed. by R.K. Balot. L.: Blackwell Publishing, 2009. P. 492.
- ³¹ *Griffin M.* Philosophy, Politics, and Politicians at Rome // *Philosophia Togata I: Essays on Philosophy and Roman Society* / Ed. by M. Griffin, J. Barnes. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 20.
- ³² *Griffin M.* Seneca: A Philosopher in Politics. Oxford, 2003. P. 345. См. также: *Штаерман Е.М.* От гражданина к подданному // *Культура Древнего Рима: В 2 т. Т. 1*. М.: Наука, 1985. С. 66, 77.
- ³³ *Штаерман Е.М.* Указ. соч. С. 76, 79.
- ³⁴ *Грант М.* История Древнего Рима. М.: Центрполиграф, 2003. С. 320–321.
- ³⁵ *Брейе Э.* Философия Плотина. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 142, 244, 260, passim.
- ³⁶ *Бугай Д.В.* Трактат Плотина «О добродетелях» (I. 2) и его интерпретация Порфирием и Марином // *Вопросы философии*. 2002. № 8. С. 137.

- ³⁷ *Адо П.* Плотин, или Простота взгляда. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. С. 76; *Dillon J.M.* An ethic for the late antique sage // The Cambridge Companion to Plotinus / Ed. Lloyd P. Gerson. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 320–322.
- ³⁸ *Бугай Д.В.* Указ. соч. С. 139 и сл.
- ³⁹ *Адо П.* Плотин... С. 77; *Lloyd A.C.* The Later Neoplatonists // The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy / Ed. A.H. Armstrong. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 274.
- ⁴⁰ *Рист Дж.М.* Плотин: путь к реальности / Пер. с англ. Е.В. Афонасина, И.В. Берестова. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 178.
- ⁴¹ См.: *O'Meara D.J.* Platonopolis: Platonic Political Philosophy in Late Antiquity. Oxford, 2005.
- ⁴² *Рист Дж.М.* Указ. соч. С. 179 и сл.; *Clark G.* Christianity and Roman Society. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. P. 75.
- ⁴³ *King U.* Christian Mystics: Their Lives and Legacies throughout the Ages. Mahwah, N.J.: Hidden Spring (Paulist Press), 2001. P. 14–16.
- ⁴⁴ *Ruh K.* Op. cit. S. 157, 158.
- ⁴⁵ *Louth A.* The Origins of the Christian Mystical Tradition. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. P. 99.
- ⁴⁶ Coll. XIV.1.
- ⁴⁷ Ibid. 4.
- ⁴⁸ Ibid. 8.
- ⁴⁹ *Butler C.* Western Mysticism: The Teaching of SS: Augustine, Gregory and Bernard on Contemplation and the Contemplative Life. L.: Constable, 1951. P. 157; *Омэни Дж.О.Р.* Христианская духовность в католической традиции / Пер. с англ. Н. Вакуленко. Рим; Люблин: Изд-во Святого Креста, 1994. С. 89.
- ⁵⁰ Oxford Latin Dictionary / Ed. by P.G.W. Glare. Oxford: Oxford Univ. Press, 1968. P. 1168.
- ⁵¹ De civ. Dei. XIX.1.
- ⁵² De civ. Dei. VIII.4; De Consensu. I.5.8.
- ⁵³ De civ. Dei. XIX.2.
- ⁵⁴ De civ. Dei. XIX.19.
- ⁵⁵ *Louth A.* Op. cit. P. 195.
- ⁵⁶ *Кнабе Г.С.* Категория престижности в жизни Древнего Рима // Быт и история в античности. М.: Наука, 1988. С. 168.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ *Кнабе Г.С.* Древний Рим – история и повседневность: Очерки. М.: Искусство, 1986. С. 20–21.

Эволюция статуса императорских чиновников
в отражении кодекса Феодосия:
на примере нотариев

Статья посвящена положению нотариев – секретарей императорского консистория – во второй половине IV – начале V вв. Основным источником по данному вопросу служит кодекс Феодосия – первая официальная кодификация римского права эпохи Поздней Римской империи. Данные кодекса позволяют рассмотреть такие вопросы, как функции нотариев (первичные и вторичные), структуру и организацию их школы, положенные им льготы и привилегии и, прежде всего, повышение ранга и статуса нотариев с течением времени.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, нотариусы, референдарии, консисторий, бюрократия, кодекс Феодосия.

Период конца III – начала IV в. считается переломным моментом в истории Римской империи, так как в это время происходит окончательный переход от принципата к новой системе власти – доминату. Обычно это явление связывают с реформами императоров Диоклетиана и Константина, однако нельзя сказать, что со смертью последнего перестройка государственной системы полностью завершилась: значимые изменения продолжали происходить как минимум на протяжении всего IV века. Одним из таких процессов являлся рост численности и влияния бюрократии, одним из следствий которого стало постепенное повышение статуса императорских чиновников в IV – начале V в. Эта проблема давно и активно исследуется, и в целом сюжеты, касающиеся позднеримской бюрократии, изучены достаточно хорошо¹. Однако, хотя общие направления эволюции статуса чиновников относительно хорошо известны, положение разных категорий бюрократии было

отнюдь не одинаковым. Именно поэтому, наряду с общими работами, в современной историографии растет число трудов, посвященных конкретным группам государственных служащих периода Поздней империи². Продолжая эту тенденцию, в настоящей статье я остановлюсь на исследовании конкретной категории чиновников – нотариев императорского консистория.

Хронологические рамки исследования определяются содержанием важнейшего правового памятника – кодекса Феодосия, в который вошли императорские конституции со времен Константина I (306–337 гг.) и до момента обнародования свода восточноримским императором Феодосием II Младшим в 438 г.³ В этой кодификации конституции, касающиеся регламентации статуса нотариев, вошли в состав специального титула – CTh.6.10 «О нотариях и их примикерии». Этот титул относительно небольшой, он состоит всего из четырех конституций, однако нередко нотариии фигурируют и в других законах – всего в кодексе Феодосия они упоминаются в двенадцати конституциях⁴, большая часть которых входит в шестую книгу, посвященную регламентации статуса сенаторов и различных должностных лиц.

Несмотря на то что императорские нотариии фигурируют в источниках с начала IV в., а самая ранняя конституция, вошедшая в кодекс Феодосия, датируется 312 г., первое упоминание нотариев в тексте памятника относится только к 367 г.⁵, второе – к 380 г.⁶ Поэтому стоит сразу оговорить, что императорское законодательство не может служить источником для изучения нотариев в первой половине IV в. Однако с 380 г. количество конституций, касающихся нотариев как напрямую, так и косвенно, резко увеличивается; достаточно большое количество законов так или иначе связано с регламентацией их статуса, и практически все они имеют четкую датировку. Поэтому можно смело сказать, что кодекс Феодосия является незаменимым источником по исследованию должностного положения нотариев и эволюции их статуса в последней четверти IV – начале V в.

Изначально под нотариями подразумевались секретари-стенографы частных лиц⁷, и с течением времени это значение не исчезло – оно сохранилось, например, в некоторых конституциях Юстиниана, где словом *notarius* обозначается раб-стенограф⁸. Что касается императорских нотариев, то они известны со времен Лициния (впервые их упоминает Лактанций при описании событий 313 г.⁹, далее – в Суде упоминается *Auxentius* – нотариий Лициния в конце его правления¹⁰), но, возможно, они появились и раньше¹¹. На данный момент не существует единого мнения о происхождении этой

должности: в качестве предшественников императорских нотариев различными исследователями рассматривались преторианцы¹², военные трибуны и протекторы¹³, подчиненные префекта претория времен Константина¹⁴, а также императорские рабы и вольноотпущенники времен принципата¹⁵. Наиболее обоснованной кажется точка зрения голландского исследователя Х. Тайтлера (позже ее принимает и Р. Дельмер), который считает, что изначально предшественниками позднеримских нотариев были рабы и вольноотпущенники императора, однако в III в. в качестве секретарей стали привлекаться и некоторые военные. Это объясняет организацию нотариев в схолу – военизированное подразделение, а также то, что многие нотариии имели ранги трибунов.

Прежде чем перейти к обсуждению статуса нотариев, нельзя не затронуть вопрос об их функциях. Однако следует сразу оговорить, что законодательство не является основным источником по этому вопросу (в частности потому, что нотариии никогда не являлись адресатами конституций); гораздо больше информации содержат нарративные источники. Тем не менее определенные данные по этой проблеме в законодательстве все же есть, а некоторые из них (в том числе – по причине четкости датировки) не имеют аналога в источниках иных видов.

Считается, что основной задачей нотариев, по крайней мере изначально, было стенографирование заседаний консистория (совета при императоре, где обсуждались важнейшие государственные дела), и это предположение подтверждается на материале законодательства: служба нотариев именно в этом учреждении фигурирует в двух конституциях кодекса Феодосия¹⁶. Там же находим упоминание еще одной «секретарской» функции нотариев – зачитывание императорских конституций в сенате¹⁷. Однако работа нотариев имела свою специфику, отличавшую их от других категорий канцелярских служащих: будучи секретарями консистория, они автоматически оказывались в курсе если не всех, то большинства государственных дел, что отражено в конституции CTh.6.35.7, изданной в 367 г., где говорится, что нотариии служат не просто *intra consistorium*, а *intra consistorii secreta veneranda*. Поэтому кажется вполне логичным, что нотариии должны были пользоваться доверием императора.

Отсюда проистекала другая функция нотариев: император часто использовал их как своих агентов, доверяя им различные, порой весьма деликатные поручения. Один из таких случаев (правда, не самый характерный) зафиксирован в кодексе Феодосия: в конституции CTh.1.3.1 383 г. говорится о доставке нотарииями секретных

императорских мандатов различным должностным лицам. Аналогичный пример встречается в кодексе Юстиниана в конституции CJ.1.50.2 427 г. – в инскрипции указано, что эта конституция доставлена префекту претория референдарием. Референдарии являлись специальной категорией нотарииев, которых использовали как императорских курьеров; сам этот термин является достаточно поздним и впервые встречается именно в этой конституции¹⁸.

Естественно, факты исполнения нотариями секретных миссий специально в законодательстве не фиксировались, однако подобных примеров достаточно много в нарративных источниках: пожалуй, одним из самых ярких является случай задействия нотариия при аресте и убийстве Цезаря Галла, соправителя и двоюродного брата императора Констанция, упоминаемый Аммианом Марцеллином¹⁹.

Следующий вопрос, о котором пойдет речь, – структура и организация школы нотарииев. Нотарии образовывали не ведомство (*officium*) и не канцелярию (*scrinium*), как другие императорские секретари, а школу – подразделение, созданное по военному образцу (отсюда возникла одна из версий о военном происхождении должности нотарииев). Выражение *schola notariorum* встречается в кодексе Феодосия только один раз – в конституции CTh.6.2.26 428 г., и это первое четко датированное упоминание школы нотарииев в латиноязычном источнике, однако появление самого учреждения принято относить к середине IV в. (в греческом тексте Созомена²⁰ она упоминается в связи с событиями, происходившими около 360 г.) или даже к более раннему периоду, времени правления Константина и Лициния.

Наиболее подробную информацию о структуре школы дают две конституции кодекса Феодосия: конституция CTh.6.10.2, изданная 29 марта 381 г.²¹, и следующая за ней CTh.6.10.3, изданная 13 декабря того же года²². Несмотря на то что между изданием обеих конституций прошло всего несколько месяцев, структура школы нотарииев изображается в них по-разному. Согласно конституции CTh.6.10.2 (более ранней), во главе школы стоял примикерий нотарииев (т. е. первый нотариий в списке); следующий по старшинству нотариий назван буквально «следующий за примикерием трибун и нотариий», и речь здесь, очевидно, идет о секундикерии нотарииев – т. е. о втором нотариии в списке (так он назван, например, в CTh.10.10.21 396 г.), далее следуют трибуны и нотариии, а замыкают список domestici и нотариии. Следует обратить внимание на тот факт, что эта конституция четко демонстрирует: не все императорские нотариии имели ранг трибунов (это необоснованное представление является весьма распространенным в литературе²³).

Конституция СTh.6.10.3, изданная (как уже говорилось) 8 месяцев спустя, рисует несколько другую картину: во главе схолы также стоит примикерий, однако далее следуют преторианские трибуны, затем – трибуны и нотариии, и далее – доместики. Основным различием между двумя конституциями является появление в последней из них преторианских трибунов. Существуют два возможных объяснения этих расхождений: можно предположить, что эта категория нотарииев появилась за те 8 месяцев, которые прошли между изданиями конституций, а можно объяснить эту нестыковку тем, что первая конституция была издана на Западе, а вторая – на Востоке, и соответственно организация схолы несколько различалась в разных частях империи²⁴.

В завершение следует отметить, что позже появится еще один вид нотарииев – уже упоминавшиеся референдарии, занимающиеся доставкой императорских мандатов и других посланий; впервые они упоминаются в 427 г.²⁵

Установив основные категории нотарииев, перейду к вопросу об должностном положении последних²⁶. Императорское законодательство является, пожалуй, самым информативным источником по рангам различных государственных служащих и должностных лиц, и нотариии тут не являются исключением. Титул СTh.6.10 «*De primicerio et notariis*» (о нотарииях и их примикерии) посвящен как раз регламентации их рангов. Наиболее ценную информацию содержат уже упоминавшиеся конституции СTh.6.10.2 и СTh.6.10.3 381 г. В конституции СTh.6.10.2. речь идет о том, какие ранги нотариии получают по окончании службы: примикерий нотарииев должен не только быть поставленным выше викариев, но и приравниваться к проконсулам (судя по формулировке, выше викариев он был поставлен еще раньше); то же самое касается секундикерия; трибуны и нотариии приравниваются к викарию, а доместики – к консулярам.

В следующей конституции СTh.6.10.3 речь идет уже не об экс-нотариях, а о нотарииях, находящихся на службе: примикерии нотарииев приравниваются к проконсулам, преторианские трибуны – к комитам Востока и Египта, трибуны и нотариии – к викариям, а доместики – к консулярам. Если перевести все это на систему *illustres-spectabiles-clarissimi*, то получится, что доместики получают ранг *clarissimi*, а все остальные нотариии – ранг *spectabiles*, и все они становятся сенаторами. В последней конституции титула СTh.6.10.4, изданной в 425 г., речь идет о статусе экс-примикерия нотарииев – сообщается, что он уже до этого получил ранг магистра оффиций (т. е. одного из так называемых придворных министров

с рангом *illustris*), к тому же он должен стоять выше тех, кто получил это ранг с помощью почетных указов, без реального занятия должности. Об очень высоком статусе примикерия, а также секундикерия нотариев свидетельствует также конституция CTh.10.10.21 396 г. – там их относят к высшим должностным лицам (*summae dignitates*) государства.

Высокий ранг нотариев, а также их статус дворцовых служащих давал им значительные льготы и привилегии, что, естественно, нашло отражение в законодательстве. Как и большинство придворных, нотариусы были освобождены от всех «грязных» повинностей²⁷, кроме того, примикерии нотариев, трибуны и нотариусы освобождались от поставки рекрутов²⁸, причем обе льготы сохранялись и по окончании службы. Далее, как уже говорилось, все нотариусы получили сенаторское достоинство не позднее 381 г., однако для них были сделаны существенные послабления в отношении выплаты сенаторского налога²⁹.

Кодекс Феодосия достаточно четко фиксирует высокий статус нотариев начиная с последней четверти IV в., однако, к сожалению, он не содержит информации об их положении в более ранний период. На этот вопрос в данный момент нет однозначного ответа³⁰, однако от этого момента прямо зависит оценка уровня возвышения их статуса и престижа в последующий период. Этот вопрос, а также вопрос о том, насколько повышение статуса нотариев повлияло на их изначальные функции секретарей-стенографов (и сохранились ли они в V в. вообще), требуют привлечения других источников и должны стать объектом дальнейшего исследования.

Примечания

¹ См., например: *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey: 3 vols. Oxford: Basil Blackwell, 1964; *Carney T.F.* Bureaucracy in Traditional Society: Romano-Byzantine Bureaucracies viewed from within. Lawrence (Kansas): Coronado Press, 1971; *Giardina A.* Aspetti della burocrazia nel Basso Impero. Roma: Edizioni dell'Ateneo & Bizzarri, 1977; *Delmaire R.* Les institutions du Bas-Empire Romain, de Constantin à Justinien. Vol. 1: Les institutions civiles palatines. Paris: Éditions du Cerf et Editions du CNRS, 1995; *Kelly Ch.* Emperors, Government and Bureacracy // Cambridge Ancient History. Vol. 13 / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 138–183.

² См., например: *Chastagnol A.* La préfecture urbaine a Rome sous le Bas-Empire. Paris: Presses universitaires de France, 1960; *Weiss P.B.* Consistorium und comites

consistoriani: Untersuchungen zur Hofbeamtschaft des 4. Jahrhunderts n. Chr. auf prosopographischer Grundlage. Würzburg: Habelt, 1975; *Clauss M.* Der magister officiorum in der Spätantike (4. – 6. Jahrhundert). München: Beck, 1980; *Bonfils G. de.* Il comest et quaestor nell'età della dinastia Costantiniana, Napoli: Jovene, 1981; *Porena P.* Le origini della prefettura del pretorio tardoantica. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2003.

- ³ Общие сведения о Кодексе Феодосия см., например: *Контев А.В.* Кодификация Феодосия и ее предпосылки // *Ius Antiquum – Древнее право.* 1996. № 1. С. 247–261; *The Theodosian Code / Ed. by J. Harries, I. Wood.* L.: Bristol Classical Press, 1993. В настоящей работе использовано издание: *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmodianis / Ed. Th. Mommsen, P.M. Meyer.* Berlin, 1901. Bd. 2. S. 27–906 (при ссылках – СTh). В СTh. вошли не все конституции 312–438 гг., ряд из них отразилась в Кодексе Юстиниана. См.: *Corpus Iuris Civilis. / Rec. P. Krueger.* Vol. 2: *Codex Iustianianus.* Berolini, 1906 (при ссылках – CJ.).
- ⁴ СTh. 6.35.7 (a.367, Valent./Valens), СTh. 6.10.1 (a.380, Grat./Valent./Theod.), СTh. 6.10.2 (a.381, Grat./Valent./Theod.), СTh. 6.10.3 (a.381, Grat./Valent./Theod.), СTh. 11.16.15 (a.382, Grat./Valent./Theod.), СTh. 1.3.1 (a.383, Grat./Valent./Theod.), СTh. 10.10.21 (a.396, Arcad./Honor.), СTh. 1.10.7 (a.401, Arcad./Honor.), СTh. 11.18.1 (a.409 [412?], Honor./Theod.), СTh. 6.10.4 (a.425, Theod./Valent.), СTh. 6.2.25 (a.426, Theod./Valent.), СTh. 6.2.26 (a.428, Theod./Valent.).
- ⁵ СTh. 6.35.7 (a.367, Valent./Valens).
- ⁶ СTh. 6.10.1 (a.380, Grat./Valent./Theod.).
- ⁷ См., например: *Plin. Ep.* IX.36.2. III.5.15; *Quintilian. Inst.* VII.2.24.
- ⁸ См., например: *CJ. 7.7.1* (a.530, Justinianus), *CJ. 6.43.3* (a.531, Justinianus).
- ⁹ *Lact. De mort.* 46.5.
- ¹⁰ *Suid. v. Αὐξέντιος.*
- ¹¹ О времени появления императорских нотариев см.: *Jones A.H.M.* Op. cit. Vol. 1. P. 103; *Millar F.* The Emperor in the Roman World. L.: Duckworth, 1977. P. 107–108; *Teitler H.C.* Notarii and excoptores: An Inquiry into Role and Significance of Shorthand Writers and the Imperial and Ecclesiastical Bureaucracy of the Roman Empire (from the Early Principate to c. 450 AD). Amsterdam: J.C. Gieben Publisher, 1985. P. 54–56.
- ¹² *Babut E.Ch.* Recherches sur la garde imperiale et sur le corps d'officiers de l'armée Romaine aux IVe et Ve siècles // *Revue Historique.* 1914. № 116. P. 255–262.
- ¹³ *Stein E.* Geschichte des spätrömischen Reiches. Bd. 1. Wien, 1928. S. 56; *Legnle J.* Tribunus militum // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.* Bd. 6A. 1937. Col. 2447; *Sinnigen W.* Two Branches of the Late Roman Secret Service // *American Journal of Philology.* 1959. Vol. 80. № 3. P. 240–241; *Teitler H.C.* Op. cit. P. 38–53.
- ¹⁴ *Sinnigen W.* Op. cit. P. 240–241.
- ¹⁵ *Teitler H.C.* Op. cit. P. 38–53; *Delmaire R.* Op. cit. P. 48–49.
- ¹⁶ СTh. 6.35.7 (a.367, Valent./Valens), СTh. 6.10.2 (a.381, Grat./Valent./Theod.).

- ¹⁷ CTh. 6.2.25 (a.426, Theod./Valent.).
- ¹⁸ Подробнее о референдариях см.: *Jones A.H.M.* Op. cit. Vol. 2. P. 575; *Teitler H.C.* Op. cit. P. 63–64; *Delmaire R.* Op. cit. P. 55–56.
- ¹⁹ Amm.14.11.21–23.
- ²⁰ Sozomen, HE 4.10.11.
- ²¹ CTh. 6.10.2 (a.381, Grat./Valent./Theod.): “Idem aaa. ad Valerianum praefectum urbi. Notariorum primicerios, si, prout eorum voluntas fuerit, de consistorio nostro sine administratione discesserint, non solum vicariis anteponi, sed etiam proconsulibus aequari sancimus, ita ut nihil nisi tempus intersit. Eodem honore atque eodem ordine sequens primicerium tribunus ac notarius perfruetur. Alios porro notarios et tribunos vicariis iubemus aequari ac, si priores id vocari coeperint, anteferri. At vero domesticos et notarios consularibus simili ratione componimus. Et cetera. Dat. IIII kal. april., acc. XII kal. maii Syagrio et Eucherio viris clarissimis cons”.
²² CTh. 6.10.3 (a.381, Grat./Valent./Theod.): “Idem aaa. Floro praefecto praetorio. Notariorum primicerium in numero proconsulum habemus, tamquam comitis ei semper fascas cum curulibus dederimus. Praetorianos non longe ab hoc abducimus, ut qui ad tribunatum nominis huius accesserint, orientis sive aegypti comitivae videantur infulas consecuti. Tribunos residui nominis nemo dubitet vicariis exaequandos et praeferos his, quos adepti honoris praecesserint; reliquos vero, quos domesticum inter notarios et familiares nobis nomen insinuat, parem gradum cum consularibus obtinere sancimus. Et cetera. Dat. id. dec. Constantinopoli Syagrio et Eucherio cons”.
- ²³ См., например: *Millar F.* Op. cit. P. 107–108; *Demandt A.* Geschichte der Spätantike: Das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München: Beck, 1998. S. 209.
- ²⁴ Первая версия выдвинута Х. Тайтлером (*Teitler H.C.* Op. cit. P. 61), вторая – Р. Дельмером (*Delmaire R.* Op. cit. P. 49). Замечание Р. Дельмера о том, что конституции были изданы в разных частях империи, безусловно, справедливо, однако, на мой взгляд, оно не доказывает, что это расхождение объясняется именно местом издания, а не временем. Поэтому на данный момент сделать выбор в пользу одной из этих версий не представляется возможным (ситуация усложняется тем, что нотариусы в ранге преторианских трибунов упоминаются в источниках крайне редко).
- ²⁵ CJ. 1.50.2 (a.427, Theod./Valent.).
- ²⁶ Прежде чем говорить о рангах императорских нотариусов, стоит сделать небольшое замечание о системе рангов в Поздней Римской империи вообще. Сенаторы были разделены на три ранга: наивысший ранг был у *virii illustres* (этим рангом обладали, например, префекты претория, высшие военачальники и так называемые придворные министры), далее следовали *virii spectabiles* (например, проконсулы и викарии) и замыкали список *virii clarissimi* (к примеру, наместники провинций). Титул *vir clarissimus* имели все сенаторы, и он передавался по наследству; титулы *virii spectabiles* и *virii illustres* давались вместе с определенными

должностями и по наследству не передавались. Подробнее см.: *Jones A.H.M.* Op. cit. Vol. 2. P. 528–529.

²⁷ CTh. 11.16.15 (a.382, Grat./Valent./Theod.). К «грязным» повинностям относились выпечка хлеба для войск, постой, обжиг извести, ремонт мостов и дорог и некоторые другие, см.: *Jones A.H.M.* Op. cit. Vol. 1. P. 452.

²⁸ CTh. 11.18.1 (a.409 [412?], Honor./Theod.).

²⁹ CTh. 6.2.26 (a.428, Theod./Valent.).

³⁰ Некоторые исследователи, опираясь на свидетельство Либания, утверждают, что в начале IV в. нотарии были людьми очень низкого происхождения (см.: *Jones A.H.M.* Op. cit. Vol. 2. P. 572; *Demandt A.* Op. cit. S. 209), другие оспаривают это, считая Либания весьма предвзятым в данном вопросе (см.: *Millar F.* Op. cit. P. 107–108; *Teitler H.C.* Op. cit. P. 64–68).

Расселение варваров в Римской империи

В статье исследуются способы и методы интеграции пришлых племен в Римской империи. Анализ источников показывает, что многовековую практику подчинения и включения варваров в рамки римской законности в IV–V вв. полностью осуществлять уже не удавалось. В силу масштабов натиска варваров и ослабления государства Рим был вынужден оставлять части переселенцев значительную долю самостоятельности на собственной территории, что губительно сказалось на его дальнейшей истории.

Ключевые слова: Римская империя, варвары, федераты, трибутарии, дедитиции, территория.

В последние века существования Римской империи она испытывала все усиливавшееся давление внешних народов, с которым на первых порах достаточно успешно справлялась, продолжая давно привычную политику, так или иначе интегрируя пришельцев и приспособлявая их к своим нуждам.

В IV–V вв. натиск варваров был уже столь велик, что государство вынуждено было разрешать некоторым переселенцам сохранять их социальную структуру, систему управления, обычаи, оставляя этим племенам значительную долю самостоятельности на собственной территории. Таковы были федераты. Но все же большую часть новых жителей, главным образом, когда удавалось их покорить, Рим стремился включить в обычные законные рамки, как успешно делал это на протяжении многих веков.

Практика обращения в *dediticii*, т. е. замирения племен на самых тяжелых условиях, когда они не только не получали никаких элементов римского гражданства, но формально теряли и свое, продолжалась и во времена империи, но теперь она осуществлялась

в отношении варваров, которых принуждали переселиться на территорию римских провинций. Октавиан Август «...подчинившихся ему (*dedentis se*) свевов и сигамбров перевел в Галлию и поселил на полях близ Рейна» (*Suet. Caes. II. 21*). Возможно, об этом же факте, имевшем место во время войны с германцами, сообщается в биографии Тиберия: «Он захватил сорок тысяч пленных (*dediticiorum*), переселил их в Галлию и отвел им землю возле берега Рейна» (*Suet. Caes. III. 9. 2*). Эту информацию подтверждает Евтропий (*Eutrop. VII 9*)¹. Вероятно, и впоследствии римские правители использовали пленных из варварских племен теми же способами (*Dio LXXI. 11. 4; 21. 1; SHA. Marc. IV. 24. 3; Claud. XXV. 9. 4; Prob. XXVIII. 18. 1–2*). Широкие масштабы данное явление приобрело после Марка Аврелия².

По-видимому, главным занятием дедитициев, как во времена ранней Римской империи, так и поздней, была обработка земли, организуемая либо самим государством, либо через посредство землевладельцев. Они сохраняли свободу, но находились в очень зависимом положении³.

В IV в. императоры и цезари неоднократно селили в различных провинциях побежденных сарматов, аламаннов, тайфалов, готов в качестве трибутариев. Юлиан многих «сделал трибутариями и наследственными арендаторами (*tributarios ipse fecit et vectigales*)» (*Amm. Marc. XX. 4. 1*)⁴. По воле Феодосия аламанны, «получив плодородные земли, живут отныне вокруг Пада как трибутари (ubi *fertilibus pagis acceptis iam tributarii circumcolunt Padum*)» (*Amm. Marc. XXVIII. 5. 15*)⁵. Сарматы-лимиганты «клятвенно обещали [платить] ежегодный трибут (*tributum annuum*)» (*Amm. Marc. XVII. 13. 3*)⁶ и обещали «принять на себя тягостные обязанности и название трибутариев (*tributariorum onera subirent et nomen*)» (*Amm. Marc. XIX. 11. 6*)⁷. План их поселения вписывался в традицию поселения варваров в империи, сложившуюся со времен Марка Аврелия⁸. Видимо, названные варвары попадали в привычное для многих жителей империи положение, так как Аммиан Марцеллин, с торжеством описывая покорение Юлианом аламаннских вождей, противопоставляет их прежнюю свободу жизни в империи: «Так эти цари, когда-то чрезвычайно надменные и приученные обогащаться грабежами наших, подставили уже усмиренные шеи под ярмо римской силы и, словно рожденные и воспитанные среди трибутариев, охотно повиновались властям (*velut inter tributarios nati et educati obsecundabant imperiis ingravate*)» (*Amm. Marc. XVII. 10. 10*)⁹.

Данная форма использования варваров внутри государства была, вероятно, достаточно широко распространена.

Прежде всего, следует отметить их подчиненность римским законам. В отличие от федератов, трибутары и тем более дедиции вынуждены были отказываться от собственных традиций и повиноваться римским нормам. Во всех известных случаях новые поселенцы-трибутары становились земледельцами. По всей вероятности, им предоставлялись незанятые земли (Pan. Lat. VIII (V). 21. 1).

Судя по сведениям нарративных источников, сельских поселений различных варварских народов на территории Римской империи в IV в. становилось все больше, но все попытки идентифицировать их археологически пока не увенчались успехом, по-видимому, в том числе и потому, что «они были интегрированы в римское крестьянское общество»¹⁰. Стандартной практикой было деление поселенцев на малые группы, что минимизировало риск нарушения безопасности¹¹.

Варвары, попадая в зависимость от государства, должны были беспрекословно подчиняться римским законам, исправно производить сельскохозяйственную продукцию и платить налоги, прежде всего поземельный, а также пополнять новобранцами римскую армию. Такие способы использования пришельцев издавна были известны римлянам, в поздней Римской империи продолжалась многовековая практика.

Условия поселения федератов на римской земле поначалу, вероятно, не отличались или почти не отличались от условий размещения вышеназванных категорий варваров. Так, франки, возможно, первыми добились права поселиться компактно в разоренных районах Токсандрии на северо-западе Галлии, но их автономия не была признана¹².

Гуннское нашествие серьезно осложнило отношения Рима с готами. В 376 г. «бесчисленные толпы варваров» хлынули через Дунай (*Amm. Marc.* XXXI. 4. 4–7). Римское правительство не осознавало изменившихся масштабов наплыва варваров на территорию империи и намеревалось продолжать давно сложившуюся практику предоставления им провианта и земли для обработки (*Amm. Marc.* XXXI. 4. 8; *Eunap.* Fr. 45. 3)¹³. Тем более и сами тервинги не претендовали пока ни на что другое (*Jord. Get.* 131). События 376 г., видимо, не были оформлены юридически (*Oros.* VII. 33. 10).

Но недостаток ресурсов и халатность должностных лиц не позволили Риму осуществлять привычную политику по отношению к варварам и обеспечить их хотя бы провиантом, что вызвало грандиозное восстание готов и присоединившихся к ним племен и жестокое поражение римлян в битве при Адрианополе в 378 г. (*Amm.*

Marc. XXXI. 5–8; 13). Положение империи стало угрожающим: военных сил, способных справиться с вооруженными массами, оказавшимися на ее территории, не было. Римляне вынуждены были действовать дипломатическим путем.

В 380 г. император Грациан сумел договориться с коалицией гревтунгов, аланов и гуннов (*Jord. Get.* 141). Они были поселены в Паннонии II и, возможно, Савии и Валерии¹⁴. Более про этот договор ничего неизвестно, поэтому мнения ученых разошлись: кто-то сомневается, было ли в нем нечто новое¹⁵, а кто-то считает его прецедентом для союза 382 г.¹⁶

В 382 г. с тервингами был заключен союз нового типа. «*Universa genus Gothorum cum rege suo in Romaniam se tradiderunt*» (*Consul. Const.* 243; *Oros.* VII. 34. 7; *Jord. Get.* 145; *Marc. Com.* а. 382. 2). Император Феодосий был вынужден разрешить им сохранить «их политическую и социоэкономическую идентичность внутри римского государственного устройства»¹⁷. Впервые официально была признана определенная степень независимости племен, поселенных на территории Рима, ставших подданными империи, но оставшимися иностранцами по отношению к ней. Это соглашение, впоследствии многократно повторявшееся, открыло путь организации неримских структур на римской почве¹⁸.

Мера эта была вызвана ситуацией, сложившейся в Римской империи, к которой вполне применимы слова Прокопия Кесарийского, сказанные о более позднем периоде: «И насколько за это время военное положение варваров окрепло и пришло в цветущее положение, настолько значение римских военных сил пало, и под благопристойным именем союза они испытывали на себе жесткую тиранию со стороны этих пришлых народов» (*Proc. V. Goth. I.* 1. 4). По-видимому, признание известной самостоятельности готов обуславливалось невозможностью разложения устойчивых военных групп, сложившихся в ходе восстания 376–382 гг., и взаимоотношениями с Западом во время узурпации Максима¹⁹.

С 382 г. некоторым племенам разрешали селиться на правах федератов, главным образом, в пограничных районах, где они должны были защищать провинции от вторжений других варваров²⁰, но были и такие исключения, как предоставление земель в Аквитании и Савойе.

Что касается территорий, отведенных федератам для поселения по договору 382 г. и подобных ему, их статус остается дискуссионным, так как содержание соглашения неизвестно. Одни исследователи сомневаются, были ли они освобождены от римских налогов²¹, другие достаточно уверенно констатируют, что федераты получили

свободную от налогообложения территорию, но не в собственность; территория оставалась под римским суверенитетом, но союзники считались автономными²². В подтверждение сомнений можно сослаться на пакт 435 г., по которому Равенна признала вандалов и аланов федератами²³ и закрепила за ними захваченные ими области в Северной Африке, но Гизерих «заключил мирный договор с василевсом Валентинианом на том условии, что каждый год будет посылать василевсу дань с Ливии» (*Proc. V. V. I. 4. 13*). Под данью, видимо, имеется в виду поземельный налог. Вместе с тем имеются сведения о событиях самого конца III в., когда император Диоклециан переселил племя новатов из Нубии в пограничные области Египта, полагая, что «владея данной им землей как собственной (γῆς τῆς σφίσι δίδομένης μεταλοιοῦμένων, ἅτε οἰκείας οὐσῆς), как того следует ожидать, [они] будут отражать блеммиев и других варваров» (*Proc. V. Pers. I. 19. 30*). Данное выражение Прокопия позволяет высказать гипотезу о передаче земли в собственность (может быть, потому, что защитить ее было невозможно²⁴), но далеко не с полной уверенностью. Э.А. Томпсон пишет, что в 418 г. поселение готов в Аквитании и в 443 г. бургундов в Савоие производилось по принципу *hospitalitas*, то есть варвар *hospes* получал две трети пахотной земли, принадлежавшей римлянину, а также половину пастбищ и лесов²⁵. Земли готских *hospites*, судя по всему, не облагались налогами²⁶. Что касается бургундских *hospites*, то здесь картина не совсем ясна²⁷, вероятно, они налоги платили²⁸. Таким образом, до конца разобраться в экономическом положении территорий, отведенных федератам, пока не представляется возможным.

Сохранилась конституция Гонория и Феодосия II 420 г., обращенная к префекту претория, посредством которой они пытаются оградить владельцев кораблей и купцов от незаконных поборов в пользу варварских племен (*ne merces illicitae ad nationes barbaras deferantur*). Следить за этим должны были дефенсор, протектор провинции или представитель главнокомандующего, чьи войска были расквартированы в ней, т. е. римская администрация соответствующей области (C.Th. VII. 16. 3). Такое постановление единично и интерпретировать его можно только предположительно: видимо, в данном случае имеются в виду федераты, которым выделена территория в пределах Римской империи. Взаимоотношения римских властей, вождей федератов и местного населения в таких районах мало изучены в связи с недостатком источников, освещающих эту сложную проблему. Общепринято положение о том, что федераты жили по своим собственным законам²⁹; в отношении же коренных жителей продолжала действовать римская юрисдикция³⁰, но как

реально разграничивались эти сферы, или разрешались конфликты, если они возникали, неизвестно. Возможно, исследуемый документ в какой-то степени дает представление о том, какие конкретно иногда складывались ситуации.

Выделение земель варварам на территории Римской империи – чрезвычайно важный фактор, сыгравший огромную роль в ее истории. Но, как представляется, не само по себе поселение пришлых народов имело негативные последствия для Рима. Гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что с конца IV в. они получили возможность сохранять свою племенную обособленность, собственную внутреннюю организацию и управление³¹. Опасные последствия такого положения понимали, по крайней мере, некоторые современники описываемых событий, порицая императора Феодосия за нововведения: «Он возвысил просителей, сделал их союзниками, удостоил гражданства, наделил этих убийц римской землей... С этого времени и до настоящего дня они не перестают осмеивать нас, зная, что они должны были от нас получить и что получили... Ибо теперь дело идет... о полностью вооруженных... кровожадных ордах, допущенных к нашему несчастью в империю, имеющих своих вождей, которым дарованы высочайшие должности... Итак, нужен гнев против этих людей. Пусть или в зависимом состоянии обрабатывают землю... или пусть бегут тем же путем, каким пришли» (*Synes. De regno. 20–21*).

Принятые сокращения

ВВ – Византийский временник.

СВ – Средние века.

Amm. Marc. – Amm. Marc. – *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. Vol. 1–2. Leipzig, 1978. Перевод по изд.: *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб.: Алетей, 1996 (с поправками автора статьи).

Consul. Const. – *Consularia Constantinopolitana* // *Monumenta Germaniae Historica. Auct. Antiquiss. T. IX. Chronica Minora. Saec. IV–VII. Vol. 1. B.*, 1892.

СTh. – *Codex Theodosianus* // *Theodosiani libri XVI* / Ed. Th. Mommsen et P. M. Meyer. Vol. 1–2. B., 1905.

Dio – *Dio's Roman History: In 9 vols* / With an engl. transl. by E. Cary. L.; N.Y.: Harvard Univ. Press, 1914–1927.

Eunap. – *Eunapius. Text and Translation* // *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympi-*

- odorus, Priscus and Malchus / Ed. and transl. R.C. Blockley. Vol. 2. Liverpool, 1983. Перевод С.Ю. Дестуниса по изд.: Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань: Александрия, 2003.
- Eutrop. – *Eutropius. Breviarium ab urbe condita* / Rec. C. Santini. Leipzig: Teubner, 1979.
- Jord. Get. – *Jordanes. De origine actibusque Getarum* // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 1997.
- Marc. Com. – *Marcellinus Comes. Chronicon* // Monumenta Germaniae historica. Auct. Antiquiss. T. 11: Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 2. B., 1894.
- Oros. – *Orosius Paulus. Historiarum adversum paganos libri VII* / Rec. C. Zangemeister. Lips., 1889. Перевод по изд.: Павел Орозий. История против язычников. Кн. 1–7 / Пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб.: Алетейя, 2001–2003.
- Pan. Lat. – XII Panegyri Latini / Ed. W. Bährens. Lipsiae, 1911.
- Proc. – Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Havry, G. Wirth. Vol. 1–3. Lips. 1962–1963. Переводы по изд.: Прокотий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева; вступ. ст. З.В. Удальцовой. М., 1950; Прокотий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст. и коммент. А.А. Чекаловой. М.: Наука, 1993.
- SHA – Scriptores Historiae Augustae / Ed. by E. Hohl. Vol. 1–2. Leipzig: Teubner, 1971.
- Suet. Caes. – C. Suetoni Tranquilli De vita Caesarum libri VIII // Id. Opera / Ex rec. M. Ihm. Vol. 1. Lips., 1907. Перевод по изд.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. М.: Правда, 1988.
- Synes. De regno. – Synesii Cyrenensis De regno ad Arcadium imperatorem // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 66. P., 1864. Перевод по изд.: Синезий. О царстве / Пер. и предисл. М.В. Левченко // ВВ. 1953. Т. 6. С. 337–356.

Примечания

- ¹ Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб.: Алетейя, 2001. С. 147.
- ² Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С. 29, 106; Rémondon R. La Crise de L'Empire Romain de Marc-

- Aurèle à Anastase. P.: Presses Universitaires de France, 1964. P. 282; *Stallknecht B.* Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike (306–395 n° Chr.). Bonn, 1967. S. 22; *Wirth G.* Zur Frage der föederierten Staaten in der späteren römischen Kaiserzeit // *Historia*. 1967. Bd. 16. H. 2. S. 234; *Southern P., Dixon K.R.* The Late Roman Army. New Haven: Yale University Press, 1996. P. 47; *Todd M.* The Northern Barbarians, 100 BC–AD 30. N.Y.: Blackwell, 1987. P. 21.
- ³ *Ермолова И.Е.* Dediticii в поздней Римской империи // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI. СПб.: Наука, 2012. С. 250.
- ⁴ В переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни: «которых он теперь сделал данниками Рима».
- ⁵ Там же: «живут теперь, как податное население».
- ⁶ Там же: «...ежегодную дань».
- ⁷ Там же: «...нести податные тяготы и стать данниками».
- ⁸ *Stallknecht B.* Op. cit. S. 24.
- ⁹ В переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни: «...словно родились и выросли среди платящих подати, беспрекословно подчинялись приказаниям». Таким образом, переводчики трактуют трибутариев то как данников, то как налогоплательщиков, что не одно и то же.
- ¹⁰ *Whittaker C.R., Garnsey P.* Rural Life in the Later Roman Empire // *The Cambridge Ancient History*. Vol. 13. The Late Empire, A. D. 337–425. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 280; *Глушанин Е.П.* Этнический состав ранневизантийской армии IV в. (варварский вопрос) // *Античная древность и средние века*. Вып. 22. Свердловск, 1985. С. 38.
- ¹¹ *Heather P.J.* The Anti-Scythian Tirade of Synesius' "De Regno" // *Phoenix*. 1988. V. 42. № 2. P. 161; *Idem.* The Huns and the End of the Roman Empire in Western Europe // *English Historical Review*. 1995. V. 110. P. 19.
- ¹² *Todd M.* Op. cit. P. 19; *Whittaker C.R.* *Frontiers of the Roman Empire*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1994. P. 133.
- ¹³ *Stallknecht B.* Op. cit. S. 24–26.
- ¹⁴ *Вольфрам Х.* Готы: От истоков до середины VI века. СПб.: Ювента, 2003. С. 190.
- ¹⁵ *Liebeschuetz J.H.W.G.* *Barbarians and Bishops: Army, Church, and the State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 27.
- ¹⁶ *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 191.
- ¹⁷ *Wolfram H.* The Shaping of the Early Medieval Kingdom // *Viator*. 1970. V. 1. P. 11.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 18; *Liebeschuetz J.H.W.G.* Op. cit. P. 28, 35; *Whittaker C.R.* Op. cit. P. 189; *Stallknecht B.* Op. cit. S. 27, 30.
- ¹⁹ *Глушанин Е.П.* Указ. соч. С. 41.
- ²⁰ *Thompson E.A.* The Settlement of the Barbarians in Southern Gaul // *The Journal of Roman Studies*. 1956. V. 46. P. 69; *Корсунский А.П.* Об условиях поселения вестготов в Южной Галлии и Испании // *СВ*. Вып. 25. 1964. С. 22; *Wolfram H.* The Goths in Aquitaine // *German Studies Review*. 1979. V. 2. № 2. P. 154; *Chrysos E.* Legal Concepts and Patterns for the Barbarians' Settlement on Roman Soil // *Das*

Reich und die Barbaren / Hrsg. von E.K. Chrysos und A. Schwarcz. Wien, Köln: Böhlau, 1989. S. 17; *Burns V.* The Visigothic Settlement in Aquitania: Imperial Motives // *Historia*. 1992. Bd. 41. H. 3. S. 362.

²¹ *Whittaker C.R.* Op. cit. P. 189.

²² *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 191.

²³ *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire: a Social, Economic and Administrative Survey. Oxford: Basil Blackwell, 1964. Vol. 1. P. 249–250; *Буданова В.П.* Указ. соч. С. 68.

²⁴ *Rémondon R.* Op. cit. P. 284.

²⁵ *Thompson E.A.* Op. cit. P. 66

²⁶ *Wolfram H.* The Goths in Aquitaine... P. 156; *Грацианский Н.П.* О разделах земель у бургундов и у вестготов // Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 319.

²⁷ *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары: Падение Западной империи. СПб.: Ювента, 2003. С. 25, 27.

²⁸ *Грацианский Н.П.* Указ. соч. С. 310.

²⁹ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М.: Научное слово, 1907. С. 170; *Jones A.H.M.* A History of Rome through the Fifth Century. Vol. 1–2. N.Y.: Harper & Row, 1968. P. 174; *Piganiol A.* L'Empire chrétien (325–395). P.: Presses Universitaires de France, 1972. P. 364; *Thompson E.A.* Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1982. P. 52; *Shahîd I.* Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington, DC: Dumbarton Oaks, 1984. P. 508; *Tomlin R.* The Army of the Late Empire // The Roman World / Ed. by J. Wacher. L.: Routledge, 1987. Vol. 1. P. 115; *Southern P., Dixon K.R.* Op. cit. P. 51.

³⁰ *Корсунский А.Р.* Вестготы и Римская империя в конце IV – начале V века // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1965. № 3. С. 90; *Rémondon R.* Op. cit. P. 191.

³¹ *Буданова В.П.* Указ. соч. С. 65, 108; *Кулаковский Ю.А.* Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи: Эпиграфическое исследование. Киев: Унив. тип. (И. Завадзкого), 1881. С. 278–279.

Политические противоречия
внутри галло-римской элиты V в. н. э.
в свете позднеантичных источников

В данной статье рассматривается ситуация, связанная с колебаниями политических настроений галло-римской аристократии V в. н. э. в условиях кризиса государственности Западной Римской империи. Анализ основного источника (Книга I, письмо 7 Сидония Аполлинария) демонстрирует, что в условиях полномасштабного кризиса V в. н. э. ослабление центральной власти приводит не только к усилению региональной галло-римской элиты, но и к очевидному поиску новых политических ориентиров. На основании анализа выдвинутого против Арванда обвинения автором выдвигается гипотеза о наличии противоречий внутри галло-римской элиты, обусловленных как традиционным тяготением к власти императора, так и появлением первых варварских королевств.

Ключевые слова: Западная Римская империя, Римская Галлия, галло-римская элита, вестготы, бургунды, Арванд.

V век н. э. заслуженно обозначается как «переломная эпоха», «век трансформаций» и пр. Именно в течение данного столетия в истории произошли настолько колоссальные изменения, что их результатом стали полноценное обновление всех сфер человеческой деятельности и грандиозная смена мировосприятия и историко-культурной парадигмы с «угасшей» античной на новую средневековую.

На протяжении пяти веков Римская империя, одна из могущественнейших империй в истории человечества, оставалась зримым символом торжества античной культуры. За время своего существования ей удалось объединить все региональные культуры Средиземного моря, вобрать в себя лучшее и подняться на еще более высокий уровень¹. Однако уже начиная с III в. н. э. она испытывает

серьезные кризисные явления, усиливающиеся год от года; в частности проблемы в области внутренней политики и государственного управления. Чехарда «солдатских императоров», сепаратизм отдельных регионов, гонения на христиан и пр. – все это могло привести к еще более раннему концу Римской империи, если бы не своевременные реформы императоров Диоклетиана и Константина I Великого. Благодаря их усилиям Римская империя получила отсрочку еще на 100 лет. Однако уже в 395 г. император Феодосий поделил государство на Западную и Восточную части для своих сыновей, что наглядно демонстрирует признаки неуклонного угасания некогда единой империи².

Между тем проблемы никогда не прекращались и конец IV в. – начало V в. н. э. были отмечены появлением мощного внешнеполитического фактора – Великого переселения народов, т. е. массовых этнических миграций на территории Римской империи. Так, уже в 405 г. разношерстная коалиция германских племен под командованием Радагайса вторгается в Северную Италию³, а в 410 г. вестготы короля Алариха I осаждают Вечный Город⁴. Западная пограничная защитная линия – лимес – уже не в состоянии сдерживать усиливающийся натиск варварских племен, которые обрушиваются на северо-западные границы империи. И хотя административный центр Западной Римской империи был расположен в италийском городе Равенна, первой добычей варваров становится не Аппенинский п-ов, а регион Римской Галлии.

Для того чтобы понять всю важность этого региона, следует обратиться к сложившемуся после реформ императора Диоклетиана новому административному делению. Согласно ему, фактически весь Запад (кроме, разумеется, Италии) объединялся в рамках одной префектуры претория. В нее входили: Галлия, Британия, Испания и небольшая часть Северной Африки⁵. Само название этой префектуры – *Galliarum*⁶ – уже указывало на тот регион, в котором находился политический центр этой префектуры. С 410 г. н. э. центр галльской префектуры претория был перенесен из Трира в Арелат (совр. Арль), который состоял в административном подчинении Виенны⁷. Показательным примером, косвенно подтверждающим это, является то, что вместо оригинального названия *Diocesis Viennensis*, общеупотребительным становится название *Diocesis Septem Provinciarum*, что, возможно, указывает на утрату Виенной своего статуса реального центра. При этом на положение Арелата как центра указывает и нахождение в них финансовых структур Западной Римской империи: *ratinales summarum, praepositi thesaurorum, procuratores monetarum* и пр.⁸

Согласно *Notitia Dignitatum* в административном плане ситуация выглядела следующим образом. После императора высшую административную власть представлял собой галльский префект претория из числа *vires illistres*⁹. Ему подчинялись три викария: *Hispaniarum*, *Britannum* и *Septem Provinciarum*¹⁰. Интересно, что официально каждый диоцез должен был возглавляться своим викарием. Однако в отношении Римской Галлии можно отметить наличие только одного викария Семи Провинций. И более того – в его подчинении находились и все прочие провинции Римской Галлии. Таким образом, викарию подчинялись 6 консуляров и 10 президов. Разумеется, при каждой из этих административных должностей существовал собственный унифицированный бюрократический аппарат.

В военном отношении ситуация была более пестрой. С одной стороны, существовал *magister peditum*, которому, в отношении Галлии, подчинялись комит *Tractus Argentoratensis*, два дукса провинций (*Belgica secundae*, *Germania prima*) и один дукс *Mongotiacensis*. В то же время войсками, как конными, так и пешими, в Галлии реально командует *magister equitum per Gallias*. Кроме того, в *Notitia Dignitatum* указываются два дукса – *tractus Armoricani* и *Sequanic*, которые вообще не обозначены наличием какой-либо вышестоящей инстанции¹¹.

Таким образом, можно отметить, что в административном и военном положении Галлии было уделено достаточно внимания. При этом в глаза бросается ряд нестыковок, которые вызывают вопросы. Возможно, именно эти вопросы и являются отражением реальной ситуации, которая складывалась в условиях абсолютной незащитности Галлии перед лицом германских вторжений. Так, власть одного викария над двумя галльскими диоцезами можно объяснить первоначальным расположением префекта претория в Трире, который был центром галльского диоцеза. Однако, после прорыва германцами лимеса, Трир стал объектом для постоянных захватов и горел не менее трех раз. Возможно, это стало причиной не только переноса центра префектуры в Арелат, но и того, что, по сути, территории северной и северо-восточной Галлии оказались попросту без управляющего, и к тому же еще и местом оседания варварских племен. И, вероятно, к моменту составления *Notitia Dignitatum* уже было решено отдать викарию Семи Провинций административную власть и над этим регионом, что, по сути, делало его хозяином сразу двух диоцезов.

Таким образом, можно полагать, что после реформ Диоклетиана и Константина Галлия представляла собой не только сложную,

с административной точки зрения, но и важную область, потребовавшую наличия столь сложной системы. Расположение в ней центра префектуры претория говорит о ее высоком политическом положении. Поэтому неудивительно, что Сидоний Аполлинарий, обращаясь в панегирике к галло-римскому магнату Эпархию Авиту, ставшему императором, заявляет:

Не знаю иного Траяна, кроме того, которого он бы поставил наряду с собой; разве что ты, Галлия, снова по случайности не преподнесла бы такого, какого бы он превзошел¹².

Ввиду этого представляется крайне актуальным для современной исторической науки изучение данного региона и истории его бытования в последние годы Западной Римской империи.

Таким образом, с одной стороны, имеется отчетливое свидетельство важности (если выразиться современным языком) «геополитического» положения Римской Галлии. Однако в течение первой половины V в. н. э. Галлия становится не только плацдармом для вторжения в иные регионы, но и сама активно заселяется пришлыми варварами. Так, в 418 г. н. э. патрицию Констанцию (будущему императору Констанцию III) удается вновь навязать политическую волю Равенны вестготам и переселить их в южную Галлию, в пределах Второй Аквитанской провинции. Через почти 20 с лишним лет схожая ситуация повторяется с германским племенем бургундов, правда, вызванная иными обстоятельствами, а именно – тотальным разгромом бургундов войском гуннов под предводительством римского полководца Аэция. Итогом стало переселение бургундов в район современного Женевского озера. Обстоятельства данных действий римлян рассматриваются в монографии Э.А. Томпсона, где им дается вполне справедливый *raison d'être* – в стремлении «локализовать» народные выступления багаудов, а также создать естественные «кордоны» на пути из Галлии в Испанию и Италию¹³. В контексте данной работы очень важен данный факт планомерного расселения варварских племен, так как, вне всяких сомнений, этот процесс породил ситуацию вынужденного сосуществования с местным романализованным населением, а следовательно, являлся источником постоянного напряжения между ними. Ситуация получает свое дальнейшее развитие уже со 2-й половины V в., когда власть равенских императоров над Римской Галлией еще больше ослабевает, в то время как на территориях, занятых варварами, складываются устойчивые «ядра» будущих королевств, а сами варвары предпринимают активные действия по расширению их изначальных границ.

Итак, с точки зрения сложившейся ситуации Римская Галлия находится в интересном положении. С одной стороны – она все еще важный политический центр Западной Римской империи, а с другой – испытывает колоссальное напряжение, связанное с расселением варварских племен, в первую очередь вестготов и бургундов, на своей территории.

Для исследователя важно учитывать, что в таких условиях происходит выдвигание на авансцену иных сил, нежели правительство или администрация. Так и в Римской Галлии вполне закономерным представляется процесс усиления местной аристократии. Здесь самым информативным источником выступает эпистолярное наследие уже упоминавшегося выше галло-римского аристократа Сидония Аполлинария.

Деятельность Сидония и его письма, написанные разным представителям галло-римской аристократии, наглядно демонстрируют процесс усиления данной региональной элиты. Важной вехой здесь является активное вхождение представителей галло-римской аристократии в высшее духовенство христианской Церкви, которая к тому моменту завоевывает весьма прочные позиции в позднеантичном обществе. Соединяя, таким образом, такие ресурсы власти, как «духовный авторитет», «знатность», «богатство» и пр., галло-римской элите удается заполучить необходимые рычаги воздействия. И именно в таком качестве они становятся своеобразными «посредниками» между местным романизированным населением и пришлыми варварами¹⁴; по крайней мере, именно галльские епископы чаще всего отправляются на переговоры с варварскими вождями или ходатайствуют перед ними же о чем-либо.

Таким образом, можно убедиться, что галло-римская элита играла очень существенную роль в истории Поздней Античности. Однако это влияние не ограничивалось только регионом Римской Галлии. Так, уже упоминавшийся Авит был императором с 456 по 457 г.¹⁵, его преемник Майориан – также родом из Галлии¹⁶. Но еще в первой половине V в. галло-римский магнат Иовин при поддержке бургундов провозгласил себя и своего брата Себастьяна августами¹⁷, а если заглянуть в еще более отдаленные времена, то можно столкнуться с полноценной Галльской империей Постумов и Тетриков, 14 лет просуществовавшей отдельно от Римской империи¹⁸. Опираясь на данные факты, можно действительно утверждать как политическую важность Римской Галлии, так и активную вовлеченность галло-римской элиты в судьбы Западной Римской империи.

Здесь весьма примечательной представляется ситуация, возникшая во второй половине V в. н. э. и описанная Сидонием Аполлина-

рием в его письме к Винценцию¹⁹. Это так называемое «дело Арванда», которое представляется достаточно ярким событием, характеризующим положение дел в угасающей Западной Римской империи.

Прежде всего, следует отметить, что Арванд, по словам Сидония, происходил из незнатной семьи, но при этом занимал пост префекта Галлии²⁰. Сидоний отмечает, что Арванд был довольно популярен в среде галло-римлян. Между тем суд над Арвандом происходил на Капитолии²¹, пленник находился, как ни странно, под надзором комита священных щедрот Флавия Асселия²². Но что еще интереснее, так это то, что со стороны обвинения выступали представители все той же галло-римской аристократии, а именно: бывший галльский префект претория Тонаций Ферреол²³, консул Афраний Сиagriй²⁴, а также Фамастий²⁵ и Петроний²⁶. Как ни странно, но, по словам Сидония, среди сторонников Арванда на суде были только он и еще один друг Арванда, Ауксаний²⁷.

В чем, собственно, заключалось обвинение Арванда? Сидоний описывает это следующим образом:

Им [стороне обвинения], среди всего прочего, что было до них доведено, провинциалы вручили и передали перехваченное письмо, по поводу которого схваченный писец Арванда свидетельствовал, что ему диктовал господин. Кажется, это письмо было послано королю готов; [в нем] он отговаривает от мира с греческим императором [Прокопием Антемием]; также он указывает, что следует атаковать бриттов в места выше Лигера [совр. Луара]; также он утверждает, что следует разделить Галлию с бургундами по праву народов, и много прочего в том духе безумия, который вызвал бы у необузданного короля ярость, а у миролюбивого – робость²⁸.

Иными словами, речь идет фактически о государственной измене, что, по словам Сидония, сразу же возбуждает против Арванда юристов, интерпретировавших это как «оскорбление величия»²⁹.

Показательно, что поведение Арванда в ходе обвинений было достаточно самоуверенным. Так, он довольно жестко возражает Сидонию и Ауксанию на просьбу не вести себя столь вызывающе, а перед днем объявления приговора облачается в парадные одежды и т. п. Итогом всего становится приговор Арванда к пожизненному заключению на острове Тиберина.

По мнению автора данной работы, этот небольшой эпизод из истории последних дней Западной Римской империи весьма примечателен. В своем письме Сидоний указывает на то, что фактически это обвинение было «состряпано» лично против Арванда, хотя

и не приводит доказательств обратного. Вместо этого он сосредотачивается на советах Арванду хранить молчание и фактически «держаться в тени», но Арванд был слишком уверен в собственной правоте, так как, по словам Сидония, ему было достаточно убеждения в собственной невинности³⁰.

Интересно и само обвинение. Прежде всего отмечается то, что Арванд вел переговоры непосредственно с королем вестготов Эврихом. Отсюда можно сделать вывод о том, что не бургунды, а именно вестготы воспринимались как непосредственная угроза Римской Галлии. Состояли ли на тот момент в союзе с Римом оба варварских королевства – Толосское и Бургундское – доподлинно неизвестно, хотя тот же Сидоний Аполлинарий в своих письмах положительно отзывался о бургундах и называл их «защитниками» в отличие от «атакующих» вестготов³¹.

Между тем первым пунктом обвинения идет предложение отказа от переговоров с императором Прокопием Антемием. Особенно подчеркивается то, что он является «греческим» императором, что, по мнению автора настоящей статьи, указывает скорее не на этническую принадлежность самого Антемия, а на то, что в его возвышении принимал участие император Восточной Римской империи Лев I³², что, несмотря на декларируемое единство империи, возможно, воспринималась как попытка вмешаться в дела Западной Римской империи. Но в таком случае встает закономерный вопрос: если назначение Антемия вызвало недовольство среди элиты (в частности, галло-римской), то почему она же и судила того, кто, как вышло, был против?

С этой же точки зрения интересно и предложение вестготам атаковать союзные войска бриттов на севере от Луары, а также, что еще более интересно, разделить Галлию между собой и бургундами по так называемому «праву народов» (*jus gentium*). Согласно тому определению, какое дается в Дигестах (что отражает именно позднеантичный взгляд на данное понятие), оно отделяется от «естественного права» тем, что присуще только людям³³, но, в отличие от конкретного «цивильного права» каждого народа является общим для всех людей³⁴. Вместе с тем оно не существует отдельно от них. Тут важным является сопряжение понятия естественной справедливости (*aequitas naturalis*) с понятием права народов. Вышло так, что «справедливость» в отношениях между людьми полагалась совершенно естественной³⁵. В контексте же данной работы выстраивается достаточно интересная логическая цепочка: согласно определению «права народов», данному в Дигестах, оно возникает непосредственно в отношениях между людьми и является

универсальным. Следовательно, такие явления, как «война», «создание государства», «размежевание границ» и пр., относятся к этому универсальному праву³⁶. А уж коль скоро неотъемлемой чертой права народа становится «естественная справедливость», то, следовательно, право требовать чего-либо в данной области становится «естественным» и «справедливым». Говоря иными словами, вводя понятие *jus gentium* при предполагаемом дележе Галлии между бургундами и вестготами, Арванд фактически легитимировал их притязания на данные территории с точки зрения законности римского государства.

Итак, основные пункты обвинений против Арванда можно свести к: а) подстрекательству против законной власти императора Антемия, а через него – императора Льва I (напомним, что империя еще *de jure* полагалась единой) и б) созданию законодательной основы для территориальных претензий первых варварских королевств вестготов и бургундов на Галлию.

Между тем такая трактовка оставляет много места для последующих интерпретаций. По мнению автора данной работы, какая бы то ни было интерпретация, построенная на одном источнике, должна иметь косвенные подтверждения из других. К сожалению, практически во всех основных источниках по истории Поздней Античности (например, Иордан, Исидор Севильский, Павел Орозий, анонимные Галльские хроники 495 и 511 гг. и пр.) нет сведений, которые бы подтверждали информацию Сидония Аполлинария. Но тем не менее есть два исторических источника, которые могут косвенно подтвердить информацию о судебном процессе над Арвандом. Это, прежде всего, «Хроника» Кассиодора и «История римлян» Павла Диакона. Однако и они оставляют больше вопросов, чем ответов. Так, следует отметить любопытный факт, что в обоих источниках имя Арванда серьезно искажается («*Ardaburius*» у Кассиодора и «*Servandus*» у Павла Диакона)³⁷. Можно высказать предположение, что отождествление Арванда с «Ардабурием» и «Сервандом» основано на схожести их «судеб». И у Кассиодора, и у Павла Диакона данных персонажей отправляют в ссылку³⁸, а кроме того, у Павла Диакона «Серванд» является еще и галльским префектом претория. Но тут важно и еще кое-что: и Кассиодор, и Павел Диакон отмечают стремление указанных лиц к узурпации.

Разумеется, ничего подобного нельзя заметить в тексте письма Сидония Аполлинария; согласно ему, Арванд – лишь жертва собственной заносчивости и происков его недругов. Однако не следует забывать, что на первый план Сидоний выставляет свои дружественные отношения с Арвандом и, возможно, не может допустить

мысли о каких-либо антиправительственных замыслах³⁹. Но в то же время против этого мнения можно привести следующие возражения. Во-первых, упоминавшийся выше исторический контекст, в котором Римская Галлия славилась не только своим положением центра Галльской префектуры претория, но и перманентными проявлениями сепаратизма по отношению к римским императорам. Во-вторых, не менее важно и то, что, как уже говорилось, среди обвинителей присутствовали представители галло-римской аристократии. Отсюда можно выдвинуть гипотезу, что проблема действительно лежит в политической области, но не в области личных замыслов Арванда, а в области тех политических противоречий, которые существовали внутри галло-римской элиты. Иными словами, можно предположить определенного рода противостояние между «про-варварской» и «про-римской» частями галло-римской элиты. Разумеется, не шло речи о признании культурного паритета между пришлыми варварами и местными галло-римлянами. Но даже имевшая все рычаги для управления регионом галло-римская элита нуждалась в ориентире на некий политический центр, на реальную силу, способную вновь сплотить Галлию, и, вполне возможно, для некоторых представителей галло-римской элиты равенские императоры уже не представляли такой силы.

Был ли реально Арванд представителем той самой «проварварской части» или нет – сказать сложно. Более того, «локальный» характер процесса над Арвандом может показаться недостаточно актуальным для вынесения суждений по исследуемой проблеме. Однако, по мнению автора статьи, ситуация, связанная с Арвандом, является достаточно знаковой для общей кризисной ситуации V в. н. э., и именно она породила те обвинения, которые выдвигались против бывшего галльского префекта претория. В данном контексте каждый представитель элиты бывшей Западной Римской империи (не только Римской Галлии) должен был сделать выбор: либо тихо уйти со сцены вместе с Римом, либо продолжать жить и приспособливаться к новым условиям, которые открывали двери в совершенно иную историческую эпоху.

Примечания

-
- ¹ Хизер П. Падение Римской империи. М.: Астрель, 2011. С. 31.
  - ² Карсавин Л.П. История европейской культуры. Т. 1: Римская империя, христианство и варвары. СПб.: Алетейя, 2003. С. 16.
  - ³ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств: до середины VI века. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 25.

- ⁴ Томпсон Э.А. Римляне и варвары: Падение Западной империи. СПб.: Ювента, 2003. С. 20.
- ⁵ Sub dispositione viri illustris praefecti praetorio Galliarum dioceses infrascriptae: Hispaniae, Septem provinciae, Britanniae (Notitia Dignitatum in partibus Occidentis, III). [Электронный ресурс] // Bibliotheca Augustana. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost05/Notitia/not_doc1.html (дата обращения: 29.05.2012).
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Можно высказать предположение, что эти титулы присваивались не столько римским, сколько варварским вождям, которые тем самым встраивались в официальную военную структуру Западной Римской империи, но при этом не имели над собой прямого управления со стороны высших римских военных чинов.
- ¹² Traianum nescio si quis aequiperet, ni fors iterum tu, Gallia, mittas qui vincat (*Sid. Panegyrici dicti Avito Augusto* // *Sid. Carmina*).
- ¹³ Томпсон Э.А. Указ. соч. С. 225–229.
- ¹⁴ Ситуация еще более обостряется тем, что пришлые варвары – вестготы и бургунды – по своей конфессиональной принадлежности были еретиками-арианами, в то время как галло-римляне придерживались ортодоксального (никейского) варианта христианства, что создавало атмосферу напряженности.
- ¹⁵ Jones A.H.M. Eparchius Avitus 5 // Jones A.H.M. *Prosopography of the Later Roman Empire* (PLRE). Vol. 2. A.D. 395–527. The Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1980. P. 196.
- ¹⁶ Ibid. P. 702.
- ¹⁷ Олимпиодор Фиванский. История / Пер. и коммент. Ч.С. Скржинской // Византийский временник. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 228.
- ¹⁸ Куликова Ю.В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб.: Алетея, 2008. С. 36.
- ¹⁹ Jones A.H.M. Vincentius 4 // Jones A.H.M. PLRE. P. 1168.
- ²⁰ Даты занятия должности префекта галльской префектуры претория – с 464 по 468 г., а в 469 г. уже состоялся суд над ним. Важно отметить, что, несмотря на незнатность своего происхождения, Арванд, в силу занимаемой должности, должен был обладать сенатским титулом *vir illustris*.
- ²¹ *Sid.* Ep. I, 7, 4.
- ²² См.: Jones A.H.M. Fl. Eugenius Asselus 2 // Jones A.H.M. PLRE. P. 164.
- ²³ Ibid. P. 465.
- ²⁴ См.: Jones A.H.M. Syagrius 2 // Jones A.H.M. PLRE. P. 1024.
- ²⁵ Ibid. P. 1062.

- ²⁶ Ibid. P. 863.
- ²⁷ Ibid. P. 308–309.
- ²⁸ Пер. А.И. Черных. *Sid.* Ep. I, 7, 5: “Qui inter cetera, quae sibi provinciales agenda mandaverant, interceptas litteras deferebant, quas Arvandi scriba correptus dominum dictasse profitebatur. Haec ad regem Gothorum charta videbatur emitti, pacem cum Graeco imperatore dissuadens, Britannos super Ligerim sitos impugnari oportere demonstrans, cum Burgundionibus iure gentium Gallias dividi debere confirmans, et in hunc ferme modum plurima insana, quae iram regi feroci, placido verecundiam inferrent”.
- ²⁹ Ibid.: “...hanc epistulam laesae maiestatis crimine ardere iurisconsulti interpreta-bantur”.
- ³⁰ *Sid.* Ep. I, 7, 7: “...satis Arvando conscientia sua sufficit”.
- ³¹ В одном из своих писем Сидоний обозначает бургундов словом “impugnatem”, а вестготов “propugnatem”. См.: *Sid.* Ep. III, 4.
- ³² Хизер П. Указ. соч. С. 619–620.
- ³³ Дигесты Юстиниана. Кн. 1. Титул I. 1. 4 / Пер. с лат. Л. Л. Кофанова. М.: Статут, 2002. С. 83.
- ³⁴ Там же. Титул I. 6. С. 85.
- ³⁵ Ср.: Дигесты Юстиниана. Кн. 43. Титул. XXVI. 2, 2 [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/43.php (дата обращения: 29.05.2016).
- ³⁶ Дигесты Юстиниана. Кн. 1. Титул I. 5. С. 85.
- ³⁷ Следует отметить, что А.Х.М. Джонс делает осторожные пометки [sic!] напротив каждого имени в своей PRLE II в статье об Арванде.
- ³⁸ His coss. Ardaburius, imperium tenats, jussu Anthemii exsilio deportatur (Cass. Chronica ad Theodorem regem. Leo XLVI // PL. Paris, 1865. P. 1248); Sequenti anno Seruandus Galliarum praefectus imperium temptans inuadere iussu Anthemii principis in exilium trusus est. Paulus Diaconus (Historia Romanaю Liber XV [Электронный ресурс] // The Latin Library. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/pauldeacon/histrom15.shtml> (дата обращения: 29.05.2016).
- ³⁹ Это еще более контрастирует, например, с тем, что, испытывая личную неприязнь к викарию Семи Провинций Серонату, Сидоний не скупится на намеки о связях последнего с вестготами.

Первый крестовый поход
и его последствия для чешских евреев:
по «Богемской хронике» Козьмы Пражского

Данная статья посвящена еврейским погромам, сопровождавшим Первый крестовый поход и сыгравшим ключевую роль в изменении отношений между христианами и евреями. В еврейской истории лето 1096 г. навсегда осталось датой одной из еврейских катастроф, хотя описания тех событий в еврейских источниках достаточно скудны. Еще меньше известно о судьбе евреев, проживавших на территории Богемии и Моравии. «Богемская хроника» Козьмы Пражского является ключевым источником, освещающим как события 1096 г., так и общие последствия похода крестоносцев по территории Чешского королевства на пути в Иерусалим.

Ключевые слова: история, Средневековье, Крестовые походы, иудаика, Богемия, Моравия, Чехия, история Чехии, погромы.

В изучении Средневековья всегда уделяется внимание такому явлению, как Крестовые походы. О них написано немало статей и монографий как видными медиевистами, так и молодыми учеными¹. Ими были исследованы причины, по которым такое религиозное рвение слилось с актуальными проблемами средневекового европейского общества, породив подобное уникальное движение. Сказано много слов о значении Крестовых походов в мировой истории, о том, как они обозначили границу между Ранним и Высоким Средневековьем. Гораздо меньше сказано о такой их стороне, как еврейские погромы, и еще меньше сказано о влиянии Первого крестового похода на чешские земли².

С одной стороны, это можно объяснить недостаточной изученностью немногочисленных еврейских и чешских источников

того периода. Примечательно, что в чешских источниках о раннем периоде истории Чехии практически нельзя найти упоминаний о евреях. Если опираться на христианские документы, то выходит, что евреи внезапно оказались на чешских землях летом 1096 г., пострадали от рук крестоносцев и вскоре бежали³. Дальнейшая чешская еврейская история почти заканчивается до движения Гаскалы в XIX в., предоставляя лишь скудные упоминания о погромах.

Однако если обратить внимание на другие источники, можно установить, что евреи пребывали на территории Чехии задолго до 1096 г. В данной ситуации следует обратиться к арабской описательной географии, а именно – к произведениям Абу-ль Касима Убайдаллаха ибн Абдаллаха ибн Хордадбега «Книга путей и государств» и Ибрагима ибн-Якуба ал-Андалус из Тортосы⁴.

Тем не менее исследователи сталкиваются с критической нехваткой источников о ранней истории евреев в Чехии. Можно также сослаться на непопулярность тех источников на латыни, которые описывают события в Праге весной 1096 г. Однако не следует забывать о главном из них – «Богемской хронике» Козьмы Пражского⁵ (далее – «Хроника»), и о трудностях, с которыми историки сталкиваются при ее изучении.

Представляется нелогичным объявить единственное описание тех событий достоверным. Современные исследователи «Хроники» согласны в том, что она представляет собой тщательно отредактированный набор субъективной информации, предназначенной для сохранения и передачи определенного набора взглядов автора⁶.

Для изучения последствий Первого крестового похода для евреев следует обратить внимание на третью книгу «Хроники». Она охватывает период с 1092 по 1125 г., начиная повествование за несколько лет до начала Первого крестового похода и заканчиваясь после смерти Владислава I 12 апреля 1125 г.

Книга третья – единственная книга «Хроники», в которой вообще упоминается еврейское население. Более того, в данной книге евреям уделяется достаточно пристальное внимание. Два отдельных текста, повествующих о событиях 1096 г. и 1098 г., станут предметом исследования данной статьи.

Последней причиной, по которой «Хронику» можно считать особенным историческим источником, является то, что сам ее автор, Козьма Пражский, скорее всего, был очевидцем событий Первого крестового похода. Согласно сохранившимся сведениям о жизни Козьмы, около 1082 г. он вернулся в Прагу из Льежа⁷. Козь-

ма не воспринимает наблюдаемое им явление как Первый крестовый поход, описывая его исключительно как внезапное движение людей:

В лето от рожества Христова 1096. ...В том же году началось такое возбуждение, такое религиозное рвение по причине похода в Иерусалим, что в немецких областях и особенно в восточной Франции в городах и деревнях осталось лишь очень немного жителей⁸.

Козьма определяет наиболее активных участников этого движения, а точнее, тех, кто сильнее всех оказался подвержен этому религиозному рвению. Основными участниками он выделяет королевство Франков на востоке (*in orientali Francia*). Этим он будто указывает места, в которых зародилось то волнение людей. Он также отмечает массовость этого движения – в нем участвовало столько людей, что на земле оставалась лишь ничтожная их часть. Далее Козьма достаточно пространно описывает путь крестоносцев через чешские земли:

Так как участников похода было много и они не могли идти все вместе по одной дороге, то некоторые из них стали проходить через нашу страну; проходившие нападали на евреев, и с божьего соизволения крестили помимо их воли, тех же, которые противились, убивали⁹.

В отличие от остальных хронистов, Козьма не дает ни имен лидеров тех крестоносцев, ни описания их состава. Единственное, на что Козьма активно указывает, так это на насилие над евреями, совершенное участниками того похода. Тем не менее Козьма описывает это насилие общими словами, не называя числа убитых или крещенных. Он не дает тех красочных описаний, которыми пестрят первые две книги «Хроники». Не называется даже ориентировочная дата, время года, в которое были совершены эти нападения на евреев. Однако отмечается протест епископа Праги, Козьмы (1091–1098 гг.), против насильственного крещения евреев:

Епископ Козьма, считавший насильственное крещение противоречащим предписаниям церковных законов и движимый справедливостью, попытался воспротивиться крещению евреев помимо их воли, но тщетно, так как не оказалось никого, кто бы ему помог¹⁰.

Козьма-хронист указывает, почему Козьма-епископ остался без какой-либо поддержки. Опорой ему должен был быть князь, но в

тот период князь Бржетислав II занимался строительством града Каменец на реке Ниса вместе со всей своей дружиной. Становится очевидно, что то самое религиозное рвение оказалось сильнее епископских увещаний, пусть и основанных на учениях христианской церкви.

В следующем пассаже открывается отношение Козьма-хрониста к тем самым насильственным крещениям, которые потом будут повторяться не один раз:

Если несколько дней спустя евреи свергли иго Христово, презрели благодать крещения и спасительную силу христианской веры и вновь склонили свои шеи под иго Моисеева закона, то это следует приписать нерадению епископа и прелатов церкви¹¹.

Ясно, что Козьма-хронист считал крещение, пусть и насильственное, благом для евреев как для язычников. В одном из предыдущих отрывков Моисеев закон он считает губительным для человека, а в утрате новообращенных винит Козьму-епископа, не побуждавшего евреев остаться в новой вере, и его влияние на остальных прелатов церкви.

Из этого также следует, что прелаты церкви либо разделяли точку зрения Козьмы-епископа, либо не считали необходимым противостоять возвращению евреев в их веру. Это злит Козьму-хрониста, который словно рефрен продолжает описывать уход евреев из христианской веры как одно из прегрешений чешских священнослужителей. Но прежде чем сказать о дальнейших событиях, следует рассмотреть, чем являлось насильственное крещение для самих евреев.

Не стоит удивляться тому, что среди евреев отказ от веры также считался грехом. Было распространено мнение, что смерть или самоубийство, избранные вместо отказа от иудаизма, праведнее и даже предпочтительнее. Сама же практика совершения самоубийства во избежание обращения в чужую веру получила название «киддуш а-шем»¹². В настоящее время известно несколько средневековых еврейских рукописей, в которых перечисляются еврейские общины, располагавшиеся на территории Европы, чьи члены предпочли подобную смерть обращению в христианство¹³. Однако ни одна из них, даже Сэфер Зикарон или Гзерот Татну, не упоминает судьбы богемских евреев¹⁴.

Основываясь на известных упоминаниях пражского погрома, можно сказать, что поздней весной или ранним летом 1096 г. крестовосцы шли по территории Богемского королевства в Иерусалим¹⁵.

Полностью отдавшись религиозному рвению, они обращали встречавшихся им на пути евреев в христианство. Вполне возможно, что часть пражских евреев осталась в новой вере. Часть евреев могла погибнуть от рук крестоносцев, а некоторые могли покончить с собой для совершения «киддуш а-шем». Все равно не представляется возможным утверждать то, что весной–летом 1096 г. пражское еврейство погибло полностью. Для того чтобы узнать, что произошло с ними после ухода крестоносцев, следует обратиться к следующим сведениям «Хроники»:

В лето от рождества Христова 1098. Князю Бржетиславу доложили, что некоторые евреи бежали, некоторые же тайно уносят свое богатство частью в Польшу, а частью в Венгрию. Князь был очень этим разгневан и послал к оставшимся евреям своего коморника и с ним несколько воинов, поручив им обобрать этих евреев с головы до ног¹⁶.

Этот отрывок повествует о важном событии: бегстве евреев из чешских земель в Польшу и Венгрию. Козьма-хронист многократно упоминает, что Козьма-епископ и прелаты церкви не способствовали адаптации евреев к новой вере, несмотря на их апелляцию к нормативным документам того времени¹⁷. Отказ от христианства рассматривался как предательство, отягощенное попыткой бегства. Козьма-хронист описывает недовольство князя как законный гнев властителя, чьи подданные пытались его обмануть. Козьма восхищается тем, сколько имущества и золота было отобрано у евреев по велению князя. Коморник, избавивший бегущих евреев от излишков богатства, произносит фразы, наглядно иллюстрирующие отношение Козьмы к финансовому благосостоянию пражских евреев:

О, израильское племя, о ты, порожденье негодных!
 ...Зачем вы уменьшить хотите добро, что досталось вам даром?
 Ведь это добро – оно наше: из вашего Ерусалима
 Сюда ничего вы с собою – богатств никаких – не внесли¹⁸.

Коморник открыто цитирует 2-е Поучение Петра 2:22 – указывается на то, что евреи, возвращаясь в иудаизм, отбрасывают в сторону добро и благо, доставшиеся им даром. Естественно, подразумевается христианство, величайшее добро на всем свете. Коморник сравнивает евреев с упомянутыми в указанном стихе свиньями, которые идут валяться в грязи даже после тщательного мытья.

Примечательно то, что княжеский коморник сообщает, что все отобранное богатство на самом деле не еврейское. Оно не прибы-

ло из Иерусалима вместе с сынами Израиля, но было найдено на чешской земле. Следовательно, каким-то образом евреи завладели этими богатствами, что почти придает незаконность их владению.

На самом же деле подобное заявление призвано оправдать причину, по которой князь и коморник считают возможным обобрать евреев. Козьма называет евреев несчастными, но само мероприятие он считает оправданным размером изъятого у беглецов имущества:

...коморник, и воины, прибывшие с ним, тотчас же ворвались в дома евреев, захватили сокровища и лучшие вещи, которые там нашли. Они ничего не оставили евреям, кроме зерна, необходимого для жизни. О, сколько денег было отнято в тот день у несчастных евреев! Сколько богатства не было вынесено и из горящей Трои на Эвбейский берег!¹⁹

Интересно, что после отбора у евреев «лучших вещей» и «сокровищ» в домах осталось лишь зерно для жизни. Более того, если отбирали лишь сокровища и лучшие вещи, то почему у евреев не осталось ничего, кроме зерна? Подразумевал ли этим Козьма, что евреи облачались в дорогостоящие ткани и имели домашнюю утварь, изготовленную из драгоценных металлов, неизвестно. Однако сравнение с триумфом греков над Троей создает впечатление, что евреи действительно обладали несметными сокровищами, которыми вряд ли можно завладеть законным способом.

Как были вы нищими раньше, такими же впредь вы останьтесь.

А то, что крестили вас, что же? Князь в этом совсем не повинен.

То божье веление было, да будет свидетелем бог.

А если вы опять возвращаетесь к иудейству, так пусть епископ Козьма решает, что делать в таком случае²⁰.

Как обычно, в нескольких строчках текста Козьма указывает сразу несколько интересных деталей. Во-первых, он утверждает, что евреи после избавления от всего излишнего имущества становились нищими. Во-вторых, это нищенское состояние расценивается как естественное для евреев, так как нищими они вышли из Иерусалима. В-третьих, коморник утверждает, что выполняет исключительно княжескую волю, никак не связанную с крещением евреев. Одновременно с этим крещение утверждается как проявление божьей воли, которому не следует противиться. Коморник неодобрительно упоминает возвращение евреев к иудаизму, воспринимаемое как сомнительное действие. Однако тут же он утверждает, что дальнейшая судьба крещеных евреев и законность

их возвращения в иудаизм зависят от авторитетов церкви, а именно – Козьмы-епископа.

На этом почти прекращается повествование Козьмы-хрониста о периоде Первого крестового похода. Дальнейшие события касаются исключительно внутренних и внешних дел чешских князей, а евреи снова растворяются в общем историческом процессе. При таком «исчезновении» евреев со страниц чешской истории нельзя точно сказать, как в последующие годы еврейские общины оправлялись от потрясений 1096–1098 гг. Можно только предположить, что следующие десятилетия евреи Богемии и Моравии пытались поправить свое положение.

Однако возможно сделать одно утверждение – прежде всего евреи стремились вернуться в иудаизм. Этому не противодействовала церковь, чем продолжал возмущаться Козьма-хронист. При описании дела Якова Апеллы в 1124 г. Козьма сообщает другую деталь – обвиняемый разрушил возведенный в бывшей синагоге христианский алтарь и выбросил на улицу размещенные там кости святых. Из этого следует, что в процессе обращения евреев в христианство синагоги были осквернены и превращены в церкви, и возвращение даже зданиям их первоначальных функций было предметом преследования²¹.

Следующие десятилетия евреи Богемии и Моравии продолжали возвращаться в иудаизм, и движение это было настолько массовым, что недовольство Козьмы-хрониста выразилось в тех словах, которые он вложил в уста епископа Германа, умершего в 1122 г.:

...Ибо упомянутый епископ, почувствовав, что здоровье его ухудшается, и увидев некоторых своих близких, стоящих у его постели, сказал со стоном: «Моя тайна, моя тайна!» и умолк. ...Некоторое время спустя епископ опять открыл уста и сказал: «...горе мне! Ибо я безмолвствовал, ибо я не пытался вновь призывать народ, отпавший от веры, ибо мечом анафемы я не ратовал за Христа. Но я терпеливо снес то, что допустил запятнать и себя самого и весь христианский народ общением с безбожным людом. ...Людьми, отпавшими от веры, я называю евреев, которые благодаря нашей нерадивости впали опять после крещения в иудейство»²².

Герман описывается как невероятно мудрый и ученый человек, чьи кротость и святость служили примером всем христианам. Тем не менее перед самой своей смертью Герман страшился за свою душу, так как он не сделал главного – не убедил и не способ-

ствовал закреплению евреев как христиан в их новой вере и новой жизни. Это он считает величайшим своим грехом, достойным наказания.

Я очень опасаясь, чтобы Христос не укорил меня в этом и не бросил меня в преисподнюю. ...О, я несчастный! Насколько я далек от того, каким я хотел быть, каким я некогда был. Теперь я противен сам себе, ибо я вижу, что сделал слишком мало хорошего²³.

Таким образом, представляется возможным сделать несколько выводов о судьбе евреев Чехии в годы после Первого крестового похода. Первым последствием для них стало крещение – насильственное, вероятно подразумевавшее самоубийства на религиозной почве. Следующим ударом для чешских евреев оказалось лишение имущества по приказу князя Бржетислава II при попытке бегства в Венгрию и Польшу. Дальнейшие же случаи возвращения евреев в иудаизм и восстановление синагог воспринимались негативно со стороны более радикально настроенного клира.

Возвращение евреев к иудаизму рассматривалось как предательство, упорное отторжение той благодати, которой являлось христианство. Очевидным последствием этих процессов стало последовавшее отдаление еврейского и окружавшего их христианского населения. Долгосрочные последствия этих процессов широко известны – создание пражского гетто в XIII–XIV вв., организация погромов и регулярное бегство евреев из Чехии в Польшу и Венгрию. Даже сама легенда о пражском Големе является отдаленным отражением противостояния и нетерпимости, что начались в годы после Первого крестового похода.

Примечания

- ¹ Общая история крестовых походов широко освещена в работах современных исследователей. См., например: *Батшев Д.А.* Священная война в контексте Крестовых походов. М.: Либроком, 2013; *Грановский А.Н.* Крестовые походы: В 2 т. М.: Дмитрий Буланин, 2013; *Майорова Е.И.* Женщины в эпоху Крестовых походов. М.: Вече, 2012; *Монусова Е.* История Крестовых походов. СПб.: Астрель-СПб., 2010.
- ² См., например: *Agnew H.L.* The Czechs and the Lands of the Bohemian Crown. Stanford: Hoover Press, 2004; *Pánek J., Tuma O.* A History of the Czech lands. Praha: Karolinum Press, Charles University, 2009; *Žemlička J.* Čechy v době knížecí: 1034–1198. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2007.

- ³ *Томек В.* История Чешского королевства: В 8 кн. СПб.: Изд. книгопродавца С.В. Звонарева, 1868. Кн. 3. С. 105.
- ⁴ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: В 6 т. Т. 4. М.: Восточная литература, 2004. С. 75–79.
- ⁵ *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Пер. и коммент. Г.Э. Санчука; отв. ред. Л.В. Разумовская, В.С. Соколов. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- ⁶ *Soukup D.* Apostatrix gens: The First Crusade and Criticism of the Reversions of Jews in Cosmas's Chronicle of Bohemia // Prague: Colloquia mediaevalia Pragensia. Issue 7. 2015. P. 4.
- ⁷ *Jireček H.* Kosmas a jeho Kronika. Praha, 1896.
- ⁸ *Козьма Пражский.* Чешская хроника. [Кн.] III. [Гл.] 4. С. 175.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Киддуш а-шем – букв. «освящение во Имя [Б-га]» представляет собой обязанность каждого еврея прославлять величие Б-га самоотверженным соблюдением его заветов вплоть до самопожертвования. Впоследствии этот термин стал употребляться исключительно для описания самоубийства как акта самопожертвования. См.: Киддуш-а-шем [Электронный ресурс]. Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/12070>.
- ¹³ *Кац Я.* Евреи в средневековой Европе: Замкнутость и толерантность. Иерусалим, 1992. С. 164.
- ¹⁴ *Йерушалим Й.Х.* Захор: Еврейская история и еврейская память. М.; Иерусалим, 2004. С. 92–93.
- ¹⁵ Гзерот Татну сообщает, что в Праге произошли убийства ханаанитов (т. е. евреев) на праздник Шавуот 4856 г., что переводится на юлианский календарь как 30 или 31 мая 1096 г.
- ¹⁶ *Козьма Пражский.* Чешская хроника. [Кн.] III. [Гл.] 5. С. 176.
- ¹⁷ Необходимо упомянуть, что нормы, принятые во время Четвертого Собора в Толедо 633 г., продолжавшие действовать на момент начала Крестовых походов, установили незаконность насильственного крещения, однако признавали законность уже совершенных крещений и в особенности не одобряли возвращение евреев обратно в иудаизм. См.: Conciliū Toletanum quartum. [Электронный ресурс] // Benedictus Levita: информ.-справочный портал. 2006–2013. URL: http://www.benedictus.mgh.de/quellen/chga/chga_046t.htm
- ¹⁸ *Козьма Пражский.* Чешская хроника. [Кн.] III. [Гл.] 5. С. 177.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid. [Кн.] III. [Гл.] 57.
- ²² Ibid. [Кн.] III. [Гл.] 49.
- ²³ Ibid. [Кн.] III. [Гл.] 49.

Монастыри миноритов в городском пространстве: на материале городов Англии XIII в.

Становление и развитие в городах Англии монастырей миноритов, представителей одного из крупнейших нищенствующих орденов Западной Европы, способствовало укреплению позиций ордена в данном регионе. Особенности расположения монастырей в городском пространстве, их взаимосвязь с постоянными структурами города (городскими стенами, воротами, улицами) являются ярким примером слияния принципов монастырского строительства с духовными идеалами братьев-миноритов. Воплощение духовных идеалов в повседневной жизни монахов оказало заметное влияние на институциональное становление ордена.

Ключевые слова: орден миноритов, Англия, монастыри, королевские указы, городская периферия, идентификация.

Институциональное становление ордена миноритов¹ неразрывно связано с процессом создания монастырей. Стремительный рост числа монастырей требовал организации разветвленной системы управления орденом, использования различных средств для поддержания единообразия духовной жизни монахов. Идеалы духовной жизни миноритов находили выражение как в правилах, уставах ордена, так и в повседневной деятельности монахов, практике монастырского строительства.

Вопрос институционализации ордена поднимается в работах А.Г. Литтла², Ж.Р. Мурмана³, К.Л. Кингсфорда⁴. Исследователи концентрируют свое внимание преимущественно на уставах ордена, взаимоотношениях миноритов с папской курией, иначе говоря, на внутренних и юридических факторах, которые оказали влияние на распространение ордена в Англии.

Целью же данной статьи является рассмотрение институционального становления ордена и идентификации его членов сквозь призму процесса создания монастырей и их интеграцию в городское пространство. Такая постановка проблемы позволяет выявить влияние внешних, репрезентативных и естественных факторов – монастырского строительства и городской среды на организационное становление ордена в Англии XIII в.

В Англии история ордена миноритов берет свое начало в 1224 г., когда группа из девяти монахов прибыла в Дувр. В этом же году были основаны первые монастыри «серых братьев»⁵ в Кентербери, Корнхилле и Оксфорде, соответственно в религиозном, политическом и университетском центрах Англии. В 1230 г. на первом провинциальном капитуле⁶ в Лондоне было принято решение разделить английскую провинцию⁷ ордена на семь кустодий⁸: Лондон, Оксфорд, Кембридж, Бристоль, Вустер, Йорк и Ньюкасл. Деление на административные округа было вызвано быстрым ростом числа монастырей в городах Англии. В данный период существовало уже шестнадцать конвентов⁹. В ближайшее десятилетие было создано еще около двадцати монастырей. В 1256 г., как отмечает английский хронист XIII в. Фома Экклстон, в Англии насчитывалось сорок девять монастырей ордена¹⁰.

В хронике Экклстона подробно описан ранний период истории ордена миноритов в Англии. Хронист сообщает, что первые поселения миноритов были расположены в бедных и малопригодных для жилья городских районах. В Норвиче и Шрусбери жилище «серых братьев» располагалось на территории городских окраин, в болотистой и подверженной наводнениям местности¹¹. В Ньюгейте, расположенном близ Лондона, минориты поселились на Стинкинг Лейн (Stinking Lane), «зловонном квартале»¹². В Кембридже – разместились в здании старой синагоги, принадлежащей еврею Бенджамину. Часть этого здания была отведена под городскую тюрьму¹³.

Временные жилища монахов вскоре были заменены постоянными с более благоприятными условиями для жизни. В 1238 г. минориты Кембриджа получили королевское пожалование на аренду всего здания бывшей синагоги¹⁴. Однако в результате увеличения числа монахов в Кембридже к середине XIII в. вновь остро встал вопрос о размещении миноритов в городе. Новый участок, отведенный под монастырь, минориты получили только в 1267 г.

Королевские свитки, содержащие записи о пожаловании земельных участков монахам, выделении городских зданий для их конвентов, древесины и камня для строительства монастырей, свидетельствуют о постепенном улучшении их положения. Процесс

интеграции монастырей ордена в городское пространство, переход от временных мест расселения монахов к постоянным имел характерные черты и особенности.

Монастыри ордена миноритов создавались в городах по инициативе короля или горожан. Поскольку миноритам согласно правилам ордена св. Франциска и уставам запрещалось иметь какую-либо собственность, то состоятельные горожане или городская коммуна сохраняли за собой права собственности на выделенные под монастыри территории. Монахи же могли только пользоваться предоставленными участками земли. С развитием ордена и превращением его в многочисленную религиозную организацию условное владение собственностью претерпевает изменения. На протяжении первой половины XIII в. папскими буллами вводится должность нунция, опекуна, имевшего право получать деньги и распоряжаться ими от имени монахов¹⁵, и должность протектора¹⁶. Протектор ордена мог распоряжаться имуществом миноритов, которое, в свою очередь, было признано собственностью апостольского престола. Это позволило сохранить приверженность идеалу бедности и нищеты.

Также духовные идеалы ордена братья-минориты стремились выразить посредством монастырского строительства. Изначально монахи создавали свои дома, церкви и часовни преимущественно из дерева и глины. Это подтверждается многочисленными королевскими указами о предоставлении миноритам древесины. В 1231 г. Генрих III издает указ о пожаловании дерева для строительства монастыря «серых братьев» в Глостере¹⁷, позже в Ноттингеме¹⁸, Стэмфорде¹⁹ и др.

Используемый нищенствующими монахами строительный материал, простота зданий их первых конвентов служили доказательством соблюдения принципов бедности. Это объясняет случай, произошедший в 1236 г. в Саутгемптоне. По инициативе горожан обитель миноритов была построена из камня, но провинциальный министр ордена Альберт из Пизы, опасаясь отхода от идеала совершенной бедности, приказал разобрать каменные здания²⁰.

Подобный прецедент имел место и в конvente миноритов Шрусбери. Экклестон сообщает, что в этом городе на выделенной монахам территории была воздвигнута каменная церковь и служебные здания, необходимые для ведения монастырского хозяйства. По просьбе монахов они были заменены глиняными²¹.

Впрочем, со второго десятилетия своего пребывания в Англии минориты стали использовать камень в качестве основного строительного материала для монастырей. В большом количестве

сохранились королевские указы XIII в., направленные на предоставление камня для конвентов в Линкольне²², Честере²³, а также – предоставление права на добычу камня в королевских карьерах. В 1256 г. Генрих III дает такое право миноритам Ноттингема. Данные примеры свидетельствуют об отступлении монахов от идеала бедности. Дальнейшее развитие этой тенденции нашло отражение в официальных документах ордена. В 1260 г. в Нарбонне генерал ордена св. Бонаventura провел генеральный капитул²⁴, на котором были приняты «Нарбоннские конституции», осуждавшие чрезмерное увлечение бедностью.

Важно отметить, что минориты часто сами выбирали места для своих монастырей. Подтверждение этого дают королевские указы горожанам Лондона²⁵, Эксетера²⁶, Винчестера²⁷, в которых предписывалось предоставить монахам те земельные участки, которые они пожелали. Использование подобной привилегии свидетельствует не только о расположении к монахам со стороны короля и горожан, но также о рациональном подходе миноритов к выбору территорий для своих монастырей. Монастырские участки были расположены на городской окраине, благодаря чему они имели достаточное пространство для создания больших конвентов и их дальнейшего расширения.

Обширные территории позволяли выделять значительные земли под монастырские кладбища. Данный фактор имел особое значение. Социальная и религиозная практика миноритов способствовала росту числа покровителей ордена среди жителей городов. Горожане, движимые благочестивыми побуждениями, желали быть погребенными на кладбищах «серых братьев». В благодарность за выполнение своей воли они делали щедрые пожертвования конвентам миноритов. Таким образом, монастырское строительство было вписано в систему социальных отношений.

Монастыри ордена также были расположены на территории, находящейся за пределами городских стен. В Эксетере минориты основали свой монастырь с внешней стороны южных ворот города²⁸. Монахи Оксфорда отказались от тесных улиц в центре города, выбрав открытую местность в пригороде. Однако вне зависимости от того, размещались ли конвенты ордена в городе или пригороде, они были расположены вблизи городских стен.

Расширение монастырской территории в городах Англии часто приводило к тому, что часть городских стен входила в состав стен монастыря. В Линкольне монастырские владения ордена были увеличены в направлении городской стены²⁹. В Оксфорде «серые братья» основали свой монастырь в непосредственной близости от

городской стены. Король Генрих III разрешил передать миноритам Оксфорда землю, расположенную между монастырем и городом. В итоге стена с бойницами стала частью монастырского владения. В Саутгемптоне восточная сторона монастыря примыкала к городской стене, в результате чего монахи имели свободный доступ к пригороду.

Предпочтение отдавалось также районам, находившимся вблизи городских ворот. В Честере монастырь миноритов был расположен около Уотергейт (Watergate)³⁰. В Глостере – недалеко от южных ворот города. В этом городе монастырь «серых братьев» изначально не примыкал к городской стене или воротам. В течение XIII в. его территория была увеличена до южной и восточной городской стены, после чего даже одна башня стены вошла в состав территории конвента.

Кроме того, минориты получали право иметь отдельные ворота для прохода через городские стены. Этим правом воспользовались монахи в Вустере, Шрусбери³¹. В 1259 г. горожане Винчестера получили королевский указ на создание отдельного прохода через городскую стену возле конвента миноритов так, чтобы монахи имели под стеной пассаж по направлению к колодцу св. Эгидия³². В Шропшире (Salop) в 1267 г. ворота через городскую стену были расширены для использования их миноритами³³.

Расположение монастырей у стен и ворот города давало монахам определенную свободу передвижения и безопасность. В то же время вхождение части городской стены и ворот в состав монастырских владений налагало на обитателей монастырей обязанности обороны города в военное время.

Другой заметной чертой монастырей ордена в городах Англии было сочетание частной и публичной собственности в составе монастырских территорий. Выделенные миноритам территории для создания монастырей часто расширялись за счет добавления к ним переулков и улиц, лежащих вдоль монастыря, иными словами, публичной собственности. В Линкольне в 1258 г. к монастырю «серых братьев» был присоединен городской переулок³⁴, ранее, в 1245 г., то же было сделано в Оксфорде³⁵. Занимая старое публичное пространство в городе, монахи одновременно создавали новое. Безусловно, монастырское пространство неэквивалентно в правовом отношении публичной территории, но оно способствовало социальному взаимодействию горожан и находилось в общем пользовании.

Наконец, монастыри ордена располагались вблизи рек. Река Уз в Йорке, р. Стаур в Кентербери, р. Северн в Шрусбери, Шропшире

и Бриджнорте. В тех случаях, когда монастырь располагался вдали от рек, монахи стремились приобрести участки с подземными водными потоками или близ мельниц. В Линне конвент миноритов был основан рядом с городской мельницей³⁶. В Бристоле монастырь «серых братьев» имел участок земли, почва которого была богата аллювиальными отложениями³⁷. Такие природные преимущества территории позволяли монахам, используя дренажные системы, осуществлять подачу воды в любую часть своего монастыря.

В Кембридже монастырь миноритов был расположен на территории с уже созданным водоснабжением. Через середину их монастырского участка проходил Королевский Ров, открытый водосток, который был создан около 1200 г. или в более ранний период. В 1268 г., через год после создания монастыря миноритов на этой территории, по указу Генриха III ров был расширен и углублен³⁸.

В процессе интеграции монастырей миноритов в городское пространство Англии XIII в. сформировались основные принципы монастырского строительства ордена. Создание монастырей по идентичным нормам, отражающим духовные идеалы монахов, единообразии архитектурно-пространственных форм монастырей способствовало однородности и идентификации миноритов, необходимой на этапе организационного становления ордена.

Типичность монастырского строения не в последнюю очередь зависела от естественного фактора влияния – городского пространства. Города средневековой Англии представляли собой тесное пространство с узкими улицами и кварталами, переполненными людьми самых разных социальных групп. Территориальная ограниченность и замкнутость городов способствовали размещению монастырей ордена в периферийных районах. Таким образом, различия между практической организацией жизни и деятельности братьев ордена нивелировались в условиях городской среды.

Выбирая город сферой своей деятельности и местом для создания монастырей, минориты не удалялись от мира, напротив, активно вступали с ним в контакт. Это на первый взгляд существенно отличало конвенты миноритов от монастырей традиционного монашества. Однако, находясь в пределах городского пространства, монастыри ордена были расположены на территории городских окраин, представляли собой религиозную общину с высокой степенью хозяйственной самостоятельности. Все это приближало их к традиционному типу монашества. Следовательно, соединив старые и новые принципы монастырской организации, минориты создали благоприятную основу для распространения ордена.

- ¹ Минориты – название представителей монашеского ордена братьев меньших (*Ordo fratrum minorum*), основанного Франциском Ассизским (1182–1226 гг.). Данное понятие было введено св. Франциском и использовалось в официальных документах XIII в.
- ² Подробнее см.: *Little A.G.* *The Grey Friars in Oxford*. Oxford: Oxford Historical Society, 1892; *Idem.* *Franciscan papers, lists and documents*. Manchester: Manchester Univ. Press, 1943; *Idem.* *Studies in English Franciscan History*. Manchester: Manchester Univer. Press, 1917.
- ³ *Moorman J.R.H.* *A History of the Franciscan Order*. Oxford: Clarendon, 1968; *Idem.* *The Foreign Element among the English Franciscans // English History Review*. 1947. P. 289–303; *Idem.* *The Grey Friars in Cambridge: 1225–1538*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1952.
- ⁴ *Kingsford C.L.* *The Grey Friars of London*. Aberdeen: Aberdeen Univ. Press, 1915.
- ⁵ В Англии минориты из-за цвета их одеяния получили название «серые братья» (*Greyfriars*).
- ⁶ Провинциальный капитул – собрание руководящих лиц провинции ордена, которое проводилось один раз в год.
- ⁷ Провинции – административно-территориальные единицы ордена, во главе которых находились назначенные генералом ордена провинциалы.
- ⁸ Кустодии – административные единицы, на которые делились провинции ордена. Согласно уставу ордена 1223 г. вводилась должность кустода, возглавлявшего кустодию ордена.
- ⁹ Понятие «конвент» (от лат. *conventus* – собрание) в римско-католической традиции означает монастырь и обитающую в нем общину монахов. Подробнее о количестве конвентов в Англии XIII в. см.: *Little A.G.* *Studies in English Franciscan History...* P. 25.
- ¹⁰ *Thomae de Eccleston.* *Liber de Adventu Fratrum Minorum in Angliam // Analecta franciscana sive Chronica aliaque varia Documenta ad historiam Fratrum Minorum spectantia edita a Patribus Collegii S. Bonaventurae*. Italy: Quaracchi, 1885. Vol. 1. P. 221.
- ¹¹ *Ibid.* P. 219.
- ¹² *Ibid.* P. 225–226.
- ¹³ *Ibid.* P. 226.
- ¹⁴ *Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1237–1242 / Ed. H.B. Lee*. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1970. P. 61.
- ¹⁵ Должность нунция была введена в 1230 г. буллой папы Григория IX «*Quo elongati*».
- ¹⁶ Должность протектора появилась в 1246 г. согласно булле папы Иннокентия IV «*Quanto studiosus*».
- ¹⁷ *Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1227–1231 / Eds. H.C. Maxwell Lyte, A.E. Stamp*. L.: H.M. Stationery Office, 1902. P. 480.
- ¹⁸ В 1230 г. см.: *Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1227–1231 / Eds. H.C. Maxwell Lyte, A.E. Stamp*. L.: H.M. Stationery Office,

1902. P. 305; в 1232 г. см.: Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1231–1234 / Ed. H.B. Lee. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1970. P. 115; в 1247 г. см.: Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1242–1247 / Eds. H.C. Maxwell Lyte, A.E. Stamp. L.: H.M. Stationery Office, 1916. P. 508, 529; в 1261 г. см.: Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1259–1261 / Ed. H.B. Lee. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1970. P. 358–359.
- ¹⁹ Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1234–1237 / Eds. H.C. Maxwell Lyte, A.E. Stamp. L.: H.M. Stationery Office, 1908. P. 138.
- ²⁰ A history of Southampton / Eds. J. Davies, J. Speed. Southampton: The Gilbert Company, 1883. P. 443.
- ²¹ *Thomae de Eccleston*. Op. cit. P. 226–227.
- ²² Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1234–1237 / Eds. H.C. Maxwell Lyte, A.E. Stamp. L.: H.M. Stationery Office, 1908. P. 500.
- ²³ Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1242–1247 / Eds. H.C. Maxwell Lyte, A.E. Stamp. L.: H.M. Stationery Office, 1916. P. 339.
- ²⁴ Генеральный капитул – собрание генерала ордена и министров провинций, проводимое один раз в три года в целях решения вопросов организации ордена и регулирования жизни монахов.
- ²⁵ Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1232–1247 / Ed. H.B. Lee. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1971. P. 152.
- ²⁶ A short history of the ancient diocese of Exeter / Ed. H.E. Reynolds. Exeter: Printed by H. Besley and son, 1895. P. 159.
- ²⁷ Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1232–1247 / Ed. H.B. Lee. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1971. P. 180.
- ²⁸ A short history of the ancient diocese of Exeter. P. 159.
- ²⁹ Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1247–1258 / Ed. H.B. Lee. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1971. P. 652.
- ³⁰ *Hutton E.* The Franciscans in England: 1224–1538. L.: Constable and Company, 1926. P. 90.
- ³¹ Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office: Henry III. A. D. 1266–1272 / Ed. H.B. Lee. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1971. P. 113.
- ³² Ibid. P. 39.
- ³³ Ibid. P. 113.
- ³⁴ Ibid. P. 652.
- ³⁵ *Little A.G.* The Grey Friars in Oxford... P. 14.
- ³⁶ The History of Lynn / Ed. W. Richards. Lynn: W.G. Whittingham, 1812. P. 499.
- ³⁷ A Collectanea Relating to the Bristol Friars Minors (Gray Friars) and Their Convent: together with a Concise History of the Dissolution of the Houses of the Four Orders of Mendicant Friars in Bristol / Ed. G.E. Weare. Bristol: W. Bennett, 1893. P. 31.
- ³⁸ *Moorman J.R.H.* The Grey Friars in Cambridge... P. 41.

Образ Ричарда Львиное Сердце
в контексте представлений о рыцарском идеале XIII в.:
на основе «Книги о рыцарском ордене»
Рамона Льюля

В данной статье рассматриваются события из жизни одного из самых известных правителей средневековой Англии – короля Ричарда Львиное Сердце с целью дальнейшего анализа его рыцарских качеств на основе рыцарского кодекса Рамона Льюля, датированного 1275 г. Английский король Ричард I выбран для данного исследования как яркий представитель рыцарской культуры средневекового общества, чей образ даже сейчас ассоциируется с идеальным рыцарем. Сравнение конкретных качеств Ричарда Львиное Сердце с реально действовавшим кодексом позволяет сделать заключение о том, насколько исторический образ соответствовал реальному положению вещей.

Ключевые слова: Ричард Львиное Сердце, рыцарство, рыцарский кодекс, Средние века, Западная Европа.

«Чем выше твои добродетели, тем безусловнее твой высокий долг перед Богом и людьми; если же ты поступаешь вероломно, то становишься смертным врагом рыцарства, чуждым его принципам и его славе»¹.

В истории и культуре одним из самых ярких примеров настоящего рыцаря является английский король Ричард I, более известный как Ричард Львиное Сердце. Прожив 42 года – с 1157 по 1199 г., он смог войти в историю западноевропейского средневековья как образцовый рыцарь, символ своей эпохи. Еще при жизни его сравнивали с королем Артуром, Карлом Великим и даже с Александром Македонским. Однако в процессе изучения личности Ричарда I возникает вопрос – был ли он настолько идеальным рыцарем, каким запомнился его образ? Для того чтобы разобраться в этом вопросе,

следует сопоставить основные постулаты рыцарского кодекса и реальные факты из биографии Ричарда Львиное Сердце.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что образ той или иной исторической личности в историографии и культуре часто рассматривается вне исторического контекста. В наше время все чаще можно видеть, как образы тех или иных исторических личностей выступают в качестве идеалов и образцов для подражания. В современной историографии Ричард Львиное Сердце традиционно изображается образцовым представителем рыцарского сословия, но следует поставить вопрос и о том, насколько он соответствовал рыцарским идеалам своей эпохи.

При написании данной статьи использовался один из значимых исторических источников, посвященных рыцарству и рыцарским турнирам: «Книга о рыцарском ордене» Рамона Льюля (Раймонд Луллий), написанная в 1275 г. на каталанском, французском и английском языках. Автор книги был известным каталанским миссионером, поэтом, философом и теологом. Его считают одним из наиболее влиятельных и оригинальных мыслителей европейского высокого Средневековья, кроме того, он является одним из родоначальников европейской арабистики и комбинаторики. Р. Льюль занимал должность сенешаля короля Майорки Хайме II Арагонского. Со временем он решил изменить свою жизнь, оставив двор и семью, поселился на пустынной горе Мирамар, где позже несколько его последователей основали небольшой монастырь. Рамон был абсолютно уверен в религиозной истине и разумности христианства, считая, что для обращения неверующих путем убеждения делается недостаточно. Именно эта идея в дальнейшем нашла отражение в трудах Р. Льюля. В «Книге о рыцарском ордене» автор во многом с помощью логических умозаключений и теологии указывает, как следует вести себя настоящему рыцарю, и доказывает, что этот путь единственно верный, используя метод от противного. В те времена его книга представляла собой некое пособие по рыцарству в соответствии с замыслом автора.

Среди множества научных исследований, посвященных жизни Ричарда Львиное Сердце, тема соответствия его деяний образу идеального рыцаря практически не поднимается. Книга² Р. Перну является одним из самых подробных трудов о короле Ричарде I и связанных с ним событиях. Автор книги рассказывает о всех аспектах жизни сына Алиеноры Аквитанской и Генриха II. Кроме того, в книге много внимания уделено материалам историко-географического профиля. Также автор активно использует материалы включенных в текст фрагментов прозаических и сти-

хотворных произведений современных Ричарду авторов. Режин Перну не ставит перед собой задачу ответить на вопрос: был ли Ричард Львиное Сердце идеальным рыцарем или не был, однако отношение к нему как к рыцарю прослеживается на протяжении всей книги. Исследователь освещает как положительные, так и отрицательные стороны Ричарда, и в итоге о нем складывается впечатление как о личности, которой были свойственны как поступки, достойные рыцаря, так и совершенно недопустимые деяния. Р. Перну говорит о Ричарде I как о человеке, «вполне соответствующем своему времени»³, в котором подобное поведение считалось нормой, что заставляет усомниться в существовании идеальных рыцарей в принципе.

Книга⁴ известного британского медиевиста Дэвида Никола посвящена наступлению на Иерусалим в 1191 г. войск крестоносцев под командованием четырех европейских монархов, среди которых был Ричард Львиное Сердце. Д. Николь в принципе не освещает биографию Ричарда Львиное Сердце, кроме его участия в Третьем крестовом походе как командующего наступлением на Иерусалим, поэтому трудно сказать об отношении исследователя к оценке личных качеств Ричарда I. Тем не менее данная работа затрагивает военное дело, которое являлось основным поприщем рыцарей.

Английский писатель, историк и биограф Френсис Джеймс Маклин в своей книге⁵ использует целый ряд исторических источников и исследует, какими были Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный. Чтобы разобраться в характере и поведении вышеуказанных личностей, автор анализирует биографии их родителей Генриха II Плантагенета и Алиенору Аквитанскую и далее переходит непосредственно к биографиям Ричарда I и Иоанна. Д. Маклин пишет, что Ричард был достаточно посредственным правителем, который очень мало времени уделял делам государства и практически не появлялся в Англии. В то же время крестовые походы требовали постоянного притока денег, которые король брал из государственной казны, что, в свою очередь, подрывало социально-экономическое положение в стране. С другой стороны, исследователь говорит, что при всех недостатках и неудачах Ричарда Львиное Сердце он, по крайней мере, старался жить как истинный рыцарь, подобно герою кургуазного эпоса о рыцарях круглого стола – сэру Персивалю⁶.

В книге английского писателя Дугласа Бойда⁷ ставится под сомнение благородный образ Ричарда Львиное Сердце. В целом автор биографии затрагивает все наиболее значимые этапы в жизни английского короля, а также исследует мифы и легенды, связанные

с ним. В своем исследовании Д. Бойд не отвечает на вопрос: был ли Ричард I идеалом рыцарства или нет. В то же время в работе прослеживается отношение к Ричарду как к отличному воину, который всю свою жизнь уделял большое внимание физической подготовке, рыцарской культуре и военным походам. В данной работе Ричард Львиное Сердце представлен более как хороший рыцарь, нежели как хороший король.

Прежде чем начать сравнивать события из жизни Ричарда I с «Книгой о рыцарском ордене», необходимо сказать о том, как Ричард Львиное Сердце стал рыцарем. Стоит отметить, что он никогда не был оруженосцем, как того требовало рыцарское сословие. Ричард воспитывался при дворе матери и ее владения были предназначены ему в наследство. Кроме того, сомнителен и сам обряд посвящения, в результате которого Ричард получил титул рыцаря, а также его ранний возраст – всего 14 лет. Согласно работе Режин Перну, Алиенора Аквитанская озаботилась тем, чтобы подданные ближе познакомились со своим сувереном. На Пасху 1170 г. было созвано большое собрание аристократии в Ньоре, на котором Алиенора именем своего сына отменила конфискации, наложенные Генрихом II на земли Аквитании, а также наделила привилегиями некоторые монастыри. В Пуатье на праздник Святой Троицы Ричарду во время пышной церемонии был присвоен символический титул аббата Сент-Илера⁸.

Согласно Рамону Льюлю⁹, обряд посвящения в рыцари представлял собой определенный ритуал, который имел большое значение в те времена, поскольку давал человеку титул рыцаря, уважение и почет со стороны всех сословий средневекового общества. За день до проведения церемонии будущего рыцаря облакали в белую одежду (символ непорочности). В этом одеянии новик отправлялся в церковь на исповедь и ночное бдение. На следующее утро за новиком приходили рыцари и уводили его в баню, после которой он снова отправлялся в церковь. После церкви новик отправлялся непосредственно в то место, где проводилась церемония. Церемония посвящения начиналась с освящения оружия, затем крестный отец посвящаемого вручал ему оружие в строгой последовательности: меч и шпоры, шлем и кольчуга, копьё и щит. Если по каким-то причинам человек лишался своего рыцарского звания, то у него отбирали все оружие и снаряжение. Шпоры отбирали в последнюю очередь, разрубали топором и втоптывали в землю. Посвящаемый в рыцари, читая молитвы и произнося клятву рыцаря, одевал доспехи и оружие. Церемонию завершал символический удар меча по шее новоиспеченного рыцаря. После обряда посвящения обычно

проводились пиры и турниры. Для Ричарда же данный обряд не проводился. При этом не стоит недооценивать происхождение Ричарда Львиное Сердце, которое позволяло опустить или обойти те или иные аспекты рыцарских ритуалов и обычаев.

Далее необходимо рассмотреть некоторые события в жизни Ричарда I, до того как он стал королем Англии, а именно его участие в заговорах против своего отца – короля Генриха II. Согласно вышеупомянутым авторам, Ричард осознанно участвовал в восстании против своего отца – короля Генриха II с 1173 по 1174 г. и снова в 1189 г. Получается, что, уже будучи рыцарем, он открыто участвовал в мятеже с целью свержения короля. Рамон Льюль по этому поводу пишет, что в обязанности рыцаря входили поддержка и защита его господина, будь то монарх или высокопоставленный барон¹⁰. И если народ откажется выполнять распоряжения последнего, рыцарь обязан встать на защиту правителя. В том случае если рыцарь не желает защищать своего господина в этом деле или же сам хочет его свергнуть, то этот человек не является рыцарем, т. к. не выполняет обязанностей, возложенных на него. Таким образом, истинный рыцарь был обязан быть на стороне короля в случае бунтов или заговоров, чего нельзя сказать о Ричарде.

С другой стороны, после подавления восстания Ричард I первым из братьев явился в Пуатье на прощение к своему отцу в 1174 г., а уже в 1175 г. Львиное Сердце идет походом на баронов, которые не подчинились Генриху II. Получается, что Ричард был как участником восстания, так и принимал активное участие в его подавлении, что может говорить о неустойчивости его взглядов. Стоит отметить также, что Ричард Львиное Сердце часто не был верен своему слову и слыл ненадежным человеком, за что получил прозвище «Да-и-Нет»¹¹. В то же время жизнь рыцаря подразумевала не только определенный образ жизни, но и определенный этикет. Рыцарский этикет состоял из трех основных принципов – верность данному слову и порядочное отношение к людям, защита и помощь церкви, щедрость и великодушие. Также очевидно, что Ричард I достаточно плохо разбирался в окружающих его людях, иначе как можно объяснить факт его согласия пойти против тех людей, лидером которых он являлся во время восстания.

Ричард Львиное Сердце известен также как участник Третьего крестового похода. Третий крестовый поход начался, как и все предыдущие многонациональные крестовые походы, с отдельным командованием. Но после того как в южной Турции умер германский император Фридрих Барбаросса, а король Филипп

Август вернулся домой после успешной осады Акры, остался только один высокопоставленный лидер – английский король Ричард I. Мотивы Ричарда являются предметом научных дискуссий, возможно, так же как Филипп Август, он использовал крестовые походы в целях повышения своей репутации. Фактически Ричард публично понес крест до того, как его отец умер, и его решение обеспечило ему повсеместное уважение. С другой стороны, было бы заблуждением относиться к крестовому походу Ричарда как к политическому шагу или военной авантюре. Заслуги Ричарда в Третьем Крестовом походе были суммированы Метью Беннетом¹², уважаемым историком военного дела в Средние века, чей труд был использован в работе Д. Николя: «Ричард своим авторитетом смог объединить разрозненные силы Третьего Крестового Похода, потому как он обладал харизмой и очевидными познаниями в военном деле»¹³. В «Книге о рыцарском ордене» Р. Льюль пишет, что каждый рыцарь обязан защищать, всячески поддерживать и восславлять католическую веру, покорять и подавлять неверных, которые пытаются разрушить Святую Церковь¹⁴. Именно поэтому Бог воздаст рыцарям и на этом, и на том свете. Таким образом, участие Ричарда Львиное Сердце в крестовом походе можно расценивать как поступок истинного рыцаря, независимо от того, какие у него были мотивы.

Однако не стоит забывать, что участие в такой масштабной военной кампании, как крестовый поход, требовало больших затрат на содержание армии и дальнейшее ее снабжение. В результате финансирование похода Ричарда I потребовало значительной суммы денег, сбор которой стал возможен в результате повышения налогов. Возвращение в Европу и борьба со сторонниками младшего брата Иоанна потребовали еще более высоких налогов. Согласно книге Р. Льюля, истинные рыцари обязаны были следить и поддерживать в надлежащем состоянии свои владения и угодья, чтобы у врагов и подданных не было желания идти войной против этих рыцарей¹⁵. Разумеется, растрата Ричардом государственной казны, людских и иных ресурсов на военную кампанию негативно отражалась на благосостоянии всей страны.

Если говорить об отношении рыцаря с женщинами, то в этом вопросе Рамон Льюль считал недопустимым предаваться греху сластолюбия. Кроме того, автор пишет, что рыцарей, впавших в этот грех, надлежит изгонять из общества рыцарей. Личная жизнь Ричарда Львиное Сердце до сих пор вызывает множество вопросов у исследователей. Доподлинно известно, что у Ричарда был незаконнорожденный сын – Филипп де Коньяк, но ни одного законно-

рожденного ребенка, что является прямым доказательством связей Ричарда Львиное Сердце как минимум с одной женщиной на стороне. Соответственно и эта часть биографии Ричарда I не соответствует рыцарскому кодексу, описанному Рамоном Льюлем.

Таким образом, рассмотренные постулаты рыцарского кодекса и их сравнение с отдельными событиями из биографии Ричарда Львиное Сердце позволяют говорить о том, что его образ возвышен и во многом не соответствует реальным фактам. Практически все рассмотренные факты из жизни Ричарда I свидетельствуют о том, что многие его поступки противоречили кодексу и рыцарской культуре в целом. Все, начиная с его обучения, обряда посвящения, службы и верности своему господину, заканчивая правлением страной и отношениями с прекрасным полом, не соответствовало устоям и правилам, надлежащими настоящим рыцарям. В связи с этим возникает вопрос – почему личность Ричарда Львиное Сердце так часто позиционируется как образцовый пример настоящего рыцаря? Можно предположить, что если рыцарь – это в первую очередь профессиональный воин, чье главное дело – воинское искусство и непосредственно война, то при оценке человека и его причастности к рыцарскому обществу важнейшим показателем будет именно воинская деятельность. Безусловно, рыцарская культура включала в себя не только умение быть отличным воином, но также многие другие нормы поведения и морали. Конечно, Ричард не был идеалом рыцарства, но тут можно поставить под сомнение существование идеального рыцаря в принципе. Было воинское сословие, был кодекс правил, но нельзя сказать, был ли в то время человек, способный полностью соответствовать этим правилам. Нам лишь известно, что рыцари стремились в большей или меньшей степени к недостижимому идеалу. Именно таким и был Ричард Львиное Сердце.

Примечания

- ¹ *Льюль Р.* Книга о рыцарском ордене / Пер. с исп. В.Е. Багно. СПб.: Наука, 2003. С. 79.
- ² *Перну Р.* Ричард Львиное Сердце / Пер. с фр. А. Кавтаскина. М.: Молодая гвардия, 2009.
- ³ Там же. С. 211.
- ⁴ *Nicolle D.* The Third Crusade 1191. Oxford: Osprey, 2006.
- ⁵ *McLynn F.* Richard and John Kings at War. Cambridge, MA: Da Capo Press, 2007.
- ⁶ *Ibid.* P. 482.

- ⁷ *Boyd D.* Lionheart: The True Story of England's Crusader King. Stroud: The History Press, 2014.
- ⁸ *Перну Р.* Указ. соч. С. 26.
- ⁹ *Льюль Р.* Указ. соч. С. 106–111.
- ¹⁰ Там же. С. 85.
- ¹¹ *Boyd D.* Op. cit. P. 59.
- ¹² *Bennett M.* The Composition of Crusader Hosts, 1096–1192 (unpublished paper at Reading University Extra-Mural Section, 9 March 1995).
- ¹³ *Nicolle D.* Op. cit. P. 18.
- ¹⁴ *Льюль Р.* Указ. соч. С. 82.
- ¹⁵ Там же. С. 87.

А.Н. Ларионова

«Движение за свободу и народные права» и первые проекты конституции Японии

Статья посвящена «Движению за свободу и народные права» в Японии во второй половине XIX столетия, целью которого являлось введение в стране конституционного строя и созыв парламента. Особое внимание уделено созданию первых конституционных проектов, в частности почти неизвестному в отечественной историографии «Конституционному проекту Ицукайти».

Ключевые слова: Япония, Мэйдзи, конституция, парламент, Ицукайти, Тиба Такусабуро, Трактат о пути правителя.

Отстраненность населения от решения политических вопросов, отсутствие выборного законодательного органа по примеру иностранных государств, недовольство населения проводимыми реформами или же их отсутствием – эти и многие другие факторы стали причиной развертывания после окончания гражданской войны в Японии (1868–1869 гг.) так называемого «Движения за свободу и народные права» (далее – «Движение»).

Если участники «Движения» из числа политиков были более обеспокоены потерей влияния на политической арене, последовавшей после кризиса 1873 г., то простые граждане восприняли эту кампанию как шанс выразить свой протест против действий правительства и принять посильное участие в политической жизни страны.

Необходимо отметить, что в период активного развертывания «Движения», в 80-е гг. XIX столетия, антиправительственные настроения еще не касались персоны императора. Народ и, в частности, самые радикально настроенные его элементы, видели корень

зла в центральном и периферийном государственном аппарате, но не воспринимали бедствия как результат неправильной политики самого императора. Об этом может свидетельствовать судьба заговорщиков под предводительством Симада Итиро (1848–1878 гг.), совершивших убийство видного политического деятеля Окубо Тосимити (1830–1878 гг.), – после исполнения своего замысла они сдались в руки властям, полагая, что в государстве «неправильные законы принимаются без совета с народом и император не является их инициатором»¹.

Хотя центральное правительство сетовало на то, что народ необразован и ему невозможно делегировать часть политических полномочий, реальность свидетельствовала об обратном. По всей территории страны стали образовываться местные ячейки «Движения», участниками которых преимущественно выступали крестьяне, работники местного управления, учителя и многие другие. Одна из этих групп, «Общество обсуждения науки и искусства», действующая в регионе Сантама, представляет собой характерное для того времени сообщество, объединенное общими политическими интересами.

В 1880 г. проходит 2-й съезд «Лиги учреждения парламента» (далее – «Лига») – объединения, созданного деятелями «Движения». В рамках рассмотрения различных вопросов во время съезда было выработано решение о составлении региональных проектов конституции с целью дальнейшего обмена мнениями и формирования общего текста документа. Как раз в этот момент были составлены более тридцати или, по другим данным, более сорока черновых проектов конституции.

«Общество обсуждения науки и искусства» с энтузиазмом приступило к работе, и на следующий год его участник, учитель местной школы Каннон, Тиба Такусабуру, был делегирован представлять «Конституционный проект Ицукайти» на 3-м съезде «Лиги». Однако непосредственно во время работы съезда был провозглашен императорский указ о созыве парламента в 1890 г., деятельность местных организаций была запрещена, а созданные ими конституции не были представлены. Тиба вернулся с проектом обратно в городок Ицукайти, но вскоре заболел туберкулезом и скончался, а рукопись конституции была сохранена его соратником Фукудзава Гомпати, в доме потомков которого и была найдена в 60-х гг. XX столетия.

Тиба Такусабуру – человек, именовавший себя «профессором японского права, жителем префектуры Свободы, района Независимости, деревни Духа Справедливости»². Уроженец деревни Сираха-

та региона Курихара, бывшей провинции Муцу (части современной префектуры Мияги), Тиба происходил из семьи самураев, владеющих землей («го:си»). Хотя он был старшим родным сыном главы рода, имя и землю унаследовал не он, а его старший сводный брат.

В связи с этим Тиба с ранних лет был обречен на скитания, которые в итоге и способствовали формированию его особенной идеологии. «Скиталец в физическом и душевном смысле»³ – так называет его профессор университета Васэда Кавахара Кэнтаро. Покинув родные края, Тиба стал учеником конфуцианского ученого по имени Отцуки Банкэй, но ненадолго – в 17 лет ему пришлось прервать занятия для участия в войне на стороне противников реставрации. После поражения сторонников сёгуната Тиба вернулся в родные края, но к тому моменту его учитель уже был взят под стражу. В дальнейшем он стал изучать медицину под руководством приверженца европейской науки (термин «рангаку», изначально означавший лишь «голландские науки», но в дальнейшем применимый ко всем западным учениям), а затем выбрал себе наставником представителя школы национальной науки («кокугаку»).

В дальнейшем Тиба познакомился с миссионером Русской православной церкви Николаем Касаткиным (1836–1912), представителями Римско-католической церкви и протестантами-методистами. Его поиски истины завершились в рядах идеологов «Движения», особенно распространившегося в Японии в тот период.

В это время он подготавливает черновой проект конституции (1880–1881 гг.), который в дальнейшем и будет именоваться как «Конституционный проект Ицукайти», и заканчивает свой «Трактат⁴ о пути правителя» (1882 г.) (далее – «Трактат»). Идеи, закрепленные в этих двух произведениях, не столько являются результатом творческой деятельности Тиба, сколько отображают взгляды сообщества, к которому он принадлежал: «Люди, окончившие свой рабочий день, собирались в буддийском храме и постатейно обсуждали проект конституции»⁵.

«Конституционный проект Ицукайти», составленный членами «Общества обсуждения науки и искусства», в отличие от Конституции Мэйдзи 1889 г. является одной из «конституций, составленных по частной инициативе» (японский термин «сиги кэмпо:»). Конституция состоит из пяти разделов: раздел 1 – «Император», раздел 2 – «Публичное право», раздел 3 – «Законодательная власть», раздел 4 – «Исполнительная власть», раздел 5 – «Судебная власть». Каждый раздел делится на главы, а главы, в свою очередь, на статьи, которых всего насчитывается 204.

Среди работ, использованных участниками «Общества обсуждения науки и искусства» при составлении «Конституционного проекта», значатся Конституция США 1787 г., конституции европейских стран и прочая литература, имеющая отношение к правотворчеству; «Размышления о представительном правлении» Дж.С. Милля (1806–1873), «Размышления о развитии английской политики» австралийца А.П. Хэнсмана (1834–1902), работы Г. Спенсера и другие трактаты, касающиеся политики; переводы работ И. Бентама (1748–1832), выполненные П.Э.Л. Дюмоном (1759–1829), работы Г.Э. Буассонада (1825–1910) на тему французского гражданского кодекса и другие, касающиеся законодательства; «Теория общественного договора» Ж.Ж. Руссо (1712–1778), работы А. де Токвиля (1805–1859), посвященные теме свободы, и прочие труды⁶.

Среди работ современников-японцев, которые, несомненно, также использовали участники «Общества обсуждения науки и искусства», были проект конституции «Общества поющих птиц» («О:мэйся») под руководством Нума Морикадзу (1844–1890), проект Фукути Гэнитиро (1841–1906), проект Уэки Эмори (1857–1892) и многие другие.

Закономерен вопрос, почему же исследователи особенно отмечают «Конституционный проект Ицукаити» среди других подобных документов, созданных в то время? Во-первых, этот труд демонстрирует высокий уровень образованности и политического сознания у простых людей эпохи Мэйдзи. Об этом феномене высказывалась действующая императрица Митико в 2003 г., заявив, что проекты, подобные «Конституционному проекту Ицукаити», представляют собой «редкое для мира культурное наследие»⁷. Во-вторых, по мнению многих специалистов, несмотря на несомненно больший пиетет по отношению к фигуре императора, данная конституция по содержанию мало чем уступает современной конституции Японии по своей демократичности⁸.

Мы можем предположить, что автор хотел быть услышанным государственными деятелями. Однако отсутствие упоминания о нем в официальных документах говорит либо о том, что текст эссе не был прочитан, либо еще раз свидетельствует о консервативном характере мэйдзийских преобразований: изменения происходили «сверху» и не допускалось умаления авторитета высших чинов.

Исследователь Араи Кацухиро считает, что эссе «Трактат о пути правителя» является самым важным трудом Тиба, по которому можно проследить его идеи и, следовательно, мысли других составителей «Конституционного проекта Ицукаити». Композиционно эссе состоит из восьми глав и послесловия, его части можно воспринимать как темы различных дебатов, которые проводились

в «Обществе обсуждения науки и искусства», такие как плюсы и минусы двухпалатного парламента, участие женщин в управлении государством и другие.

В своем сочинении «Трактат о пути правителя» Тиба рассуждает о сущности закона. Он считает, что помимо ограничительной силы закон обладает сакральным значением, так как он был получен человечеством в дар от Небес. Также он рассматривает его с точки зрения договора между людьми и правителем, который обязателен для исполнения обеими сторонами. Общую концепцию, представленную в «Трактате», Тиба называет «государственным договором» («кокуяку»).

Несомненно, на формирование идеи «государственного договора» повлияла теория Ж.Ж. Руссо об «общественном договоре». Вот как писал об этом сам Ж.Ж. Руссо: «Поскольку люди не могут создавать новых сил, а могут лишь объединять и направлять силы, уже существующие, то у них нет иного средства самосохранения, как, объединившись с другими людьми, образовать сумму сил, способную преодолеть противодействие, подчинить эти силы одному движителю и заставить их действовать согласно»⁹. В качестве указанного «движителя», согласно участникам «Общества обсуждения науки и искусства», и должен был выступить император.

Также Тиба рассуждает о «высшем совершенстве» правителя, которое заключается в ограничении его властных полномочий. Для народа же «высшим совершенством» является принятие ограничений его прав. Другими словами, «ограничение» в общем рассматривается автором «Трактата» как совершенство или добродетель. Эти ограничения со стороны правительства не должны быть навязаны народом, а должны быть желанны самим государем. Также и народ должен сам осознавать необходимость принятия на себя прав и обязанностей перед правителем и страной.

Вероятнее всего, Тиба Такусабуру и его коллеги были также знакомы с трудами видного представителя немецкой правовой школы Л. фон Штейна, который оказал большое влияние на развитие политической мысли в Японии и стал одним из основоположников теории «социального государства». Согласно его учениям, «любая монархия станет впредь пустой тенью, превратится в деспотию или погибнет в республике, если не найдет в себе нравственного мужества стать монархией социальных реформ»¹⁰.

Во времена создания рассматриваемого политико-идеологического эссе существовали две диаметрально противоположные точки зрения на статус государя и положение его подданных. Кратко их можно обозначить как «диктатура монарха» и «диктатура наро-

да»¹¹. Тиба отвергает оба варианта, как «не соответствующие пути правителя». Он предлагает рассматривать понятие «путь правителя» не как нечто абстрактное, а как непосредственное руководство к действию и для государя, и для его подданных.

Таким образом, в эссе «Трактат о пути правителя» Тиба, аккумулируя весь свой богатый опыт знакомства с различными политическими течениями, демонстрирует взгляд человека эпохи Мэйдзи на преобразования, проводимые в стране. Пройдя конфуцианскую школу, освоив азы национальной и западных наук, владея знаниями о синтоизме и буддизме, испытав на себе влияние христианства различного толка, такие люди эпохи Мэйдзи, как Тиба Такусабуро, стали главными действующими лицами мэйдзийских преобразований.

Безусловно, подход Тиба отличается большей либеральностью. Возможно, это было вызвано тем, что «Трактат» стал его «лебединой песней» – в период особого преследования идеологов «Движения» он, осознавая свою близкую гибель, мог не бояться знакомить читателя со своими потаенными мыслями. Конфуцианские понятия и идеалы, пересмотренные через призму европейских идей, с цитатами из классической китайской литературы и с опорой на прецеденты из истории Европы, легли в основу новой политико-идеологической концепции, где «путь правителя» должен был стать основой обновленной монархии Японии.

Участникам «Движения», принадлежавшим к «Обществу обсуждения науки и искусства», под руководством Тиба Такусабуро удалось сформировать собственную политико-идеологическую установку относительно того, какими статусом и функциями должен обладать японский монарх. Их теория была основана как на традиционных конфуцианских понятиях, таких как «путь», «Небеса», «великое согласие», «принцип», так и на зарубежных идеях, включающих в себя теории «социального государства», «естественных прав», «общественного договора» и др.

Следует отметить, что Тиба и его сторонники не занимались политической профессионально, их сфера деятельности включала в себя местное управление, образование и прочие занятия. Поэтому мы можем с определенной долей уверенности заявить, что при написании своих трудов они пользовались исключительно теми ресурсами, которые были доступны всему образованному населению Японии того времени.

При этом создатели «Конституционного проекта Ицукаи» выступали также против абсолютной власти монарха, которая мо-

жет в конечном итоге привести к деспотизму. Согласно статьям их конституционного проекта, император хотя и осуществляет контроль за всеми ветвями власти, в важнейших вопросах, касающихся благополучия страны, таких как выбор будущего наследника, финансы, военные вопросы, тем не менее должен прислушиваться к своему народу. Представители народа формируют двухпалатный парламент, состоящий из палаты старейшин и палаты выборщиков. В парламенте участники «Общества обсуждения науки и искусства» видели «консенсус» между императором и народом, способ достижения «великого согласия» – залога процветания государства.

С другой стороны, они предостерегали против диктатуры народа, наделяя императора функциями главы правительства, главнокомандующего вооруженными силами и верховного судьи. Именно путем достижения баланса между «совершенством правителя» и «совершенством народа», которые выражаются в намеренном ограничении их прав, согласно создателям «Конституционного проекта Ицукайти», можно достичь истинный «путь правителя», которому должен следовать не только монарх, но и его подданные.

Согласно «Конституции Японской империи», высшая власть в государстве формально принадлежала императору. Однако наличие «лазеек» в официальном законодательстве, таких как образование дополнительных совещательных органов при государе, его близость к военной элите, в итоге способствовала фактическому переходу власти сначала к его ближайшим советникам, а затем к военной клике.

Логичен вопрос, можно ли было избежать этого результата в случае, если бы «Конституция Японской империи» была составлена иначе, если бы при ее составлении учитывались интересы не только правящей элиты, но и простого народа? Можно предположить, что более либеральный проект конституции, наподобие того, который был рассмотрен нами, позволил бы сместить акцент с взаимодействия императора и его приближенных к взаимному сотрудничеству императора и его подданных, как это в идеале должно происходить при установлении конституционной монархии.

Согласно «Конституционному проекту Ицукайти», за императором закреплялись те же основополагающие функции, что и по «Конституции Японской империи». Различия состояли в более активной контролирующей функции парламента, который, в отличие от представления официальных идеологов, должен был следить за решениями, принимаемыми государем, редактировать представленные им законопроекты, не одобряя их принятие, отказывая императору в реализации его пожеланий, противоречащих интересам государства.

Группа мэйдзийских государственных деятелей в лице составителей «Конституции», в частности Ито Хиробуми, не считали направления общественной мысли в Европе и США, согласно которым преимущественно и была сформирована Конституция Ицукайти, приемлемыми для Японии. Основу их идеологии составляла исключительность Японии, как страны, населенной божествами, управляемой особой непрерываемой божественной династией и императором-богочеловеком. В связи с этим император наделялся неограниченными полномочиями, имел право финального решения в государственной политике.

В установлениях, посвященных основным принципам идеологии «кокутай» (дословно этот термин можно перевести как «тело государства», однако он включает в себя более глубокий идеологический подтекст, отсылая нас к древнекитайской концепции, согласно которой государство является телом, где правительство – это голова, а народ – руки и ноги¹²), сказано: «Везде, куда распространяется добродетель милосердия императора, путь подданных проясняется сам собой. Этот путь подданных осуществляется, когда вся нация, единая в сердечном порыве, служит императору... Это означает, что мы от рождения служим императору и следуем пути империи»¹³.

Эта же установка будет в дальнейшем использована японскими властями при оккупационной политике, проводимой сначала в Корее, в Китае, а затем и в остальных частях Азии. Возможно, не без ее участия сформируется чувство превосходства, которое в итоге станет одной из причин поражения Японии во Второй мировой войне.

В отличие от этого «путь правителя», о котором писали участники «Общества обсуждения науки и искусства», применим для любой страны и в нем нет базовой идеи превосходства одной страны над другой. Идеи «совершенства» правителя и его народа, «великого согласия», достигаемого между ними, и «пути правителя», приверженность которому обеспечит благоденствие всей нации, могут показаться более созидательным для дальнейшего развития государства.

При видимой тождественности статуса и функций императора, зафиксированных и в «Конституции Японской империи», и в «Конституционном проекте Ицукайти», наблюдаются отличия в базовых установках, лежащих в основе каждой из написанных статей конституций. Нам доподлинно неизвестно, как представляли авторы Конституции Мэйдзи будущее Японии. Однако институт императорской власти, возможно, смог бы избежать дальнейшей компрометации в XX столетии, если бы изначальные установки эпохи Мэйдзи выглядели иначе.

- ¹ *Мещеряков А.Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006. С. 368.
- ² *Irokawa Daikichi.* The Culture of the Meiji Period / Transl. by M.V. Jansen. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1985. P. 121.
- ³ *Кавахара Кэнтаро.* Тиба Такусабуру ни миру «гайрай сэйэнэн» ни цуйтэ но кэнкю (Рассмотрение «молодых чужаков» на примере Тиба Такусабуру) // Васэда Дайгаку. № 11/1. 2003. С. 3.
- ⁴ То, что мы здесь подразумеваем под «трактатом» или «эссе», в японском языке обозначается иероглифом с чтением «рон», имеющим значения «теория», «сочинение», «рассуждение».
- ⁵ Цит. по: *Иси Митио.* Ицукайти кэмпо: ни манабу (Учимся на Конституции Ицукайти) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.city.akiruno.tokyo.jp/> (дата обращения: 20.04.2016).
- ⁶ *Судзуки Тэцую, Куниока Такэси.* Тамэнтэкина дзию: минкэн ундодзо: но котикю ни мукэтэ «Ицукайти кэмпо: со:ан» сакусэй катэй но дзюге: ко:со: о тооситэ (О многогранном образе Движения за свободу и народные права посредством идеи проведения занятий по процессу составления «Конституционного проекта Ицукайти») / Судзуки Тацую, Куниока Такэси // Хоккайдо Кеику Дайгаку. 2013. № 63/2. С. 224.
- ⁷ Ко:го: хэйка отандзе:би ни сайси (хэйсэй нидзю:гонен) кунаи кисьякаи но сичумон ни тайсуру бунсе гокайто: (Задокументированные ответы на вопросы пресс-конференции Императорского дворца, приуроченной ко дню рождения Ее Величества Императрицы [Год 25 эры Хэйсэй]) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kunaicho.go.jp/okotoba/01/kaiken/gokaito-h25sk.html> (дата обращения: 20.04.2016).
- ⁸ *Судзуки Тэцую, Куниока Такэси.* Указ. соч. С. 218.
- ⁹ *Жан Жак Руссо.* Об Общественном договоре, или Принципы политического права: трактат. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. С. 13.
- ¹⁰ *Кочеткова Л.Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3. С. 70.
- ¹¹ *Devine R.* The Way of the King: An Early Meiji Essay on Government // Monumenta Nipponica. Vol. 34. № 1. 1979. P. 60.
- ¹² *Михайлова Ю.Д.* Общественно-политическая мысль Японии (60–80-е годы XIX в.). М.: Наука, 1991. С. 165.
- ¹³ Цит. по: Дух Ямато в прошлом и настоящем: сборник статей / Отв. ред. Л.Д. Гришелева, И.А. Латышев. М.: Наука, 1989. С. 47.

Практика чтения ежедневной прессы
в вильгельмовской Германии:
на примере анализа содержания
газеты “Norddeutsche Allgemeine Zeitung”

В статье представлен способ анализа массовых источников, таких как ежедневная пресса. Метод основан на применении социологической концепции Э. Гидденса, постулирующей рутинизацию восприятия обыденной информации. Для этого в статье рассматривается ежедневное берлинское издание “Norddeutsche Allgemeine Zeitung”, в особенности – редакционные статьи, не включенные редакцией в существовавшие в газете рубрики. Эти «экстраординарные» тексты разбивали традиционную верстку издания, обращая на себя внимание читателей, и выходили за рамки повседневного потока информации. Представленный в статье анализ тематики таких статей позволяет очертить круг вопросов, представлявших особый интерес для читающей публики вильгельмовской Германии.

Ключевые слова: Германская империя, периодическая печать, конец XIX в., рутинизация.

Исследование массовых источников, таких как ежедневная пресса, представляет собой многомерную задачу, связанную с определением круга читателей, спектра реакций на публикации и места повседневного чтения среди других практик. Последнее представляется наиболее интересным и вместе с тем сложным, поскольку требует нетривиальных подходов к работе. В качестве одного из способов осмысления отношения публики к чтению ежедневных изданий может рассматриваться социологический подход.

Социология разработала широкий инструментарий для описания специфики различных практик, который применим и в исторических исследованиях. Так, в рамках концепции, предложенной

английским социологом Э. Гидденсом, существует модель объяснения рутинной деятельности индивидов. Она фокусирует внимание на повседневной активности, выстраивая свою теорию структуризации вокруг концепции рационализации постоянного воспроизведения действий.

Гидденс постулирует включенность социальной активности в пространственно-временные рамки, которые организуют эту активность и придают ей вид последовательности действий¹. Кроме того, центральной темой теории структуризации является многообразие социальной жизни, в которой субъект и социальный объект формируются под воздействием многочисленных практик.

Согласно теоретическим построениям Гидденса, основными характеристиками деятельности являются осознанность и рационализация. Эта рефлексия позволяет индивидам выстраивать повседневное поведение, включаться в социальные практики и оценивать поступки других акторов. Вместе с тем эти процессы не являются полностью целенаправленными и произвольными. «Значительная часть того, что субъекты знают о своей деятельности и ее причинах – иными словами, их информированность и компетентность, – поддерживается на уровне практического сознания. Последнее состоит из неявно выраженных представлений акторов о том, как следует “вести себя” в различных условиях социального окружения»².

Часть этих процессов проходит в фоновом режиме благодаря рутинности и рутинизации повседневности³. Постоянство пространственно-временных координат придает социальным явлениям все более обыденный характер, и наоборот, повторяемость большинства действий в социальном мире предполагает тесную привязку к месту и времени.

Следуя логике Э. Гидденса, можно определить ежедневное чтение газет как повторяющееся рутинное действие. Однако, с одной стороны, получение новой информации требует усилий по ее осмыслению и соотнесению с комплексом уже имеющихся знаний, а с другой – само повторяющееся устройство каждого выпуска и стандартизация практики чтения лишает новизны каждое новое такое действие.

Таким образом, практика чтения ежедневной прессы не может быть полностью отнесена ни к исключительно рутинным, ни к полностью целенаправленным действиям: многое зависит от целеполагания и сопутствующих событий. Обращение к источникам позволяет придать объем этому определению. В мемуарах можно найти редкие упоминания о факте чтения прессы. Чаще всего речь

идет о событиях из ряда вон выходящих, когда указание на источник информации становится одним из способов более полно описать ситуацию.

Так, в дневниках и письмах Марии фон Ольферс, известной в конце XIX в. берлинской художницы, сохранились редкие отсылки к «газете». Так, в 1887–1888 гг. Мария внимательно следила за состоянием здоровья кронпринца Фридриха. Он находился под наблюдением врачей, главным из которых был назначен англичанин Маккензи. В связи с этим она пишет: «13 февраля. В газете хорошие новости о кронпринце, но в целом его состояние весьма удручающее и практически безнадежное. Маккензи уехал. Кронпринцессу пришлось вывести из операционной»⁴. Есть и более ранние записи о состоянии Фридриха: «Четверг, 9 февраля. ...В газете о кронпринце, очень плохо»⁵. Далее в ее письме есть такие строки: «В газетах хорошие новости о кронпринце. Рядом есть надежный источник, который говорит, что все близится к концу. Надеюсь, мучения не будут длиться долго»⁶. Позже о внезапной болезни Вильгельма I Мария узнает не из газет, а от своих знакомых: «8 марта. Император, кажется, безнадежен. Приходили граф Вальдемар и Луиза Ориола. Принесли новости. Во дворце беспокойно. Может, он не переживет и вечер»⁷. Но и тогда газеты не исчезают из поля зрения Марии, в тот же день она пишет: «Дополнительные листки с черным кантом. Глубокое бессилие»⁸.

О событиях, предшествовавших отставке Бисмарка с поста канцлера, Мария писала: «Берлин тих и безмолвен. Злые газеты ликуют, а заграница ухмыляется»⁹. Она вернулась к этой теме и в следующем письме: «Здесь, конечно, все только и говорят о Бисмарке. Версий так много, что верную отыскать практически невозможно, почти все было в газете, так что я не буду повторять. Но совершенно верно и естественно то, что две такие силы не могли долго идти рука об руку»¹⁰. В следующий раз газеты упоминаются уже в ином контексте: «Я была очень огорчена, когда прочла в газете о смерти доктора Симона»¹¹.

Определение процесса чтения газет как амбивалентного, находящегося то по одну, то по другую сторону рутинного, подтверждается и примером Марии фон Ольферс. Упоминания газет в ее дневниках и письмах очень редки, связаны с важными, быстро развивающимися и требующими множества источников событиями. Художнице даже не требовалось упоминать название «газеты», настолько естественен для нее самой и ее окружения был выбор издания. Так же естественно для нее было проглядывать не только передовицу, но и рубрику с так называемыми «персональными но-

востями» – полурекламной колонкой, где печатались объявления от всех желающих о помолвках, смертях и т. д.

За рамками типичных для каждого выпуска газеты сообщений находились редакционные статьи. Они печатались под собственным заголовком, и их появление было обусловлено конъюнктурными явлениями: громкое событие, обсуждение законопроекта в рейхстаге, выход книги. Эти статьи могли являться продолжением линии редакции по определенным вопросам. Таким образом, редакционные статьи представляли собой во многом случайное и выбивающееся из общей канвы издания явление.

Такие статьи и их логику можно рассмотреть на примере одной из консервативных газет Германской империи, проправительственной Norddeutsche Allgemeine Zeitung (далее НАЦ). Эта газета долгое время являлась «рупором» канцлера О. Бисмарка, а после его отставки в 1890 г. защищала позиции действующего правительства в целом.

В 1893 г. НАЦ напечатала три статьи, посвященные проекту Гражданского уложения¹², представленного специальной Комиссией и направленного для обсуждения в рейхстаг¹³. Первые две освещали ход работы Комиссии и давали разъяснения о сути положений, касавшихся кредитования и страхования. Третья статья касалась работы Комиссии в целом и завершения написания первых трех разделов проекта Уложения. НАЦ писала: «Для широких кругов будет небезынтересно обратить взгляд на результаты предшествовавших заседаний, поскольку эти результаты выходят за рамки чисто юридических вопросов»¹⁴.

Процесс создания Гражданского уложения шел с 1874 по 1896 г. В 1874 г. была созвана первая Комиссия по разработке проекта БГБ, в обстановке секретности проработавшая до 1887 г., когда она представила результат своей работы на суд общественности. Проект получил множество критических отзывов. Осуждению подвергались язык документа и отсылки к римскому, а не германскому обычному праву¹⁵. В результате в конце 1890 г. была создана вторая Комиссия, ее состав был значительно расширен и включал в себя не только профессиональных юристов, но и представителей партий, индустрии, экономистов.

Работа второй Комиссии была открыта для прессы. О переработке текста первого проекта НАЦ писала: «Можно с уверенностью заявить, что написание второй редакции проекта представляет собой значительный шаг вперед. Речь идет не только о языке, но и в большой степени об общем устройстве документа, которое благодаря отказу от чрезмерных определений и ненужного разде-

ления стало гораздо более стройным и ясным. ...Комиссия стремилась отдать должное не только критике, но и тем переменам, которые произошли с начала разработки первого проекта в области юриспруденции и, прежде всего, в науке и социуме»¹⁶.

Вторая Комиссия работала до октября 1895 г., а в 1896 г., после представления проекта бундесрату и рейхстагу и подписания Вильгельмом II, БГБ стал законом для Германской империи. Вступление его в силу было отложено до 1 января 1900 г. для приведения законодательных норм всех земель империи в соответствие с новым кодексом.

Таким образом, НАЦ стремилась держать своих читателей в курсе деятельности Комиссии даже тогда, когда ее работа была далека от завершения. Издание раскрывало содержание статей, язык изложения был предельно прост. Сам проект содержал только нормы и предписания, и заботу о разъяснении этих положений взяла на себя пресса. Кроме того, для НАЦ эта серия редакционных статей была также пропагандой деятельности правительства, при котором процесс разработки кодекса, тянувшийся долгие годы, значительно ускорился и подходил к завершению. Газета стремилась популяризовать деятельность правительства Л. Каприви, для которого многие социальные вопросы, в эру Бисмарка остававшиеся за скобками, стали насущными.

Другая серия редакционных статей НАЦ вышла в январе 1892 г. и была посвящена германо-швейцарскому торговому договору, вступавшему в действие с 1 февраля. В пяти статьях излагалась суть нового договора, история экономических отношений Германии и Швейцарии, внешнеэкономическая позиция Швейцарии в вопросах о пошлинах. Причиной публикации стала, по признанию самой НАЦ, критика обсуждаемого договора со стороны германской печати. Признавая ее безосновательной, издание настаивало, что «без этого договора положение дел и история торговых отношений между Германией и Швейцарией вызывают не меньше критики, и это состояние может только ухудшиться без введения договора»¹⁷.

Отсутствие единого мнения по вопросу приемлемости условий нового договора было обусловлено непрымтым процессом его подписания. Швейцария традиционно была страной, исповедовавшей принципы свободной торговли. Однако в 80-е гг. XIX в. протекционизм стран-партнеров и повышение ими пошлин привели к введению весной 1891 г. соответствующих мер и в Швейцарии. Между тем срок действия прежних соглашений между Германией и Швейцарией подходил к концу 1 февраля 1892 г.

В январе 1891 г. германское правительство предложило начать трехсторонние переговоры совместно с Австро-Венгрией по выработке торгового соглашения. С мая по август 1891 г. шли не приносящие результатов переговоры. Швейцария не намерена была отступать и возвращать более низкие пошлины. Чтобы сломить это сопротивление, было объявлено, что ни Германия, ни Австро-Венгрия не примут сепаратного соглашения. В итоге благодаря взаимным уступкам было достигнуто соглашение, устраивавшее все три стороны.

Торговые договоры между Германией, Австро-Венгрией и Швейцарией были подписаны 10 декабря 1891 г. Заключительный этап переговоров проходил в спешке: договор следовало представить на рассмотрение бундесрату и рейхстагу до окончания действия предыдущего соглашения. Такое ускоренное завершение диалога и аграриями, и промышленниками было встречено в 1892 г. жесткой критикой действий правительства. Каприви не признавал обоснованность этих упреков, соглашаясь, однако, с тем, что результаты могли быть более выгодными, если бы удалось получить отсрочку¹⁸.

Вся серия статей, как и в случае с Гражданским уложением, была направлена на поддержку курса правительства. И в том, и в другом событии важным действующим лицом был рейхстаг, который мог противостоять канцлеру. Таким образом, публикации в НАЦ преследовали и иную цель – обеспечить правительству поддержку граждан, а следовательно, и партий, лояльных руководству страны.

Обстановка в стране подвергалась анализу на страницах НАЦ не только в связи с партийными коллизиями. Несколько редакционных статей в июле 1897 г. были посвящены вопросам статистики. Первая из них, «О статистике самоубийств», демонстрировала результаты недавно опубликованного в «Статистическом ежегоднике» исследования на эту тему. Статья завершалась следующим пассажем: «Продемонстрированная для всех земель империи статистика даже в своей краткой форме представляет собой существенный вклад в понимание важного для процесса развития и роста народа явления самоубийств»¹⁹. Следующей публикацией стал обзор книги Георга фон Майра «О статистике населения». Это был большой труд по теоретической и практической статистике, выпущенный уже известным в то время исследователем и государственным деятелем. НАЦ отдавала ему должное: «Стоит отметить и выдающиеся заслуги Георга фон Майра, работа которого позволила систематизировать саму статистическую науку»²⁰. В продолжение темы НАЦ напечатала статью «О статистике доходов»²¹. В ней ос-

вещались вопросы экономического учета и анализа данных при помощи статистических методов.

История статистической науки в Германии насчитывала не одно десятилетие. Статистические ведомства в отдельных землях (Баварии, Саксонии, Пруссии) были созданы в первой половине XIX в. В 1872 г. в структуре Министерства внутренних дел было создано Имперское статистическое ведомство, которое заведовало сбором, проверкой, технической и научной обработкой и передачей статистических данных в прочие инстанции²². На рубеже XIX и XX вв. образовывались также и негосударственные статистические службы²³.

Однако в конце XIX в. статистика не была популярной и интересной широкой публике областью знания. Так описывали состояние этой науки и отношение к ней в 1910 г.: «Толстые тома мертвых цифр и сегодня не находят большого количества поклонников. Работа статистика не может ограничиваться только демонстрацией немых цифр; ученый должен дать им слово и выразить в тексте хотя бы основные результаты. Сама форма, в которой статистические результаты предстают перед публикой, может повлиять на ее громкий или незаметный прием»²⁴.

Популяризация этой науки стала одной из целей «статистической серии» редакционных статей в НАЦ. Издание стремилось продемонстрировать целесообразность применения количественных методов во всех сферах общественной жизни – от государственного управления до контроля над финансами: «Статистика сегодня необходима как для научного исследования, так и для практических целей политики и социального управления. Не менее важным представляется и углубление знаний самой статистической науки»²⁵.

Статистические сводки касались всех сфер жизни государства, затрагивали они и природные катастрофы. Провинции Германской империи регулярно сталкивались с наводнениями и другими стихийными бедствиями. Так, в июле–августе 1897 г. в Силезии и некоторых других районах прошли сильнейшие дожди, которые послужили причиной выхода из берегов многих рек. НАЦ ежедневно следила за ходом событий, печатая сводки с актуальной информацией.

Наводнения в Германии не были редкостью. На протяжении XIX в. крупных катастроф насчитывалось не менее 14. К их числу относилось и наводнение лета 1897 г.²⁶ Подробная хроника событий, изложенных с метеорологической и геологической точки зрения, была напечатана спустя год в связи с поступившим в ландтаг

Пруссии законопроектом о выделении средств на ликвидацию последствий наводнения прошлого лета²⁷.

Меры по предотвращению опустошительных катастроф такого рода велись на протяжении долгого времени. В мае 1888 г. и в начале 1892 г. были образованы комиссии по исследованию течения крупных рек империи, причин наводнений и с целью ревизии средств и мер, предпринимающихся по борьбе с ними. В качестве таких средств предлагалось строительство дамб и шлюзов, отслеживание уровня воды в реках и количества осадков²⁸.

Эти меры не смогли полностью ликвидировать угрозу наводнений, и было необходимо оказывать помощь пострадавшим регионам. НАЦ была привлечена к сбору средств и печатала воззвания благотворительных организаций. Первым свой призыв отправлять пожертвования для нуждающихся попросил опубликовать Отечественный женский союз Силезии²⁹. После в газете появилось сообщение о том, что императрица Августа Виктория и герцог Саксен-Мейнингена Георг откликнулись на призыв, поставив под ним свои подписи и пожертвовав деньги в кассу союза³⁰.

Кроме того, НАЦ призывала создать Центральный комитет помощи пострадавшим регионам, который объединил бы усилия отдельных комитетов на местах, организованных стихийно³¹. Берлинские городские власти откликнулись на этот призыв, созданный ими Комитет опубликовал собственное воззвание. Однако НАЦ отметила неорганизованность его работы: «В интересах пострадавших мы доносим до сведения наших читателей этот призыв, хотя Комитет и не выбрал из своих рядов представителя для прессы, так что сотрудничество с ним затрудняется. По причине последнего мы вынуждены отказаться от приема благотворительной помощи в пользу Комитета и ограничиться переводом приходящих к нам пожертвований по адресам местных комитетов»³².

Таким образом, газета стремилась предоставлять своим читателям актуальные сведения о ходе событий в охваченных наводнением регионах и борьбе с его последствиями. Между тем редакционные статьи о наводнении носили характер хроники, но сами по себе не имели первоочередной важности. Поэтому они помещались не на первых страницах, а также не имели полемической остроты, поскольку тема природных катастроф не принадлежала к числу приоритетных для газеты направлений.

Рассмотренные редакционные статьи представляют собой ряд экстраординарных для издания публикаций, в разное время вышедших на первый план. Нельзя сказать, что темы, которые освещались в них, были нетрадиционными для НАЦ: законотворческий

процесс освещался сразу в нескольких регулярных рубриках; торговые отношения с иностранными государствами составляли одну из важнейших тем для аналитики и полемики; вопросы партийной и внутренней политики находили место в повседневных сводках новостей; о стихийных бедствиях, пожарах, ураганах и прочих происшествиях сообщалось ежедневно. Тем не менее в свое время каждая из этих тем выходила на первый план и становилась поводом для отдельной редакционной статьи. Из этого следует заключить, что НАЦ стремилась выразить собственное мнение по этим вопросам более отчетливо и что конъюнктура требовала повышенного внимания к событиям.

Читатели, для которых ежедневное чтение утренних и вечерних выпусков НАЦ было рутинной, должны были проявить повышенное внимание к статьям, опубликованным под собственным нерегулярным заголовком, а особенно к серии статей на одну тему. Следовательно, для них происходил переход из плана рутинного, к которому относилось чтение регулярных рубрик с типичным содержанием, к плану экстраординарного, что требовало иного взгляда на издание и его содержание. Кроме того, эти экстраординарные статьи должны были становиться поводом отдельного обсуждения, что демонстрирует случай с Марией фон Ольферс в период частой смены монархов на германском престоле в 1888 г.

Такой переход от одного плана к другому выводил чтение газет за рамки повседневного, сохраняя, однако, за ним место среди традиционных практик. Сама суть прессы в конце XIX в. предполагала такого рода амбивалентность, поскольку именно она была основным источником актуальной и важной информации. Изобилие направлений и течений внутри системы ежедневных политических изданий делало каждое из них уникальным и позволяло читателям выбирать в наибольшей степени соответствовавшую его взглядам газету, вместе с тем накладывая свой отпечаток на эти взгляды.

Примечания

- ¹ *Giddens Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. С. 15–16.
- ² Там же. С. 18.
- ³ Там же.
- ⁴ *Olfers Marie von.* Briefe und Tagebücher: 1870–1924 / Margarete von Olfers (Hrsg.). Berlin: Mittler & Sohn, 1930. S. 161.
- ⁵ *Ibid.* S. 160.

- ⁶ Ibid. S. 162.
- ⁷ Ibid. S. 163.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid. S. 184. 23 марта 1890 г.
- ¹⁰ Ibid. S. 185. 1 апреля 1890 г.
- ¹¹ Ibid. S. 218. Январь 1895 г. Доктор Роберт Симон был кёнигсбергским банкиром.
- ¹² Или БГБ, нем. Bürgerliches Gesetzbuch.
- ¹³ NAZ. № 516 (03.11.1893), № 520 (05.11.1893), № 566 (03.12.1893).
- ¹⁴ NAZ № 566 (03.12.1893).
- ¹⁵ *Савельев В.А.* Гражданский кодекс Германии. История, система, институты. М.: Юрист, 1994. С. 11.
- ¹⁶ NAZ № 566 (03.12.1893).
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ *Weitowitz R.* Deutsche Politik und Handelspolitik unter Reichskanzler Leo von Caprivi 1890–1894. Düsseldorf: Droste, 1978.
- ¹⁹ NAZ № 241 (03.07.1897 г.).
- ²⁰ NAZ № 243 (05.07.1897 г.).
- ²¹ NAZ № 244 (06.07.1897 г.).
- ²² *Günther A.* Geschichte der deutschen Statistik // Mayr G. von. Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand. Bd. 1. München, Berlin: J. Schweitzer Verlag, 1911. S. 1–65.
- ²³ *Platzer H.* Organisation des statistischen Dienstes // Mayr G. von. Op. cit. S. 158–159.
- ²⁴ Ibid. S. 161–162.
- ²⁵ NAZ № 243 (05.07.1897 г.).
- ²⁶ *Pardé M.* Pluies et inondations remarquables en Europe Centrale // Les Études rhodaniennes. 1930. Vol. 6. № 3. P. 287–306.
- ²⁷ *Fischer K.* Das Sommerhochwasser vom Juli bis August 1897 im Oderstromgebiet. // Zeitschrift für Bauwesen / Hrsg. im Ministerium der öffentlichen Arbeiten. Berlin: Ernst, 1898. S. 307.
- ²⁸ Hagen. Welche Mittel gibt es, um den Hochwasser- und Eisgefahren entgegen zu wirken? // Zentralblatt der Bauverwaltung XII Jahrgang. Berlin, 1892. Nr. 38. S. 405–412.
- ²⁹ Norddeutsche Allgemeine Zeitung [NAZ]. 1897. 03.08. № 272.
- ³⁰ Ibid. 05.08. № 274.
- ³¹ Ibid. 04.08. № 272.
- ³² Ibid. 06.08. № 275.

Отто фон Бисмарк: трансформация культуры памяти

В статье рассматривается трансформация культуры памяти о выдающемся политике, дипломате, создателе Германской империи Отто фон Бисмарке. Пристальное внимание уделяется юбилеям политика, сквозь призму которых рассматривается актуализация и деактуализация его образа. Показывается, каким образом коммуникативная память о Бисмарке превращается в миф и становится основой национальной идентичности немцев. Подчеркивается, что к 200-летию юбилею политика вектор коммеморации был уже направлен в сторону истории, а не мифа. Только социальная политика Бисмарка сохранила позиции в рамках культурной памяти.

Ключевые слова: Германия, Отто фон Бисмарк, культура памяти, юбилей Бисмарка, версии коммеморации.

Забвение является принципом жизни. «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны»¹. Поэтому трансформация, обновление памяти является сутью ее бытования. По мнению Я. Ассмана, помнящая культура сознательно обращается к прошлому, ища в нем основания для своего настоящего и будущего, обретая и осознавая свой смысловой горизонт, реорганизуя прошлое под нужды настоящего². Л.П. Репина также отмечает, что историческая память – это постоянно обновляемая структура, а культурная память всегда отражает связь «транслируемого ею “знания о прошлом” с ситуацией настоящего момента»³.

Связь памяти с формированием национальной идентичности является основой вектора ее трансформации, особенно если это касается героического прошлого, великих людей, славы нации. А. Асман, цитируя Э. Ренана, размышляет об основаниях национальной идеи: «Нация, как и индивидуумы, это результат продолжительных усилий, жертв и самоотречения. ...Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) – вот главный капитал, на котором основывается национальная идея»⁴. Культурная работа социума представляет собой ряд целенаправленных действий, чтобы прошлое не было забыто и продолжало быть основой национальной идентичности. Юбилей великих личностей, например Отто фон Бисмарка, – довольно репрезентативный пример того, как происходит трансформация памяти.

Первый юбилей Отто фон Бисмарка, получивший широкое освещение в германском обществе – это 70-летие «железного канцлера». Бисмарк еще здравствует, он канцлер и он в центре коммуникативной памяти. Но еще при жизни этой личности практика коммеморации начала переходить из плоскости коммуникативной памяти в культурную. В 1885 г. была опубликована эпическая поэма Х. Хоффмейстера «Железный Зигфрид»⁵, которая «обыгрывала» биографию канцлера в контексте классического германского сюжета о Зигфриде, героя «Песни о Нибелунгах». Бисмарк уже позиционировался как легендарный герой, способный духовно возродить нацию. Общекультурное прошлое стало основой начала мифологизации «железного канцлера».

После отставки Бисмарка в 1895 г. с помпой был отпразднован его 80-летний юбилей. В ходе торжественных мероприятий мифологизация бывшего канцлера укрепилась. Кайзер Вильгельм II отправил Бисмарка в отставку и постарался предать его деятельность забвению, не желая публично и торжественно отметить его юбилей. Но германское общество, прежде всего националисты, решило иначе. Миф о Бисмарке обретает контрпрезентативную функцию, т. е. настоящее противопоставляется недавнему прошлому⁶. Баронесса Шпитценберг записала в дневнике: «Весь Берлин стоит под знаком Бисмарка. Газеты говорят только о нем, в витринах-окнах выставлены его портреты, бюсты, книги. На улицах торговцы в больших количествах предлагали мини-портреты Бисмарка, медали с его изображением, звучали сочиненные к его юбилею стихотворные здравицы»⁷. Старый канцлер получил свыше 10 000 телеграмм, много тысяч различных подарков, 450 000 открыток и писем. В эти дни на почту в Фридрихсру пришлось взять дополнительно 28 человек. Приемы и поздравления продолжались вплоть до лета.

Бисмарк принял более 50 делегаций, для 35 из них организовывались специальные поезда, перед каждой делегацией произносились заранее подготовленные речи. Это был марафон мероприятий. Но «старец из саксонского леса», как называли Бисмарка в конце жизни, все выдержал. Все эти юбилейные торжества вписываются в рамки культурной памяти, которая является частью коллективной памяти, опирающейся на социальный контекст⁸. Уже тогда сформировался круг стойких бисмаркианцев, среди них представители юнкерства, зажиточных городских слоев, обеспеченной профессуры, студенчества⁹. Именно они после смерти своего кумира стали инициаторами торжественного празднования дней рождения Бисмарка и создания сети ритуальных сооружений, связанных с его культом. До начала Первой мировой войны было построено около 500 башен. Башня символизировала единение немецкого народа и его величие¹⁰. Особо почитался «железный канцлер» среди представителей Пангерманского союза, под их влиянием происходит сакрализация кумира. С культом Бисмарка уже приходилось считаться правящим кругам.

Когда началась Первая мировая война, германское общество конструировало свою коллективную идентичность в оппозиции идентичностям врагов Германии. Культивируется бисмарковская идея – разрешать кризисные ситуации «железом и кровью». Также Бисмарк выступал как вдохновитель великих дел нации. Апеллировал к наследию Бисмарка тогдашний германский канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег, призывая нацию быть достойной великого основателя Германской империи¹¹. Все предпосылки для сакрализации и провозглашения Бисмарка основой германской идентичности сложились еще до празднования его столетнего юбилея, который стал апогеем мифологизации канцлера. В начале Первой мировой войны случилось так называемое «чудо августа 1914 года», когда «война сплотила все население Германского рейха в единую общность, основанную на национальной солидарности: были признаны те слои населения, которые до тех пор еще не стали полноправными членами нации: рабочие, социал-демократы, католики, евреи. И они продемонстрировали, особенно в первые два года войны, свою готовность интегрироваться в солидарное сообщество воюющей нации¹². Герой, который спланировал Германию – это Отто фон Бисмарк. Фигура Бисмарка была востребована в контексте определения места Германии в мире, в рамках будущего проекта Срединной Европы и, конечно, роли Бисмарка в мировой войне.

Воспоминания о Бисмарке попали в самые разные внешние накопители: в исторические труды, в отчеты о юбилейных торже-

ствах, в сообщения о школьных праздниках¹³. Всего в 1915 г. было опубликовано в Германии около 160 изданий о нем, среди них и труды историков. Вышло в свет юбилейное прекрасно иллюстрированное, но не снабженное научным аппаратом издание очерков и статей о Бисмарке «Дас Бисмарк Яр» (Das Bismarck-Jahr). Редакторами-составителями сборника выступили известные немецкие историки, биографы Бисмарка Эрих Маркс и Макс Ленц. Открывается издание статьей Э. Маркса «Бисмарк», где автор подчеркивал, что Бисмарк – это олицетворение государства и нации¹⁴ и немцы не должны забывать, что отстаиваемая им связь государства, нации, монарха и оружия, присущие канцлеру политическая воля и почитание отечества сохраняют свое значение, а иначе «мы потерялись бы в враждебном мире»¹⁵. Автором нескольких очерков являлся М. Ленц, внимания заслуживает очерк «Мировая война в фокусе мыслей Бисмарка». Историк очертил горизонт идей «железного канцлера», сделав главный акцент на роли государства в военное время. «Враги стремятся добиться разложения Германской империи, распада габсбургской монархии, раздела Турции»¹⁶, – писал М. Ленц. Именно Бисмарку немцы обязаны созданием единого сильного государства и в этом автор видит его непреходящее значение¹⁷.

В 1915 г. Э. Маркс опубликовал биографию Бисмарка, которая опиралась на опубликованную в 1898 г. книгу «Князь Бисмарк»¹⁸. Эта биография не носит столь тенденциозного характера, она живо и хорошо написана, подробно освещает все этапы жизни создателя Германской империи. Автор предварил текст книги предисловием, в котором подчеркивал, что «именно сегодня Германия хочет слышать о Бисмарке», поскольку сейчас немецкий народ ведет борьбу за существование, а юбилей Бисмарка – это всего лишь повод. Он отметил, что подготовка такой книги была внутренней потребностью, зовом души и времени. Автор признавал, что она была написана быстро, вдохновенно, «без привлечения книг», а лишь на основе подготовительных материалов его докладов, без притязаний открыть новые факты в жизни экс-канцлера и без робости повторить что-то, о чем уже известно из его прежних работ о Бисмарке. Эта книга, по мнению Э. Маркса, должна повествовать «о великих немецких переживаниях и деяниях, о великих немецких людях и героизме»¹⁹. Для Э. Маркса важен образ Бисмарка, который уже деперсонализировался и стал олицетворением немецкости (Deutschtum) и немцы «верят, – пишет автор, – что такой Бисмарк будет жить и действовать, а его величайшие деяния еще впереди»²⁰. Биография, написанная историком Э. Марксом, не претендовала

на статус научного исторического труда, она была самым автором встроена в публицистический дискурс, поскольку это было потребностью настоящего. Книга внесла достойный вклад в процесс мифологизации Бисмарка и способствовала его укоренению в культурной памяти.

«Наш Бисмарк», «Бисмарк и мы» – довольно репрезентативные названия юбилейных изданий. В 1915 г. вышли в свет десять работ с заголовком «Наш Бисмарк». В 30-страничной работе С. Шпери «Наш Бисмарк» утверждалось, что Бисмарк близкий друг каждого немца, он «объединил наше любимое отечество, сделал его большим и сильным, поэтому он есть и остается нашим Бисмарком»²¹. В отчете о состоявшемся по случаю юбилея экс-канцлера школьном празднике, который также назывался «Наш Бисмарк», были опубликованы доклады учащихся. Подчеркивалось, что Бисмарк никогда «не умрет в тебе»²². В брошюре «Наш Бисмарк» школьного учителя В. Мачулата отмечалось, что Бисмарк «никогда не умирал. Он живет в душе немецкого народа»²³. Оскар Брюссау в одноименном сочинении прославлял «железного канцлера» как «зодчего новой империи» и верил в ее силу²⁴. «Наш Бисмарк» Германа Петриха – это биография экс-канцлера, зовущая к борьбе, это текст, который в годы Первой мировой войны воодушевлял нацию. Сам автор ее назвал «померанской книгой о родине»²⁵.

Столетний юбилей Бисмарка праздновали в университетах. Консервативный историк Г. Бюлов повествовал о приуроченном к юбилею выступлении ректора университета Швейдница и назвал свое сочинение также «Наш Бисмарк». 100-летний юбилей «железного канцлера» был объявлен им «высочайшим национальным праздником»: экс-канцлер обеспечил «единство и величие немецкого народа», а истинным праздником Бисмарка станет победа Германии в мировой войне²⁶. Интеллектуалы, обращаясь к нации, призывали не только сохранить то, что было создано Бисмарком, но и развивать начинания своего кумира, имея в виду, что у Германской империи в мировой войне было ярко выраженное стремление к аннексиям. Представители разных социальных групп прославляли «железного канцлера». Все общество объединилось для служения символической фигуре по имени Отто фон Бисмарк.

Социальный горизонт германского общества и воспоминания о Бисмарке совпали. Несмотря на то что Бисмарк для тогдашней Германии – это явление недавнего прошлого, вполне уместно утверждать, что коммуникативная память о нем трансформировалась в культурную. Для нее характерны различные ритуальные действия и способы коммуникации. В честь Бисмарка проводились шествия и

возложения венков, а публикации биографий «железного канцлера» и отчетов о юбилейных торжествах являлись наиболее распространенными формами коммуникации. Общество сознательно разными способами обращалось к этой фигуре, пытаясь обрести основания для настоящего и будущего. Ключевой становится не историческая правда о нем, а то, какой смысл эта символическая фигура передает помнящей культуре. Бисмарк стал для социума военной Германии сверхактуальным персонажем, с ним связывали, если использовать терминологию А. Ассман, триумф нации, его причисляли к ее символам. «Железный канцлер» в полной мере являлся основой конструкции под названием «национальная идентичность немцев». Как заметил еще в 1913 г. ярый бисмаркианец профессор Людвиг Бернгарди, Бисмарк вдохновлял нацию на великие дела²⁷.

Двухсотлетний юбилей Отто фон Бисмарка стал свидетельством смены приоритетов. Этот юбилей не стоит считать живой опорой культурной памяти. За сто лет Германия пережила несколько тяжелых травм – поражение в Первой мировой войне, период национал-социализма, катастрофу во Второй мировой войне, раскол Германии. В 1960–1970-е годы именно на Бисмарка возложили определенную долю вины за произошедшее, а его образ обрел в коллективной памяти негативную коннотацию.

В 2015 г., в год 200-летнего юбилея «железного канцлера», вектор бисмарковской коммеморации был направлен уже в сторону истории, а не мифа²⁸. Историки не стремятся подвергнуть Бисмарка «публичной порке» или с воодушевлением культивировать его образ, они, признавая его величие как государственного деятеля, решительно отмечают все слабости созданного им рейха²⁹.

Бисмарк продолжает привлекать историков как бранденбургский джентльмен, образцовый помещик и предприниматель, виртуозный исполнитель дипломатических миссий, «белый революционер» (Генри Киссинджер), «истинный пруссак» (Эрнст Энгельберг), «“пруссак” своего века» (К. Нонн)³⁰. Однако, сравнивая объединение Германии Бисмарком в 1871 г. и современное единство, которое немцы обрели в 1990 г., историки признают, что о сходстве этих процессов говорить не приходится³¹. Что касается ритуальных (праздничных) мероприятий в честь 200-летнего юбилея Бисмарка, то общество их не организовывало. 200-летний юбилей Бисмарка не прошел мимо историков, эту тему подхватили интеллектуальные СМИ, обращались к прошлому ведущие политики, но делали это соблюдая дистанцию³².

Конечно, мемориальная культура нашла отражение в современных воспоминаниях о Бисмарке. Упрочение памяти обыч-

но связано с архивами, музеями. Руководитель фонда Бисмарка Лаппенкюпер в статье «Наследство Бисмарка. Фридрихсру как медиум воспоминания» описывает мемориальную культуру, которая сложилась в саксонском лесу – месте нахождения поместья Бисмарка Фридрихсру и его мавзолея. По мнению историка, образ Бисмарка в различных группах немецкого общества неоднозначен, поэтому путь к созданию фонда Бисмарка был долгим и трудным. Лаппенкюпер подчеркивает важность существования фонда потому, что «благодаря тесной связи выставки, музея, архива, виртуальной версии Фридрихсру» на интернет-сайте фонда и мавзолея Отто фон Бисмарка, в Европе нет лучше места памяти и познания европейской истории долгого XIX века. Руководитель фонда Бисмарка видит интерес современных поколений к Бисмарку прежде всего как к части европейской истории долгого XIX века, а не в качестве основы конструирования национальной идентичности немцев³³. Автор связывает память о Бисмарке прежде всего с развитием исторической науки и полагает, что мемориальная практика помогает преодолеть партийные барьеры и способствует научным изысканиям о Бисмарке и его эпохе.

Единственное, что в деятельности Бисмарка до сих пор сохраняет особую актуальность – это его социальная политика. В настоящее время историками не оспаривается роль Бисмарка в формировании немецкого социального государства. Как считает Ю. Кокка, национальная сплоченность немцев «отразилась в системе трудовой деятельности больше, чем в идее государственно-гражданских прав». Он подчеркивает, что три крупных закона Бисмарка о социальном страховании 1883, 1884 и 1889 гг. являлись не оборотной стороной «исключительного закона против социалистов», ставившего социал-демократическую партию вне правового поля легальной агитации, а призваны были служить национальной консолидации Германской империи. «Государственная система социального страхования рассматривалась Бисмарком как средство национальной консолидации, не случайно она была введена вскоре после возникновения Германской империи. В обосновании первого проекта закона 1881 г. о страховании от несчастных случаев было указано, что «он являлся не только долгом гуманности и христианства... но также задачей поддержанной государством политики»³⁴. По сути, историк связывает процесс создания социального государства с необходимостью укрепления национальной идентичности, что заставляет, по мнению Кокки, признать тесную взаимосвязь национального и социального государства в Германии. Политики Германии в настоящее время показывают, что они достаточно

глубоко осознают связь социальной стабильности и национальной сплоченности.

Успехи Бисмарка в создании социального государства отмечает другой германский историк В. Плумпе. Он подчеркивает реальность успеха Бисмарка в сфере социальной политики, указывает на структурный характер его социальных реформ и полагает, что они являлись прагматичными, так как были связаны с потребностями экономики тогдашней Германии, но имели очень много противников, прежде всего среди либералов и социал-демократов. Вывод автора – без Бисмарка развитие социального государства в Германии проходило бы по-иному³⁵. Как считает автор, социальные реформы Бисмарка – это не реакция на социал-демократию. Мнение, что социальное законодательство призвано было служить борьбе с социал-демократией, было инспирировано, как считает В. Плумпе, его противниками. Именно эта сфера деятельности Бисмарка при всех «но» вызывает сейчас в Германии наибольший интерес и позитивную оценку, а главное, историки переосмыслили причины, направившие внимание Бисмарка к социальному вопросу.

Отто фон Бисмарк, как пишет Ю. Кокка, «без сомнения, личность века, оказавшая долговременное воздействие на историю», но признает, что не стоит переоценивать его роль как актора³⁶. В общем и целом «железный канцлер» уже стал историческим воспоминанием. Однако Бисмарк как политик, стоящий у истоков немецкого социального государства, сохранил определенные элементы в конструкции «национальная идентичность», тем самым доказав, что успешная социальная политика способна эффективно консолидировать нацию. Но эта довольно рациональная линия коммеморации «железного канцлера» не ведет к превращению истории в миф, поскольку ценностные ориентиры современной ФРГ в XX в. претерпели существенные изменения, Бисмарк перестал быть кумиром Германии. Память о «железном канцлере» стала историческим воспоминанием, а потенциал мифического обновления полностью утрачен.

Примечания

¹ Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 20.

² Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 43.

³ Ретина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 54. М., 2016. С. 11.

- ⁴ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 65.
- ⁵ *Hoffmeister H.* Der eiserne Sigfried: eine neuzeitliche Nibelungenmär. Berlin: Decker, 1885.
- ⁶ *Ассман Я.* Указ. соч. С. 63.
- ⁷ *Kolb E.* Otto von Bismarck: Eine Biographie. München: Beck, 2014. S. 172.
- ⁸ *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 191.
- ⁹ См.: *Frankel R.E.* Bismarck's Shadow: The Cult of Leadership and the Transformation of the German Right, 1898–1945. Oxford; N. Y.: Berg, 2005.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 56–57.
- ¹¹ *Ibid.* P. 88–89.
- ¹² *Дани О.* Нации и национализм в Германии: 1770–1990. СПб.: Наука, 2003. С. 217.
- ¹³ Подробнее об этом см.: *Ростиславлева Н.В.* Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Отто фон Бисмарка // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 54. М., 2016. С. 336–349.
- ¹⁴ *Marcks E.* Bismarck // Das Bismarck-Jahr. Hamburg, 1915. S. 15.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 18.
- ¹⁶ *Lenz M.* Der Weltkrieg im Spiegel bismarckischer Gedanken // Das Bismarck-Jahr. Hamburg, 1915. S. 274.
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ *Marcks E.* Otto von Bismarck: Ein Lebensbild. Stuttgart; Berlin, 1915. Это сочинение Э. Маркса выдержало более 10 изданий. Последнее вышло в свет в 1998 г. и было приурочено к 100-летию юбилею смерти «железного канцлера».
- ¹⁹ *Ibid.* S. VII–VIII.
- ²⁰ *Ibid.* S. 256.
- ²¹ *Spörrl S.* Unser Bismarck; Zu Otto von Bismarcks 100: Geburtstag für die deutsche Jugend. Elberfeld, 1915. S. 32.
- ²² *Schreck E.* Unser Bismarck. Minden i.W., 1915. S. 15–16.
- ²³ *Matschulat W.* Unser Bismarck. Breslau, 1915. S. 3.
- ²⁴ *Brüssau O.* Unser Bismarck: zu seinem 100: Geburtstage; Deutschlands Kämpfer und Deutschlands Jugend. Potsdam, 1915. S. 26.
- ²⁵ *Petrich D.H.* Unser Bismarck: 50 Bismarckgeschichten, alte und neue aus seiner pommerischen Tagen: ein pommerisches Heimatbuch. Gütersloh, 1915. S. 106.
- ²⁶ *Bülow G.* Unser Bismarck: Festrede, gehalten bei der von der Stadt Schweidniß veranstalteten öffentlichen Bismarckjahrhundertfeier am 1. April 1915. Schweidniß, 1915. S. 3, 8.
- ²⁷ *Frankel R.E.* Op. cit. P. 79.
- ²⁸ О последних изданиях к юбилею Бисмарка см. подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Бисмарк, Германия и Россия: размышления о новейших немецких изданиях к юбилею Отто фон Бисмарка // Новый исторический вестник. № 1 (47). М., 2016. С. 101–115.
- ²⁹ Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts / Hg. von T. Mayer. Hamburg: Osburg, 2015.

- ³⁰ *Кокка Ю.* Возникновение социального государства в Германии / Пер. Н.В. Ростиславлевой // Россия и Германия: Научный гумбольдтовский журнал. 2015. № 1–2 (9–10) С. 5.
- ³¹ *Schwarz H.-P.* Reichsgründung und Wiedervereinigung. Variationen zum Thema Vergleichbarkeit und Unvergleichbarkeit von Otto von Bismarck und Helmut Kohl // Bismarck: der Monolith... S. 350–351.
- ³² *Кокка Ю.* Указ. соч. С. 5.
- ³³ *Lappenküper U.* Bismarcks Erbe. Friedrichsruh als Medium der Erinnerung // Bismarck: der Monolith... S. 255.
- ³⁴ *Кокка Ю.* Указ. соч. С. 9.
- ³⁵ *Plumpe W.* Otto von Bismarck und die soziale Frage – Überlegungen zu einem alten Thema der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte // Bismarck: der Monolith... S. 197.
- ³⁶ *Кокка Ю.* Указ. соч. С. 6.

Весеннее наступление 1918 г.
в воспоминаниях военной элиты
Германской империи

В данной статье рассматривается изображение Весеннего наступления в мемуарах представителей немецкой военной элиты. Ее источниками являются воспоминания Пауля фон Гинденбурга, Эриха Людендорфа, Макса Бауэра, Карла фон Эйнама и Вильгельма Гренера. На их основе изучаются представления высших военных чинов о предпосылках и целях кампании первой половины 1918 г., а также их мнение по поводу ее итогов и их причин. Делается вывод о наличии у большинства авторов иллюзий и заблуждений, оказавших влияние на оценки наступления и его результатов, выявляется факт отсутствия четких целей у высшего командования зимой 1918 г. и конфликт во взглядах между Гренером и остальными.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная элита, Германская империя, Весеннее наступление 1918 г.

В истории Первой мировой войны было много примечательных кампаний и сражений. Одни были подробно рассмотрены историками обеих сторон военного конфликта (например, Битва на Марне 1914 г.), другие вызывали разный интерес в странах-участниках. Весеннее наступление немецкой армии 1918 г. относится ко второй категории: оно довольно подробно разобрано в западной историографии¹, преимущественно англоязычной, однако осталось проигнорированным в отечественной исторической литературе². Отсутствие интереса со стороны советских историков легко объяснить: к моменту начала первых наступательных операций немцев в 1918 г. Россия уже вышла из вооруженного конфликта и была поглощена внутренней борьбой, поэтому ключевые события Первой мировой войны, произошедшие на Западном фронте, мало волновали ее общество.

Весеннее наступление 1918 г. было последней попыткой Германии завладеть инициативой на Западном фронте и добиться окончания войны в свою пользу. Поэтому особый интерес вызывает его изображение в воспоминаниях представителей немецкой военной элиты. Источниками статьи являются мемуары фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, полковника Макса Бауэра и генералов Эриха Людендорфа, Вильгельма Гренера и Карла фон Эйнема. На их основе изучаются следующие вопросы, связанные с Весенним наступлением 1918 г.:

1. Оценка общего положения на рубеже 1917–1918 гг.
2. Представление о целях наступления.
3. Оценка исхода наступления и причин оногo.

Перед подробным рассмотрением данных вопросов следует остановиться на определении составляющих кампании и их хронологических рамок. Само определение «Весеннее наступление» подразумевает под собой атаки на позиции союзников весной 1918 г. Однако неверно будет ограничивать его военными действиями в марте, апреле и мае. И историки, и участники войны включают в него и летние сражения, то есть все наступления вплоть до 18 июля 1918 г.³

1. Операцию «Михаэль» в Пикардии 21.03–05.04.1918 г.
2. Операцию «Георг» во Фландрии 09–29.04.1918 г.
3. Операцию «Блюхер–Йорк» на участке Суассон–Реймс 27.05–03.06.1918 г.
4. Операцию «Гнейзенау» на участке Мондидье–Нуайон 09–12.06.1918 г.
5. Наступление в рамках Второй битвы на Марне 15–18.07.1918 г.

В источниках и исторической литературе количество нанесенных немецкой армией ударов варьируется от трех до пяти. Андрей Мерадович Зайончковский⁴, генерал Людендорф⁵ и полковник Макс Бауэр⁶ выделяли три наступления: первое – 21 марта, второе – 27 мая и третье – 15 июля. То есть они включали операции «Георг» и «Гнейзенау» в состав операций «Михаэль» и «Блюхер–Йорк» соответственно. Пауль фон Гинденбург, Вильгельм Гренер, Карл фон Эйнем считали, что наступлений было четыре. Такого же мнения придерживаются авторы коллективной монографии «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации». Сторонники этой точки зрения условно делятся на два лагеря. Эйнем⁷ относил апрельское наступление во Фландрии к операции «Михаэль», а Гинденбург⁸, Гренер⁹ и отечественные историки¹⁰ не выделяли июньскую атаку на участке Мондидье–Нуайон из операции «Блюхер–Йорк». Пять наступлений упоминаются в монографии «Мировые войны XX века»¹¹. Стоит отметить, что в источниках

разнятся данные касательно окончания той или иной наступательной операции, но подобные погрешности в пару-тройку дней¹² можно списать на характер источников, так как мемуары базируются на воспоминаниях. В отдельных случаях разные даты объясняются позицией автора касательно количества наступлений.

Теперь можно перейти к рассмотрению первого вопроса. В воспоминаниях представителей военной элиты Германской империи приведены три основных обстоятельства, повлиявших на принятие решения о наступлении. Первым было истощение Германии после трех лет войны. Гинденбург, Людендорф, Бауэр и Гренер отдавали себе отчет, что положение внутри страны было очень тяжелым. Одни подробно разбирали происходящее в стране, как, например, Макс Бауэр¹³, другие ограничивались небольшими заметками или констатацией факта¹⁴. Затягивание войны грозило плачевными последствиями для Второго рейха. Пауль фон Гинденбург писал:

Откажись мы от наступательных действий, они [Антанта] могли бы еще на многие годы затянуть войну... Безусловно нашим жребием была бы постепенная смерть от истощения...¹⁵

Это обстоятельство давало немецкому командованию понять, что 1918 г. был решающим и что нужно что-то предпринимать. Вторым обстоятельством стал выход России из войны. Людендорф¹⁶ и Гинденбург¹⁷, люди, находившиеся во главе вооруженных сил Германской империи, считали, что устранение противника на Востоке создало благоприятное военное положение: немцы были избавлены от войны на два фронта и могли сосредоточить свои силы во Франции. По словам немецкого историка М. Залевски, было достигнуто то, что считалось идеальным результатом еще при Мольтке: удалось избавиться от окружения, разбить противника, занять большую часть его территорий и продиктовать ему мир, отвечавший потребностям дальнейшего ведения войны¹⁸. ОХЛ¹⁹ попыталась добиться решения на Западном фронте, так как переброска сил с Востока позволяла создать там численный перевес. Третье обстоятельство было связано с военными силами Антанты. США, вступившие в войну в 1917 г., еще не успели прислать в Европу свои основные силы. Увеличение американского контингента сводило бы на нет любые попытки немцев добиться благоприятного для себя исхода²⁰. То, что военное командование осознавало данную угрозу и принимало ее во внимание при планировании кампании 1918 г., подтверждают записи в мемуарах фельдмаршала фон Гинденбурга²¹,

генерала Людендорфа²² и полковника Бауэра²³. Также мемуары позволяют получить представление о заблуждениях и иллюзиях, распространенных в кругах военной элиты Германии. Они сильно повлияли на ход мыслей немецкого командования. Одним из господствующих было заблуждение об ужасном внутреннем состоянии стран Антанты. Мнение о том, что противник тоже находится на грани истощения своих сил и ресурсов, выражали на страницах своих мемуаров Пауль фон Гинденбург²⁴ и Эрих Людендорф²⁵. Современные историки не совсем согласны с немецкими военными. Они считают, что положение Антанты хоть и было сложным, но упрочилось со вступлением США в войну²⁶. Заблуждение насчет состояния противника породило ложное убеждение в силу морального воздействия на него и достаточности нескольких сильных ударов для склонения к миру. Логика немцев была простой: раз армии Антанты истощены войной, как и наши войска, то пара-тройка сильных ударов сможет привести их в панику, что вкупе с плохим экономическим и внутривнутриполитическим состоянием внутри стран вынудит противника запросить мира. Именно подобный ход мыслей вкупе со сложившейся ситуацией побудил немецкое командование приступить к разработке решающего наступления.

Что касается второго вопроса, то при изучении мемуаров Гинденбурга, Бауэра, Эйнема, Гренера и Людендорфа вырисовывается уникальная картина. Упрек Вильгельма Гренера в отсутствии у ОХЛ ясных представлений о целях наступления²⁷ подтверждается в тексте воспоминаний его членов – генерала Людендорфа и фельдмаршала фон Гинденбурга. Слова первого как нельзя точно передают смысл всех наступательных действий марта–июля 1918 г.:

Венцом успеха являлась операция, в которой мы могли бы полностью выявить все наши сильные стороны, и эта операция была конечной целью, к которой мы стремились. Если бы ее не удалось достигнуть первым же натиском, то мы должны были ее достигнуть при последующих...²⁸

То, что поначалу для немецкого командования самым главным было превратить позиционную войну в маневренную, завоевать оперативный простор для действий против противника²⁹, отметили и историки. Избранная для наступления тактика, при которой массированный артиллерийский удар должен был помочь пехоте занять территорию, соответствовала данной идее. Отсутствие четко поставленной цели и наличие вышеуказанных заблуждений объясняет ход первых двух операций. Конкретика появилась толь-

ко в мае, когда наступления во Фландрии и Пикардии окончились безрезультатно. ОХЛ планировало разделить французскую и британскую армии, затем разбить англичан и выйти к Ла-Маншу, чтобы помешать сообщению между Францией и Англией. Подобную мысль, но с некоторыми корректировками высказывал и Макс Бауэр, когда размышлял о том, к чему изначально должно было привести наступление³⁰. Однако из этого вряд ли можно сделать вывод о том, что полковник раньше ОХЛ додумался до подобного: мемуары Бауэра носят яркий пропагандистский характер, что свидетельствует о вероятном преднамеренном манипулировании текстом.

В последнем рассматриваемом вопросе разбираются два аспекта – оценка результатов наступления и причин, приведших к ним. Рассуждая об этом, представители военной элиты Германской империи разделились на два лагеря с противоположными мнениями. В первый входили Людендорф, Гинденбург, Бауэр и Эйнем, а во втором находился Гренер, отрицательно относившийся к затее ОХЛ. Он считал, что с каждой дальнейшей попыткой прорвать фронт противника силы немцев будут слабеть, критиковал Людендорфа и указывал на его просчеты во время сражений³¹. Результаты наступлений немецкий генерал называл успехами ради успехов. Представители первого лагеря смотрели на Весеннее наступление и его результаты под другим углом. По сравнению с кампаниями 1916 и 1917 гг. оно было очень успешным и вызвало эйфорию у ОХЛ и сторонников его идей. Судя по текстам мемуаров Гинденбурга, Людендорфа и Бауэра³², для них важнее тактических и стратегических успехов были сам факт прорыва фронта, негативное влияние на моральный дух противника и потери Антанты, превышающие немецкие. Также на положительную оценку первых четырех наступлений могло повлиять то обстоятельство, что они не приводили к критическим для немцев последствиям. Оно давало ОХЛ надежду на новый, более удачный удар. Это объясняет, почему, например, Людендорф положительно оценивает итоги операции «Михаэль», несмотря на то что она была в целом неудачной (в случае успеха дальнейшие атаки не понадобились бы). Провал наступления на Марне 15 июля 1918 г. стал тяжелым ударом для представителей первого лагеря, подпитываемых выявленными ранее иллюзиями. Его исход был однозначно определен военной элитой Германской империи как неудачный. Последствия, однако, оценивались неоднозначно. Карл фон Эйнем сразу осознал, что 15 июля стало поворотным пунктом в войне³³, а фактически возглавлявший ОХЛ Эрих Людендорф все еще придерживался своих заблуждений и только ближе к сентябрю

признал, что переломить ход войны не удастся. Что касается причин провала на Марне, то среди них назывались утрата эффекта внезапности вследствие того, что план наступления стал известен противнику³⁴, ухудшение морального духа армии³⁵, слабое физическое состояние солдат после эпидемии гриппа³⁶ и приспособление армий Антанты к наступательной тактике немцев³⁷. Среди факторов, влиявших на исход наступательных операций марта–июня 1918 г., представители военной элиты Германской империи выделяли слабость дисциплины атакующих войск, затруднения в снабжении армии³⁸ и удачное использование Антантой резервов³⁹. Такие причины, как ограниченность собственных резервов и преимущество в них Антанты или роль Фердинанда Фоша⁴⁰, начавшего осуществление тактики измора и проведение активных контратак, игравшие, по мнению историков⁴¹, довольно важную роль, либо не акцентировались, либо вообще не упоминались.

Анализ мемуаров Пауля фон Гинденбурга, Эриха Людендорфа, Вильгельма Гренера, Карла фон Эйнема и Макса Бауэра позволил сделать следующие выводы. Во-первых, представители военной элиты Германской империи достаточно трезво оценивали ситуацию, сложившуюся на рубеже 1917–1918 гг. Эрих Людендорф и Пауль фон Гинденбург, в отличие от остальных, питали иллюзии относительно внутреннего состояния стран Антанты, что оказало серьезное влияние на планирование кампании 1918 г. Во-вторых, было выявлено отсутствие четких целей наступления в его первые месяцы. Конкретика в намерениях командования появилась только в мае 1918 г., из чего следует, что основой для новых стремлений стали результаты первых двух операций. В-третьих, в среде немецкой военной элиты не было единого мнения насчет итогов Весеннего наступления и причин подобного исхода: против представителей ОХЛ и их сторонников выступил Вильгельм Гренер. Текст его мемуаров показывает, что он адекватно оценивал ситуацию и видел просчеты командования. Эйнем и Бауэр претензий к Людендорфу и Гинденбургу не имели и даже были во многом с ними согласны. Эта группа, охваченная эйфорией, вызванной первым за несколько лет значительным прорывом фронта, была склонна подчеркивать моральное воздействие на противника и его большие потери. Надежда на последующие удары позволяла Людендорфу, Гинденбургу и Бауэру не обращать внимания на отсутствие тактического и стратегического успеха. Неудача на Марне стала для этих четверых авторов шоком. Но если Карл фон Эйнем сразу осознал невозможность выигрыша в войне военным путем, то Эрих Людендорф пребывал в иллюзиях насчет этого еще некоторое время. В-четвертых, несмо-

тря на некоторые различия, мнения представителей военной элиты Германской империи имеют одно сходство: они пытались сместить акцент с ограниченности своих резервов, а также были склонны игнорировать роль Фердинанда Фоша. В заключение можно сказать, что изображение Весеннего наступления 1918 г. в мемуарах большинства представителей немецкого военного руководства является попыткой представить происходящее в выгодном свете и создать у читателя впечатление о том, что ОХЛ сделало все, чтобы выиграть войну. Единственным, кто создал в своих воспоминаниях относительно правдивую картину произошедшего весной–летом 1918 г., был Вильгельм Гренер.

Примечания

- ¹ См.: *Gray R.* Kaiserschlacht: 1918: The Final German Offensive. Oxford: Osprey, 1991; *Kitchen M.* The German offensives of 1918. Stroud: Tempus, 2001; *Stedman M.* The German Spring Offensive. L.: Leo Cooper, 2001; и др.
- ² Весеннее наступление 1918 г. рассматривается только в общих работах, посвященных Первой мировой войне.
- ³ В этот день состоялось контрнаступление союзников в рамках Второй битвы на Марне.
- ⁴ *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. М.: Эксмо, 2014. С. 368.
- ⁵ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: В 2 т. / Пер. с нем. под ред. А. Свечина. М.: Госиздат, 1923–1924. Т. 2. С. 222.
- ⁶ *Bauer M.* Der große Krieg in Feld und Heimat: Erinnerungen und Betrachtungen. Tübingen: Osiander, 1921. S. 187–191.
- ⁷ *Einem K., von.* Erinnerungen eines Soldaten: 1853–1933. Leipzig: Koehler. 1934. S. 188.
- ⁸ *Гинденбург П., фон.* Воспоминания. М.: Принципиум, 2013. С. 275, 280.
- ⁹ *Groener W.* Lebenserinnerungen: Jugend, Generalstab, Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1957. S. 434.
- ¹⁰ Первая Мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 182–183.
- ¹¹ Мировые войны XX века: Ист. очерк: В 4 т. Т. 1: Первая мировая война / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. М.: Наука, 2002.
- ¹² Гинденбург, например, считал, что второе наступление закончилось первого мая.
- ¹³ *Bauer M.* Op. cit. S. 150–160.
- ¹⁴ *Groener W.* Op. cit. S. 421; *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 261; *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 119.
- ¹⁵ *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 261.
- ¹⁶ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 114.

- 17 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 251.
- 18 *Salewski M.* Der Erste Weltkrieg. Paderborn [u.a.]: Schöningh, 2003. S. 287.
- 19 Сокращение от Oberste Heeresleitung.
- 20 Мировые войны XX века... С. 578.
- 21 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 260.
- 22 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 116, 120.
- 23 *Bauer M.* Op. cit. S. 175.
- 24 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 260.
- 25 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 119.
- 26 Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 180.
- 27 *Groener W.* Op. cit. S. 423.
- 28 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 158.
- 29 Мировые войны XX века... С. 581.
- 30 *Bauer M.* Op. cit. S. 175–176.
- 31 *Groener W.* Op. cit. S. 429.
- 32 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 172; *Bauer M.* Op. cit. S. 189.
- 33 *Einet K., von.* Op. cit. S. 188.
- 34 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 225; *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 285.
- 35 *Bauer M.* Op. cit. S. 195.
- 36 *Einet K., von.* Op. cit. S. 189.
- 37 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 283.
- 38 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 180–181; *Bauer M.* Op. cit. S. 188–189.
- 39 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 283.
- 40 Фош Фердинанд (1851–1929) – французский военный деятель, Главнокомандующий союзными войсками с марта 1918 г.
- 41 Мировые войны XX века... С. 583.

А.Д. Стрельцов

«Мы вернулись в положение августа 1914-го»:
Рурский конфликт 1923 г.
в восприятии премьер-министра ЮАС
Яна Христиана Смэтса

В публикации представлен перевод выступления британского и южноафриканского политика Я.Х. Смэтса на ужине в отеле Савой в Южноафриканском клубе 23 октября 1923 г., посвященного широкому кругу вопросов как имперской политики Великобритании, так и межгосударственных отношений в Европе. Основное внимание уделено позиции Смэтса в отношении оккупации французскими войсками Рурской области в 1923 г.

Ключевые слова: Рурская область, Германия, Великобритания, США, оккупация, репарации, либерализм, Франция, Бельгия.

Оккупация французскими войсками Рурской области Германии занимает видное место в истории международных отношений в межвоенный период. Веймарская республика, согласно Версальскому мирному договору 1919 г., была обязана выплачивать репарации странам-победительницам в Первой мировой войне. Президент Франции Раймон Пуанкаре настаивал на беспкомпромиссном выполнении положений договора. При возникновении просрочек в поставках или платежах французские войска несколько раз захватывали территории Германии. В связи с крайне сложной экономической обстановкой она не могла осуществлять выплаты в полном объеме и отставала по срокам репарационных поставок. В сентябре 1922 г. этот факт зафиксировала союзническая комиссия: Германия поставила меньше угля и телеграфных мачт, чем положено. Французское правительство использовало это как предлог для ввода войск в Рурский бассейн. К Франции присоединилась Бельгия.

Стоит отметить, что для премьер-министра Франции Раймона Пуанкаре невыполнение Германией условий Версальского мира было только предлогом для достижения своих скрытых целей. Германо-советский торговый договор, заключенный 16 апреля 1922 г., убедил французского премьера в том, что Германия ведет работу по подрыву послевоенного порядка. К тому же он был убежден, что Версальский договор ни в коей мере не ослабил немецкую экономическую мощь на длительную перспективу, скорее напротив, у рейнско-вестфальской промышленности оставалась возможность причинить Франции тяжелый экономический ущерб, бойкотировав поставки железной руды из Лотарингии. Если бы Франции удалось поставить под контроль важнейшую промышленную область Германии с ее большими запасами угля, она могла бы надеяться достичь того, в чем ей было отказано англосаксами в 1919 г.: отделения рейнской области от Германии. В этом случае Франция окончательно обезопасила бы себя от западного соседа и одновременно получила бы залог сохранения своего господствующего положения на континенте.

Захват франко-бельгийскими войсками Рурской области продолжался до лета 1925 г. и вызвал волну народного возмущения в Германии, а также экономический кризис. Правительство канцлера Вильгельма Куно призвало население к «пассивному сопротивлению»: выплата репараций прекратилась, промышленность и транспорт охватила забастовка, а предприятия и ведомства отказались подчиняться оккупантам. На них совершались нападения, они сталкивались с саботажем. Оккупационные власти отвечали карательными мерами, что привело к человеческим жертвам.

В Рурской области партии и союзы объединились в оборонительный фронт. Профсоюзы выступили за политику пассивного сопротивления оккупационным властям. Когда рейхсканцлер Куно 13 января 1923 г. выразил в рейхстаге протест против оккупации, почти все депутатское собрание встретило его слова аплодисментами¹.

При этом стоит отметить, что, оккупировав Рурскую область, Франция сама оказалась в международной изоляции: ее действия вызвали осуждение других государств – бывших союзников Франции в Первой мировой войне. Британское правительство было решительно против приобретения Францией плацдарма на левобережье Рейна, опасаясь французской гегемонии в Европе.

В 1920–1921 гг. «поле» общих интересов Великобритании и Франции было ограниченным, концепции безопасности, которых придерживались британское и французское руководство, разни-

лись по ряду важнейших вопросов: роль Германии в Европе, границы Польши и ее место на континенте, пути и методы заключения мирного договора с Турцией. Это приводило не только к англо-французским противоречиям, но и свидетельствовало об относительной хрупкости Версальского режима безопасности².

Можно утверждать, что оккупация Рурской области вызвала раскол между союзниками по Первой мировой войне: Францией – с одной стороны и Великобританией и США – с другой. Действия франко-бельгийских войск, ставшие ключевым фактором распада англо-французской Антанты и запустившие масштабные процессы «перегруппировки сил», послужили толчком к серьезной модификации Версальского режима безопасности³.

В сентябре 1923 г. новый канцлер Густав Штресеман был вынужден объявить о прекращении пассивного сопротивления. Урон экономике Германии от оккупации Рура составил от 4 до 5 млрд золотых марок. В 1924 г. был принят план Дауэса, в соответствии с которым оккупация Рурского региона завершилась. План Дауэса устанавливал новый порядок репарационных выплат Германии. Он соответствовал экономическим возможностям Веймарской республики. Одновременно Германии предоставлялся международный заем. Все это позволило начать восстановление германской экономики, побороть инфляцию и снизить безработицу.

Ян Христиан Смэтс в этот период занимал пост главы правительства ЮАС. Выходец из традиционной африканерской семьи, он проявил себя во время англо-бурской войны 1899–1902 гг., командовал крупным отрядом буров в Западном Трансваале. Поняв, что война с Британской империей проиграна, Смэтс стал одним из сторонников начала мирной конференции. В дальнейшем он проявил себя как лояльный подданный британского доминиона ЮАС. Во время Первой мировой войны Смэтс сформировал южноафриканские силы обороны, подавил восстание буров в октябре 1914 г., затем его войска захватили Германскую Юго-Западную Африку, а в 1916 г. Смэтс возглавил завоевание Германской Восточной Африки. В начале 1917 г. он был приглашен в Имперский Военный кабинет премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа.

Смэтс считал условия Версальского мира слишком тяжелыми для Германии. Он побуждал Дж.М. Кейнса написать «Экономические последствия мира» для того, чтобы объяснить британской общественности опасность Версальского договора⁴. В Париже он просил провести экономическую конференцию с целью возрождения Центральной Европы. Союзники не приняли его рекомендаций. Не были услышаны и другие предложения Смэтса: о сохране-

нии армии в Германии для поддержания порядка, о создании комиссии в Лиге Наций для определения ущерба от войны и суммы репараций.

Перед отъездом в июле 1919 г. обратно в ЮАС Смэтс опубликовал большое заявление, где изложил свое особое мнение при подписании Версальского мирного договора. Смэтс предупредил Великобританию, что она не может игнорировать страдания и анархию в Европе без увеличения опасности для себя⁵.

Аналогичной была позиция Смэтса по вопросу Рурского конфликта 1923 г., вызванного крайне тяжелыми для Германии условиями Версальского договора: Смэтс выступал за облегчение положения Германии и помощь в восстановлении ее экономики ради будущего Европы.

Речь Смэтса во время ужина в отеле Савой в Южно-Африканском клубе 23 октября 1923 г. посвящена широкому кругу вопросов как имперской политики Великобритании, так и межгосударственных отношений в Европе, и в частности событий в Рурской области. Позиция премьер-министра британского доминиона состоит в следующем: он осуждает действия Франции. Смэтс указывает на глубокую ошибочность подобной политики – она может привести к сиюминутным приобретениям для Франции, но в дальнейшем пагубно скажется на реализации идей, предложенных самими победителями в Первой мировой войне: отказ от применения силы в решении международных споров.

Перевод речи Смэтса осуществляется по следующему изданию: *Selections from the Smuts papers. Cambridge university press. Vol. 5. P. 200–205.*

Выступление Я.Х. Смэтса

Оккупация Рура – это один из важнейших вопросов, к которым я обращаюсь. С точки зрения исключительно репарационного вопроса все эксперты, с которыми я разговаривал, единогласно придерживаются точки зрения, что до тех пор, пока продолжается оккупация Рурской области, какие-либо репарационные платежи от германского правительства невозможны. Пока индустриальное сердце Германии отделено от его тела, ее правительство не может восстановить финансы и не может даже приготовиться к выплате репараций. С точки зрения именно репараций оккупация Рура должна стать незаметной, все преграды между Руром и Рейнской областью, с одной стороны, и оставшейся частью Германии – с дру-

гой, должны быть устранены, а все свободные и незатрудненные торговые связи восстановлены. Это меньшее, что должно быть сделано. До тех пор пока этот минимум не будет выполнен, все разговоры и попытки урегулирования репарационного вопроса останутся в подвешенном состоянии и не будут соотноситься с действительностью. Все вышесказанное уже достаточно важно, но это еще не все.

Оккупация Рура также может рассматриваться с точки зрения производства, которое может быть организовано оккупационными властями в уплату репарационных платежей германского правительства. Такова официальная позиция Франции. Подобная точка зрения означает, что это не просто открытая оккупация с целью оказать давление на германское правительство. Это прямая эксплуатация германской территории, что никоим образом не было разрешено Версальским договором. Она не может быть согласована с положениями договора о репарациях. Это означает подмену Францией установленных ей же самой положений, содержащихся в договоре. Если соглашения, которые сейчас пытаются выработать генерал Дегутт (Degoutte) и промышленники Рура, будут достигнуты до того, как комиссия по репарациям даст свое подтверждение, то сразу вопрос перейдет в правовое поле, поскольку только комиссия по репарациям может осуществлять выполнение положений договора (здесь и далее Смэтс ссылается на положения Версальского договора. – А.С.), а не какое-либо другое ведомство или центр силы. Французы ненавидят само слово «пересмотр» (Версальского соглашения. – А.С.) и одновременно они фактически начали пересмотр Версальского соглашения! Они навязывают другим положения, находящиеся вне и отличные от тех, которые содержатся в данном договоре. Они начали процесс, который заведет очень далеко. И мир должен немедленно осознать далекоидущие действия Франции.

Но есть и гораздо более опасный аспект, с точки зрения которого может быть рассмотрена оккупация Рура, к нему будут все в большей и большей степени обращаться в будущем. В последней переписке члены британского правительства выразили свою позицию, что оккупация незаконна. Со всем своим влиянием и ответственностью они провозгласили перед всем миром, что оккупация Рура – это нарушение Версальского договора со стороны Франции и Бельгии. Они призвали к тому, что данный вопрос должен решаться верховным судом для рассмотрения жалоб всех стран, высшим судом международного права. Их запрос не получил согласия и не получит согласия по той простой причине, что, несомненно, действия Франции и Бельгии легитимны. Если действия Франции

и Бельгии законны и соответствуют договору, то каждый подписант договора может в любой момент сослаться на нарушение договора Германией и, следовательно, осуществить вторжение на ее территорию, и заявить, что делает это в соответствии с договором. Подобная интерпретация мирного договора представляется, при внимательном рассмотрении, нечестной и неправильной.

Давайте попробуем представить важность декларации, сделанной британским правительством; вопрос, им поднятый, является основополагающим. Величайший вопрос международных отношений не только Европы, но и всего мира вышел на первый план. Мы вернулись в положение августа 1914-го. Он [Версальский договор. – А.С.] превратился в клочок бумаги. Величайший инструмент европейского урегулирования был разрушен. Мы вступили в Мировую войну, чтобы противостоять подобным нарушениям. Это нарушение служит дурным предзнаменованием для мира в Европе, где мы, спустя четыре года после войны, снова наблюдаем ту же самую ситуацию.

Британцы не сомневаются, что будут приглашены к участию в дележе добычи, захваченной в Рурской области; наши промышленники, на которых оказывается сильное давление, могут поддасться искушению и одобрить вторжение. Мой совет состоит в том, чтобы никоим образом не участвовать в Рурских событиях. Декларация британского правительства сделала невозможным для Великобритании участие в какой-либо мере или каким-либо образом в делах Рура. Позор и унижение будет выше всего, что человек может вынести. Если нам суждено участвовать в Рурских событиях, то пусть это произойдет в форме общего законного урегулирования, а не опасного варианта на случай незаконной оккупации.

<...>

В настоящий момент оккупация Рура препятствует выплате репараций. Но есть и другая опасность, о которой я хочу сказать. Я имею в виду опасность распада Германии. Есть много беспокоящих признаков этого. Германия распадается на части. Это происходит отчасти из-за врожденной слабости республиканской формы правления, установленной после войны, и отсутствия реального лидерства в Германии, отчасти из-за ошибочной финансовой политики и политики выплаты репараций, а отчасти из-за отвратительной политики Франции, которая и в районе Рейна, и на Руре, и в других местах оказала безжалостное давление, значительно более сильное, чем слабая Германия может выдержать. На Франции лежит тяжкий груз ответственности перед историей. Франция

могла бы попытаться отнестись к перспективе распада Германии невозмутимо, хотя даже с ее точки зрения это было бы близорукое видение ситуации. Но и эта страна, и малые государства, которые окружают Германию, не могут быть безразличны к судьбе Германии. Для всех них экономический и политический распад Германии стал бы величайшим, непоправимым бедствием. Для них он будет означать немедленный экономический хаос, и он бы открыл возможность для будущих политических опасностей, к которым я не вижу здесь смысла обращаться. Германия в одинаковой степени экономически и политически нужна центральной Европе, и ее полный распад потрясет и создаст опасность для всего строя в Европе в степени, намного большей, чем кто-либо сегодня может предугадать. Следовательно, в интересах этого государства, равно как и любого другого центральноевропейского государства, любым законным способом предотвратить распад Германии. Как мы можем это сделать? По моему мнению, мы можем, по меньшей мере, придерживаться той же благожелательной политики, которой эта страна придерживалась в отношении Франции после наполеоновских войн. Мы можем дать Германии моральную поддержку, которая в час испытаний будет действительно значить для нее очень многое, возможно, все. Недостаточно просто ханжески высказывать ей благие пожелания. Положение, которое Британская империя занимает в мире, дает ей право авторитетного голоса в европейских делах. И наша задача состоит в том, чтобы утвердить эту значимую позицию и понять, что подобное положение дел, не будучи, несмотря на наши усилия, принято во внимание, глубоко затронет и вопросы промышленности, и вопросы политических отношений в этой стране, приведет к хаосу на континенте. Мы должны приложить все усилия, чтобы объяснить всем, кого это может касаться, дружелюбно и с максимальной ясностью, что в конечном итоге страна, которую этот вопрос затронет, будет оценивать его с точки зрения своих интересов и предпримет любые необходимые шаги, несмотря на то что это может повлиять на дружественные отношения, имевшиеся с другими странами в прошлом.

Оценивая сегодняшние мрачные известия, можно почти прийти к заключению о том, что сейчас уже слишком поздно спасать Германию от распада и, по меньшей мере, от временного исчезновения. И все же, я думаю, подобный взгляд на происходящее заведет слишком далеко. Даже сейчас я не отчаиваюсь. Решительная и непреклонная дипломатия даже сейчас смогла бы сотворить чудо. И если (я на это надеюсь) Германия обратится в последний раз с отчаянной просьбой о сострадании к победителям в Великой вой-

не, я верю, что великая империя, не колеблясь ни секунды, откликнется на это обращение и использует свою дипломатическую мощь и влияние, чтобы поддержать ее и предотвратить бедствие, которое стало бы безмерно более опасным для Европы и для всего мира, нежели случившееся шесть–семь лет назад крушение Российской империи. Как бы там ни было, то, что мы делаем, должно быть сделано быстро, до того как кризис перешел в острую фазу.

Напоследок я бы хотел сказать несколько слов по вопросу задолженности союзников, который очень тесно связан с вопросом репараций. На эту страну оказали очень сильное давление, дабы заставить отказаться от всех ее требований в отношении союзников; так же сделала и Америка. В этом я также вижу общее стремление к удовлетворительному решению одновременно и с нашей стороны, и с позиций Америки, и не буду вдаваться в детали. И все же я бы настаивал на одном пункте, который, как мне представляется, имеет основополагающее значение. Не позволяйте нам, исходя из ошибочных соображений великодушия, использовать предоставленную нам помощь на дальнейшую милитаризацию европейского континента. Его жители уже начинают сильно тревожиться из-за вооружений Франции – на земле и в воздухе. Плюс к этим вооружениям, правительство Франции также предоставило большие суммы малым европейским государствам, окружающим Германию, главным образом с целью разжечь их хищные милитаристские аппетиты. Существует опасность политики чрезмерной щедрости с нашей стороны или со стороны Америки, которая позволит Франции еще более эффективно субсидировать и поощрять милитаризм на континенте. Если с нашей стороны будет проявлено великодушие, то пусть будет приостановлено развитие милитаризма на континенте. Если все останется по-прежнему, то эта страна (Великобритания. – А.С.) скоро будет вынуждена возобновить перевооружение в силу явной необходимости самообороны. Будет чудовищно, если ее великодушие приведет только к тому, что ее соперники окажутся в более благоприятном положении для агрессии. Не следует призывать этих людей платить за милитаризацию на континенте. Мир был основан на идее разоружения, и соглашение в рамках Лиги Наций создало условия для ее реализации. Мы продемонстрировали добрую волю в разоружении, почти переступив порог безопасности. Пусть добрая воля сопровождает проведение этой политики, и пусть Америка и Великобритания используют свое положение кредиторов, чтобы способствовать этой политике разоружения, которая столь важна для благополучия Европы и для мира во всем мире.

Прежде чем закончить, я прошу разрешения сказать несколько слов в адрес Франции. Для Франции у меня также есть послание. Многое из того, что я сказал в этот вечер, могло прозвучать как обвинение политики Франции. И по сути дела это так. Но в то время как я глубоко не согласен с политикой правительства Франции, я испытываю глубокую симпатию к жителям Франции. Французы искренне верили, что получают репарации с помощью Рурской авантюры и, когда они вступали в эту авантюру, у них не было обдуманного намерения разрушить Германию. Я понимаю, что согласие Франции с Версальским мирным договором было получено только благодаря обещанию, данному Великобританией и США заключить договор о гарантиях, и нарушение этого обещания сильно унизило французов и вызвало у них чувство, что их покинули. Неудивительно, что, как следствие, они в ответ приступили к осуществлению политики силы. Но это бесплодная политика. Обнаживший меч не может быть в безопасности. И к тому же оказывается, что бремя доминирования в Европе – слишком тяжелая ноша. Франция знает из своей истории и из своих недавних страданий, что есть более великодушный путь решения проблем, и мы всем сердцем надеемся, что она вернется на этот путь. Даже сейчас либерализм во Франции очень живуч, хотя его голос более не звучит, и он не имеет реальной силы. И либеральная часть французского общества знает, что пакты о гарантиях не так сильны, как содружество либеральных идеалов. В темный период, в который Европа сейчас вступает, для Франции [будет] намного безопаснее в компании либеральной Англии и Америки, чем во всех белых и черных легионах, которые она сейчас собирает, и во всех нестабильных комбинациях (союзах), которые ее правительство сейчас старательно выстраивает в Европе... Нельзя быть патриотичным французом, не будучи хорошим европейцем. Пусть она в день своей победы и величия не забудет свою историческую миссию защитника либеральной традиции в Европе. Отказ от этой горделивой позиции, и место во главе реакции в Европе стало бы поражением и бедствием, большим, чем Европа знала за всю свою историю. Это может вызвать бедствие для либеральной части Европы с необратимыми последствиями. И я буду умолять ее (Францию. – А.С.), ради ее блага вернуться к тем ценностям, которых она придерживалась в прошлом, и снова стать великим лидером в продвижении либеральной идеологии на Континенте.

Я закончил... Моя цель состояла не в том, чтобы быть почитателем деятелей или правительств, а в том, чтобы отстаивать мотивы гуманности, ради которых мы принесли неисчислимые жертвы в

период Великой войны. Эти мотивы являются частью вопросов репараций и Рура. Они включают в себя главный вопрос, который находится в корне всей проблемы: будет ли у нас мир, основанный на законе и справедливости. Во имя идеала мира, основанного на добросовестном соблюдении международного права и договорных обязательств, были принесены бесчисленные жертвы. Ради него миллионы молодых людей сражались и умирали. И основополагающий вопрос для нас, тех, кто остался в живых, и кто несет сегодня ответственность, состоит в том, будет ли эта жертва полностью напрасной, или, благодаря нашей честной и храброй поддержке, она создаст наше будущее. Будущее мира зависит в большой степени от ответа, который даст на этот вопрос поколение нас, ныне живущих.

Примечания

- ¹ *Винклер Г.* Веймар, 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОС-СПЭН, 2013. С. 225–227.
- ² *Магадеев И.Э.* Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы: автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2012. С. 17.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ История Африки в биографиях / Под. ред. А.Б. Давидсона. М.: РГГУ, 2012. С. 360.
- ⁵ *Ходнев А.С.* Ян Христиан Смэте – южноафриканский политик и философ // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 153–154.

О влиянии консерватизма,
либерализма и социал-демократизма
на общественно-политическое развитие Канады

Статья посвящена влиянию политических идеологий на общественно-политическое развитие Канады в контексте прошедших в этой стране парламентских выборов в 2015 г. Особое внимание уделяется консерватизму, либерализму и социал-демократизму, а также в целом канадской двухпартийной системе и ее особенностям.

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, социал-демократизм, парламентские выборы, партии, С. Харпер, Д. Трюдо.

Прошедшие в 2015 г. парламентские выборы в Канаде представляют собой интересный пример влияния политических идеологий консерватизма, либерализма и социал-демократизма на общественно-политическую жизнь такого высокоразвитого государства, как Канада. Необходимо отметить, что это воздействие является отнюдь не одинаковым и не однородным, в зависимости от степени влияния каждой из идеологий и ее популярности среди избирателей.

В этой связи в данной статье мне хотелось бы высказать некоторые обобщающие мысли по вышеупомянутой теме.

Во-первых, победа Либеральной партии во главе с Джастином Трюдо на парламентских выборах 19 октября 2015 г. и получение ею 39,47% голосов и абсолютного большинства, состоящего из 184 мест в палате общин, подтвердила тенденцию существования в Канаде классической двухпартийной системы англосаксонского типа, когда одна партия находится у власти, а другая – в оппозиции к ней¹. Необходимо отметить, что эта тенденция является неизменно стабильной на всем протяжении развития канадского государства

и, особенно, в его новейший период. Общенациональные предпочтения канадских избирателей таковы, что они не допускают к власти со второй половины XIX в. ни одну из других политических партий, кроме Либеральной и Прогрессивно-консервативной, а с 2003 г. – Консервативной. Даже в самые непростые и напряженные моменты развития канадского государства, например с 1993 по 2006 г., электорат четырежды, в 1993, 1997, 2000 и 2004 гг., приводил к власти Либеральную партию во главе с Ж. Кретьеном и П. Мартином, не доверяя ни правоконсервативным Партии реформ и Канадскому консервативному альянсу реформ во главе с П. Мэннингом и С. Деем, отвечающим исключительно интересам провинций канадского Запада, ни Квебекскому блоку, реализующему интересы франко-канадской провинции Квебек². Напротив, в 2006 г., оценив всю компетентность и серьезность намерений новой Консервативной партии во главе со С. Харпером по управлению канадским государством на общенациональном уровне, избиратели последовательно привели ее к власти в результате прошедших всеобщих выборов.

Таким образом, ни националистические, ни региональные интересы отдельных субъектов канадской федерации не смогли подвергнуть эрозии политический процесс в Канаде, строящийся исключительно на взаимодействии консерваторов и либералов на общенациональном уровне, и их последовательной смене у власти, пусть даже со значительными временными интервалами. Канадские избиратели предпочитают мирный и эволюционный путь развития государства, без социальных потрясений, радикальных подходов и методов. Именно такой путь общественного развития ассоциируется у них со второй половины XIX в. исключительно с политической практикой консерваторов и либералов.

Наоборот, в отдельных субъектах канадской федерации велика роль других политических партий, зачастую стоящих на позициях консерватизма, либерализма и социал-демократизма, однако отвечающих исключительно региональной специфике и предпочтениям избирателей. Например, во франкоязычной провинции Квебек местная двухпартийная система основывается на попеременном нахождении у власти Квебекской и Либеральной партий, в то время как провинция Онтарио представляет собой уникальный пример трехпартийной системы, где в 80–90 е гг. XX в. новые демократы, либералы и консерваторы последовательно сменяли друг друга у власти. В свою очередь, избиратели провинций Альберта, Манитоба, Саскачеван, Британская Колумбия в течение длительного времени отдавали предпочтение Партии Реформ и Канадско-

му консервативному альянсу реформ, которые, с их точки зрения, усиливали влияние канадского Запада в политическом процессе в Канаде.

Таким образом, тенденция приверженности канадских избирателей традиционной двухпартийной системе англосаксонского типа является долговременной и определяет характер политической системы Канады.

Во-вторых, итоги парламентских выборов 2015 г. свидетельствовали о том, что НДП, несмотря на все усилия, не удалось прийти к власти в общенациональном масштабе. Она не смогла стать реальной политической альтернативой консерваторам и либералам. Получив 19,71% голосов избирателей и 44 места в палате общин во главе со своим новым лидером Т. Малкером, по сути дела, новые демократы возвратились к результатам парламентских выборов 1984 и 1988 гг., когда под руководством талантливого лидера Э. Бродбента они смогли получить 18% голосов и 30 мест в палате общин в 1984 г. и 20% голосов и 43 места в палате общин в 1988 г.³

Новые демократы также не смогли развить свой предшествующий успех парламентских выборов 2011 г., когда во главе с профессиональным и харизматичным Д. Лейтоном им удалось получить 30,6% голосов избирателей и 103 места в палате общин⁴. В целом необходимо констатировать, что существующая с 1961 г. Новая демократическая партия, имеющая среднюю поддержку канадских избирателей на уровне 18–20%, остается партией постоянной оппозиции, несмотря на перечень постоянных усилий, который предпринимался Э. Бродбентом и Д. Лейтоном – лучшими лидерами в истории партии.

В чем же состоят причины вышеупомянутых неудач НДП? Думается, что они связаны не только с тем, что новые демократы не могут полноценно довести левоцентристскую повестку дня до канадских избирателей. Глобальная причина неудач новых демократов заключается в особенностях политической культуры Канады. В этой связи необходимо отметить, что идеи социал-демократизма не разделяются большинством избирателей Северной Америки. Социал-демократизм в Канаде, к сожалению, воспринимается как радикальная политическая идеология развития канадского общества, противостоящая либерализму и консерватизму, не отвечающая интересам значительной части электората. Поэтому те или иные корректировки предвыборных программ новых демократов, вносимые их лидерами накануне тех или иных парламентских выборов, не приносят должных результатов. Необходимо отметить,

что в этой связи успех новых демократов на парламентских выборах 2011 г. явился временным явлением, объяснимым скорее политическим непрофессионализмом предшествующего лидера Либеральной партии М. Игнатьева, нежели кардинальным прорывом к избирателям канадских социалистов.

В этом плане Канада, как бывшая английская колония, оказалась более приверженной консервативно-либеральной идеологии, нежели бывшая метрополия – Великобритания. Если в Великобритании правящие политические элиты, и прежде всего консерваторы, согласились на передачу власти в 1924 г. Лейбористской партии и тем самым способствовали формированию первого лейбористского правительства Дж. Макдональда, а затем благосклонно отнеслись к нахождению у власти второго лейбористского правительства Дж. Макдональда в 1929–1931 гг., то в Канаде ситуация складывалась с точностью до наоборот. В послевоенный период новые демократы скорее воспринимались как третья оппозиционная политическая сила, не являющаяся реальной общенациональной альтернативой. Опыт успешного нахождения у власти в Европе социалистов, и прежде всего английских лейбористских правительств К. Эттли в 1945–1951 гг., Э. Блэра и Г. Брауна в 1997–2010 гг., президентств Ф. Миттерана во Франции в 1981–1995 гг., канцлерств Г. Шредера в Германии в 1998–2005 гг., не принимался во внимание канадскими избирателями. Одновременно политическая практика некоторых государств Британского содружества наций также не принималась во внимание. В данном случае необходимо упомянуть Австралийский союз, где с 1904 г. Лейбористская партия, наряду с Либерально-аграрной коалицией, является составным компонентом двухпартийной системы, последовательно управляющим страной в 1908–1909 гг., 1910–1913 гг., 1914–1917 гг.; а также в 1941–1949 гг. в годы премьерств Д. Кертина и Б. Ченли, в 1972–1975 гг. под руководством Г. Уитлэма; премьер-министров Б. Хоука в 1983–1991 гг. и П. Китинга в 1991–1996 гг.; премьер-министра К. Радда в 2007–2010 и 2013 гг.⁵

В то же время конкуренция австралийских лейбористов с Либерально-аграрной коалицией обернулась их долговременным пребыванием в оппозиции с 1949 по 1972 г., что явилось также проявлением стабильности австралийской двухпартийной системы англосаксонского типа.

Поэтому, подытоживая принципы социал-демократии применительно к канадским реалиям, необходимо отметить, что, к глубокому сожалению, они не поддерживаются большинством

избирателей в общенациональном масштабе, которые останавливают свой выбор на консерваторах или либералах. Глубокая боязнь какого-либо даже незначительного поворота к принципам социал-демократии, ассоциированного с нестабильностью, радикальными изменениями и т. д., определяет политические предпочтения канадских избирателей, на общенациональном уровне связанные исключительно с консерваторами или либералами.

В-третьих, парламентские выборы 2015 г. привели к поражению Консервативной партии во главе со С. Харпером, которая получила 31,89% голосов избирателей и 99 мест в палате общин, уступив место Либеральной партии, которая стала правящей⁶. Однако данное поражение не явилось для канадских консерваторов критическим, как это было ранее в канадской истории, например, в 1993 г.⁷ Оно определялось следующими обстоятельствами: прежде всего, некоторой усталостью канадского электората от Консервативной партии, которая находилась без перерыва у власти с 2006 г., однако была очень успешной в своей проводимой внутренней и внешней политике.

Таким образом, влияние консерватизма, либерализма и социал-демократизма на общественно-политическую жизнь Канады не является одинаковым и однородным. На примере прошедших парламентских выборов 2015 г. можно сделать вывод о том, что канадские избиратели являются более восприимчивыми к политическим идеологиям либерализма и консерватизма, которые ассоциируются у них с традиционной англосаксонской двухпартийной системой. В то же время социал-демократические убеждения не находят поддержки среди большинства канадских избирателей, что является коренным отличием от восприятия этой же идеологии электоратом в странах Европы.

Примечания

- ¹ См. анализ парламентских выборов в Канаде: *Евтихевич Н.А., Израелян Е.В.* Канада после парламентских выборов [Электронный ресурс] // URL: <http://geopolitics.by/analytics/kanada-posle-parlamentskih-vyborov> (дата обращения 04.04.2016).
- ² См.: *Комаров А.Н.* Канадские консерваторы: от оппозиции к власти: 1990–2010-е гг. М.: РГГУ, 2014. С. 67–93.
- ³ См.: *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1988. Ottawa: Carleton Univ. press, 1989. P. 46–47.

- ⁴ См.: *Комаров А.Н.* Победа на всеобщих выборах в Канаде в 2011 г. как завершение приспособления Консервативной партии к современности // Американский ежегодник. 2012. С. 276–288.
- ⁵ См.: *Бромлей Ю.В.* Страны и народы: Австралия и Океания. Антарктида: Научно-популярное географо-этнографическое издание: В 20 т. М.: Мысль, 1981. С. 16–20; The Australian Labour Party [Электронный ресурс] // URL: <http://www.alp.org.au> (дата обращения: 10.04.2016).
- ⁶ Canadian Federal Election, 2015 [Электронный ресурс] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Canadian_federal_election,_2015 (дата обращения: 10.04.2016).
- ⁷ См.: *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010. С. 185–209.

Abstracts

E. Bulycheva

The organising and financing of Aphrodite festivals in Athens and the Northern Black Sea in the V–IV B. C.

The purpose of the article is to consider the system of organising and financing Aphrodite festivals in Athens and the Northern Black Sea in the V–IV B. C. The important source is the epigraphical material. The text of the inscriptions allows to study how the festivals were organized and financed. The festivals played an important social role and promoted citizens consolidation as well as their responsibility towards the polis.

Key words: inscriptions, Athens, Northern Black Sea, celebrations, Aphrodite, polis, citizens.

M. Birkin

Notion about active and contemplative life.
From Plato to Christian patristics

In the article there is an attempt to outline the sense and basic evolutionary trends for two key notions: *vita activa* and *vita contemplativa*; an active strenuous life is meant by the first one and a contemplative life – by the second. The essentials of those notions were formulated in the Plato's and Aristotle's philosophies influenced by civic (polis) values. Then they were partially evolved in Roman culture, in the texts by Cicero and Seneca the Junior and some others. But the direct parallels of Greek βίος πρακτικός and βίος θεωρητικός were not formulated in the Roman tradition till the period of patristics. Augustine of Hippo formulated the new sense of *vita activa* and *vita contemplativa*, which corresponded to the Christian notion of the world.

Key words: βίος πρακτικός, βίος θεωρητικός, *vita activa*, *vita contemplativa*, Greek city-state (polis), Roman civitas, patristics, Christianity, Augustine of Hippo.

C. Chernetskaya

Reading practice in Wilhelmine Germany.
Based on content analysis of the newspaper
“Norddeutsche Allgemeine Zeitung”

The article is concerned about the method of analysis of mass sources, such as for example daily periodicals. This method is based on the idea of British sociologist A. Giddens about routinization of perception of trivial information. To this end the article considers the German daily newspaper “Norddeutsche Allgemeine Zeitung” in particular its regularly published editorial articles, which were placed outside of usual columns. Those “extraordinary” texts were breaking familiar layout of the edition by attracting readers’ attention and were going outside daily information flow. Theme variety of such editorials, analyzed in the article may demonstrate range of issues, which were relevant for reading public of Wilhelmine Germany.

Key words: German Empire, periodicals, end of the XIX century, routinization.

A. Chernykh

The political contradiction within
the Gallo-Roman elite of the Vth century A. D.
in view of late Antiquity sources

This article considers the situation related to political mood fluctuations among Gallo-Roman aristocracy in the Vth A.D. against the crisis of institutions in Western Roman Empire. Analysis main source (the letter of Sidonius Apollinaris) shows that in condition of comprehensive crisis of the Vth century A. D. a weakening of the central government leads not only to strengthening the regional Gallo-Roman elite, but also to evident searching for the new political orienteers. Author of this article, basing himself on the accusation of Arvandus, makes a hypothesis about existence of contradictions among Gallo-Roman elite caused by appearance of the first barbaric kingdoms as well as the traditional attraction to emperor’s authority.

Key words: Western Roman Empire, Roman Gaul, Gallo-Roman elite, Visigoths, Burgundians, Arvandus.

I. Ermolova

The Barbarian's settlements in the Roman Empire

The author of this article tries to examine the ways and methods of the newly arrived tribes' integration in the Roman empire. An analysis of sources shows, that in the IV–V the prolonged practice of barbarian's subjection and integration into the Roman legitimacy could not be carried out fully. Because of barbarians' pressing scale and weakening of the state Rome was forced to leave for a part of migrants an immense share of independence in the Roman territory what had detrimental impact upon the subsequent history of Rome.

Key words: Roman Empire, barbarians, foederati, tributarii, dediticii, territory.

T. Gvozdeva

The Panathenaic festival in the comedies by Aristophanes

In this article we are talking about the Panathenaic festival, which was the main event of the Athenian Polis. And although Aristophanes comedies did not directly address Panathenaia description, they reflected main elements of the festival (procession, the peplos, the sacrifice) and the Panathenaic games.

Key words: Greater Panathenaia, Panathenaic games, Aristophanes, pirrhic, a torch run, the Panathenaic peplos.

A. Komarov

About the influence of conservatism, liberalism and social democracy on the political development of Canada

This article is devoted to the influence of political ideologies on the political development of Canada with regard to the parliamentary elections of 2015. In particular, the author draws reader's attention to the conservatism, liberalism, social democracy as well as in general the Canadian two-party system and its specific features.

Key words: conservatism, liberalism, social democracy, parliamentary elections, parties, Steven Harper, Trudeau.

E. Koroleva

The 1918 spring offensive in the memoirs of the German Empire military elite

The article is devoted to the 1918 Spring Offensive, description shown on the pages of German Empire military elite memoirs. Those of Erich Ludendorff, Paul von Hindenburg, Max Bauer, Wilhelm Groener and Karl von Einem are the sources for the author. On their basis the research of the higher military ranks visions of premises for and objectives of the first half of 1918 campaign, as well as their opinion about its outcome and reasons for such outcome is carried out. It is concluded that most of them had illusions and misconceptions that influenced their evaluation of the offensive and its results. It also reveals the absence of the clearly defined offensive's aims among the members of the German Supreme Headquarters and the existence of the dispute between Groener and the others.

Key words: World War I, military elite, German Empire, 1918 Spring Offensive.

M. Lapshinov

The image of Richard the Lionheart in the context of thinking of the chivalric ideal of the 13th century. Based on "The Book of the Order of Chivalry" by Ramon Llull

This paper is focused on the life of Richard the Lionheart, one of the most famous kings of medieval England, for analysing his knightly qualities resting on "The Book of the Order of Chivalry" by Ramon Llull, dated 1275. The king Richard I of England was chosen as a bright representative of the knightly culture, of medieval society his image even now is associated with the perfect knight. Comparison of the specific qualities of Richard the Lionheart with the actually-existed code allows for the conclusion of how a historical way corresponded to the real situation.

Key words: Richard the Lionheart, chivalry, knightly code, Middle Ages, Western Europe.

A. Larionova

“The Freedom and People’s Rights Movement”
and the first draft constitutions of Japan

The article is devoted to The Freedom and People’s Rights Movement in Japan in the second half of the XIX century aimed at the introduction of constitutional system and the convocation of the Parliament. Particular attention is drawn to the creation of the first constitutional drafts, notably, almost unknown in the national historiography *The Itsukaichi Draft Constitution*.

Key words: Japan, Meiji, constitution, parliament, Itsukaichi, Chiba Takusaburo, The Way of the King Essay.

A. Novikova

First Crusade and its impact on Czech Jewry
in Cosmas’s “Chronicle of Bohemians”

This article focuses on Jewish pogroms that accompanied the First Crusade, often said to play the key role in change of relations between Christians and Jews. In Jewish history summer of 1096 remains a period of catastrophe despite the low numbers of historical sources. Even less is known about the fate of Czech Jewry in Bohemia and Moravia. “Chronicle of Bohemians” by Cosmas of Prague is a vital source that provides information on both the events of that year and in general the aftermath of crusaders’ passage through Czech lands on their way to Jerusalem.

Key words: history, Middle Ages, crusades, Jewish Studies, Bohemia, Moravia, Czech history, pogroms.

D. Obrezkova

The evolution of the status of imperial functionaries
in the reflection of the Theodosian Code.
By the example of notaries

The article deals with the position of the notaries – the secretaries of the imperial consistory – in the second half of the IVth – the beginning of the Vth cen. The main source for that issue is the Theodosian Code – the first official codification of the Roman law of the Dominate.

The information of the Code allows to research such matters as the functions of the notaries (both primary and secondary), the organization of their schola, their benefits and privileges and, first of all, the rise of their rank and status in the course of time.

Key words: Late Roman Empire, notaries, referendaries, consistory, bureaucracy, the Theodosian Code.

N. Rostislavleva

Otto von Bismarck. The transformation of memory culture

The article considers the transformation of the memory culture of the outstanding politician, diplomat, founder of the German Empire, Otto von Bismarck. Close attention is given to the anniversaries of the politician, which are seen through the prism of actualization and deactualization of his image. It is explained how the communicative memory of Bismarck transformed into myth and becomes the basis for the national identity of the Germans. It is emphasized that the 200th anniversary commemoration was addressed to the history not to the myth. Only social policy of Bismarck remained in the cultural memory.

Key words: Germany, Otto von Bismarck, memory culture, Bismarck anniversaries, versions of commemoration

O. Silina

The minorites convents in the urban space.
A case study of English towns in the 13th century

The establishment of the Minorite convents (representing one of major mendicant orders in Western Europe) in English towns contributed to the strengthening the positions of the Order in that region. Features of the convents located in urban space, their interrelation with permanent structures of the towns (walls, gates, streets) are an example of a combination of the principles of the monastic construction with the spiritual ideals of the Minorities. The embodiment of spiritual ideals in the daily life of the brethren had a profound impact on the institutionalization of the Order.

Key words: the Order of Friars Minor, England, monasteries, royal rolls, urban periphery, identification.

A. Streltsov

“We are back in the position of August 1914”.

Occupation of the Ruhr 1923 in the perception of the prime minister of South African Union Jan Christian Smuts

The publication presents a speech translation of British and South African politician J.C. Smuts at a dinner at the Savoy Hotel in the South African club on October 23, 1923, devoted to the wide range of issues of British imperial policy as well as state-to-state relations in Europe. The emphasis is on Smuts position regarding the occupation of the Ruhr by French troops in 1923.

Key words: Ruhr region, Germany, UK, USA, the occupation, reparations, liberalism, France, Belgium.

R. Zarapin

Between freedom and empire.

Greek polis in Hellenistic Egypt

The article is devoted to the Greek polis evolution in the era of Hellenism. Analysing the changes of polis system in Ptolemaic and Seleucid kingdoms in III–I centuries B. C., the author declares that model of polis organization depended of its functions and historical traditions of self-governed societies.

Key words: Hellenism, Ptolemies, Ancient Egypt, Seleucids, polis.

Сведения об авторах

Биркин Михаил Юрьевич – младший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии» богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва), mbirkin@gmail.com

Бульчева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, bulychevalena@yandex.ru

Гвоздева Татьяна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Литературного института им. А.М. Горького, tbgvozdeva@rambler.ru

Ермолова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, merira@mail.ru

Заратин Роман Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, rzarapin@mail.ru

Комаров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, ruslan10@inbox.ru

Королева Елизавета Владимировна – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, schwertlilie@mail.ru

Лапишинов Максим Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, maximus7070@yandex.ru

Ларионова Алевтина Николаевна – бакалавр востоковедения и африканистики, Институт стран Азии и Африки МГУ, egofova.alya@gmail.com

Новикова Анна Александровна – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, anne_novikova@bk.ru

Обрезкова Дарья Викторовна – старший преподаватель кафедры истории отечества, государства и права Московского государственного университета геодезии и картографии, pargatti@yandex.ru

Ростиславлева Наталия Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, ranw@mail.ru

Силина Ольга Сергеевна – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, silina.o.c@gmail.com

Стрельцов Алексей Дмитриевич – аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук, dr.watson.s@mail.ru

Чернецкая Екатерина Кирилловна – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, dead-mello@yandex.ru

Черных Александр Игоревич – преподаватель кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, alex-clever.91@mail.ru

General data about the authors

Birkin Mikhail Yu. – junior research, “Sociology of Religion” Laboratory, St. Tikhon’s Orthodox University’s Department of Theology (Moscow), mbirkin@gmail.com

Bulycheva Elena V. – Ph.D. in History, associate professor of the Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, bulychevalena@yandex.ru

Chernetskaya Catherine K. – postgraduate student, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, dead-mello@yandex.ru

Chernykh Alexander I. – lecturer, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, alex-clever.91@mail.ru

Ermolova Irina E. – Ph.D. in History, associate professor of the Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, merira@mail.ru

Gvozdeva Tatyana B. – Ph.D. in History, associate professor of the Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Literary Institute, tbgvozdeva@rambler.ru

Komarov Andrey N. – Dr. in History, professor of the Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ruslan10@inbox.ru

Koroleva Elizaveta V. – postgraduate student, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, schwertlilie@mail.ru

Lapshinov Maxim A. – postgraduate student, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, maximus7070@yandex.ru

Larionova Aleotina N. – bachelor of Oriental and African Studies, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University, egorova.alya@gmail.com

Novikova Anna A. – postgraduate student, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, anne_novikova@bk.ru

Obrezkova Daria V. – senior lecturer, Department for Russian History, State and Law, Moscow State University of Geodesy and Cartography, pargatti@yandex.ru

Silina Olga S. – postgraduate student, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, silina.o.c@gmail.com

Streltsov Alexey D. – postgraduate student, State Academic University for Humanities, dr.watson.s@mail.ru

Rostislavleva Natalia V. – Dr. in History, professor of the Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ranw@mail.ru

Zarapin Roman V. – Ph.D. in History, associate professor of the Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, rzarapin@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 17.11.2016.
Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 139

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
«История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»

ОАО Агентства «Роспечать» – 70969.

Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
